

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сибирский государственный университет путей сообщения»

На правах рукописи

ТАСКАЕВА ЕЛЕНА БОРИСОВНА

БИЛИНГВИЗМ В БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ

Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия
культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук, профессор
Мартишина Наталья Ивановна

Новосибирск

2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1: Феномен билингвизма как объект философско-культурологического исследования	
1.1 Билингвизм как языковое и культурное явление.....	16
1.2 Культурфилософские основания определения билингвизма и идентификации билингва как языковой личности	32
Глава 2: Билингвизм в тематическом пространстве философского осмысления	
2.1 Неклассическая философия языка как теоретическое основание культурфилософского осмысления билингвизма.....	51
2.2 Конструктивистская исследовательская программа в осмыслении культурных оснований билингвизма.....	66
2.3 Герменевтическая традиция в осмыслении билингвизма как характеристики человеческого бытия.....	81
2.4 Структурализм, семиотика и постструктурализм в осмыслении билингвизма как ситуации бытия человека и культуры.....	95
Глава 3. Билингвизм как фактор развития человека и культуры	
3.1 Билингвизм в становлении личности.....	112
3.2 Билингвизм в развитии культуры и межкультурной коммуникации.....	130
Заключение	149
Список литературы	154

Введение

Актуальность темы исследования определяется прежде всего возрастающей распространенностью билингвизма как культурного феномена и способа бытия человека в современном мире. Расширение культурных контактов и интенсификация межкультурной коммуникации, глобализация и информатизация социальной реальности, усложнение и интернационализация самых разных сфер деятельности, развитие туризма и миграционные процессы, превращение мультикультурализма в способ существования большинства современных обществ заставляют предположить, что количество людей, постоянно использующих в своей повседневной жизни, профессиональной практике, в различных сферах общения два или более языков, в обозримой перспективе будет только увеличиваться, а варианты сочетания различных языков конкретной языковой личности будут все более разнообразными. Возможные изменения, которые происходят под влиянием этого процесса в развитии национальных культур, в осознании и выражении людьми собственной сущности, нуждаются в философском осмыслении.

В современной философии язык является одним из важнейших объектов изучения. Язык рассматривается как важнейшая составляющая культуры и интегративный фактор ее развития, основа социализации и инкультурации индивида, система, поддерживающая и формирующая структуру и определенный способ мышления, картину мира, мировоззрение на уровне общественного, группового, индивидуального сознания. Но как трансформируются все эти процессы, если они протекают не в моно-, а в полиязыковой среде, когда мыслеформирующую, аксиологическую, эмоционально-экспрессивную и другие функции параллельно выполняют для субъекта два или более языков – вопрос, исследование которого на данный момент находится лишь в начальной точке.

Актуальность изучения данного вопроса в теоретическом плане связана с необходимостью развития философских представлений о функциях языка в

культуре и о способах, которыми язык выполняет эти функции. Философское осмысление практики билингвизма открывает возможности привлечения нового эмпирического материала, способного содержательно углубить понимание сущности языка как части культуры, характера языкового конструирования мышления, роли языка в культурной динамике и развитии личности. Востребованность такого исследования в практическом отношении обусловлена также потребностями прикладных дисциплин и сфер деятельности, так или иначе обращающихся к проблемам межязыкового взаимодействия. В лингвистике, психологии, физиологии высшей нервной деятельности феномен билингвизма изучается с различных сторон, но возможности обобщения полученных данных и междисциплинарного синтеза сдерживаются отсутствием базовых теоретических представлений о культурной и антропологической сущности билингвизма, степени и направленности его влияния на личность и культурные процессы; такое исходное представление может быть выработано только теоретическими средствами философии как общеметодологической дисциплины. В сфере информационных технологий в настоящее время актуализирована проблематика машинного перевода, в связи с развитием технологических возможностей нового уровня; решение возникающих в связи с этим проблем также требует, в качестве основания, методологического анализа межязыкового взаимодействия как процесса, протекающего в культурной среде.

Степень разработанности проблемы. Представляется возможным выделить несколько основных направлений исследований, сопряженных с ключевой проблемой данной работы.

Язык как часть культуры и фактор ее развития является традиционным объектом философского осмысления. В классической философии данная проблематика прослеживается в работах Аристотеля, Дж. Беркли, Ф. Бэкона, Д. Вико, Г. В. Ф. Гегеля, И. Гердера, Т. Гоббса, В. фон Гумбольдта, Р. Декарта, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. В. Лейбница, Дж. Локка, Л. Фейербаха, К. Маркса, А. А. Потебни, И. Г. Фихте и др. В неклассической философии сформировались

направления логического и лингвистического анализа (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Дж. Остин, У. Куайн, Г. Райл, Дж. Сёрль и др.), кроме того, проблемы функционирования языка, выражения в нем особенностей культуры, влияния языка на мышление затрагивали представители других философских направлений (Х. Г. Гадамер, Э. Гуссерль, Д. Мур, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, Ф. Ницше, П. Рикёр, М. Хоркхаймер, М. Шлик и др.). Теоретическая лингвистика XX в. (А. А. Реформатский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, Р. О. Jakobson, А. Е. Кибрик, А. А. Кибрик, Е. С. Кубрякова, С. А. Бурлак, А. Вежбицкая, Л. Ельмслев, Дж. Лакофф, А. Мартине, Э. Сепир, Ф. де Соссюр, Б. Л. Уорф и др.) вышла при рассмотрении языка как «духа культуры» на уровень философских обобщений, не всегда принимаемых самим лингвистами, но формирующих определенную философскую традицию рассмотрения языка. Особое внимание уделили языку представители структурализма и постструктурализма (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, М. Фуко, У. Эко и др.). В современной отечественной традиции проблемы социокультурного функционирования языка представлены в работах Н. С. Автономовой, Н. Д. Арутюновой, М. Л. Алексеевой, М. Я. Блоха, А. В. Воротовой, А. Г. Горбачевой, О. А. Донских, С. Ю. Дрофа, Э. М. Думновой, Е. А. Ерохиной, О. Б. Истоминой, И. Т. Касавина, М. С. Козловой, Е. С. Кубряковой, Ю. М. Лотмана, Б. В. Маркова, Н. И. Мартишиной, Л. А. Микешинной, Л. К. Нефедовой, В. М. Розина, Ю. С. Степанова, Н. П. Сухановой, О. В. Хлебниковой, В. Ф. Шаповалова и др. В целом в философских исследованиях языка уже достаточно полно раскрыты системообразующая роль языка в культуре, его многоплановое влияние на социокультурные процессы, формирующее воздействие языка на становление личности и характер ее представлений о мире. Но сложившаяся в философии языка традиция неявно ориентирована на представление о реализации всех этих функций одним национальным, родным для человека языком и на компаративистский анализ социокультурного функционирования различных языковых систем; ситуация, когда личность как субъект культуры формируется в условиях реального

двухязычия, относительно редко становилась до сих пор предметом целенаправленного философского изучения, и ее специфика еще недостаточно осмыслена.

В связи с ориентацией исследования на философско-культурологический и антропологический анализ одна из его отправных идей состояла в том, чтобы использовать для философского осмысления билингвизма исследовательские программы за рамками собственно философии языка и оценить дополнительные возможности, открываемые таким построением исследования. В этом аспекте в диссертации были рассмотрены герменевтика, с опорой на работы Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, П. Рикёра, и конструктивизм, с обращением к трудам таких авторов, как Л. Бейкер, Е. Н. Блинов, П. Бергер, Т. Лукман, Н. И. Мартишина, Б. И. Пружинин, В. Ф. Шаповалов. Описание данных философских направлений, формулировка их принципов в качестве исследовательских программ разработаны в указанных источниках, но, как правило, вопрос о применении предложенных позиций непосредственно к проблеме билингвизма в этих работах не ставится, и предлагаемые в данной работе интерпретации принадлежат автору исследования.

Билингвизм изучается в ряде специальных научных дисциплин. В лингвистике (В. А. Аврорин, Л. Блумфилд, К. Замятин, У. Лабов, А. А. Кибрик, А. Пасанен, Е. А. Проценко, Я. Саарикиви, С. Г. Тер-Минасова, Н. Хомский и др.) рассматриваются различные виды многоязычия, включая социальное и индивидуальное, характер функционирования и взаимодействия различных языковых систем на определенной территории или в определенной социальной общности. При этом лингвистические исследования билингвизма носят в большей степени прикладной характер, обычно в них рассматривается взаимодействие конкретных языков (и чаще всего – в конкретном регионе), а вопрос о том, насколько общими являются обнаруживаемые закономерности, остается за рамками исследования. Оформившееся позднее направление когнитивной лингвистики (Е. Г. Ваганова, Н. Л. Вигель, Я. Б. Емельянова, К. З.

Закирьянов, Е. С. Кубрякова, Е. И. Риехакайнен, Н. Г. Юзефович и др.) совместно с когнитивной психологией изучает такие особенности языковой деятельности билингов, как хранение информации в долговременной и кратковременной памяти, способность переключать внимание, процессы категоризации и формирования языковой картины мира. В социолингвистике (П. Бурдьё, Б. Б. Балданов, У. Вайнрайх, С. В. Иванова, У. Лабов, Е. Г. Оршанская, М. Blanc, J. Hamers и др.) объектом изучения являются социальные аспекты билингвизма, особенности языкового поведения различных социальных групп, использование языков в определенных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации. В психологии (Ю. И. Александров, Н. Л. Александрова, Ф. Грожан, Д. Макнамара, Ж. Пиаже, К. Ф. Седов, О. И. Уланович, Н. А. Чуркина, E. Bialystok, F. Craik, G. Luk, V. Marian, J.-M. Dewaele, Li Wei, J. K. Hartshorne, J. B. Tenenbaum, S. Pinker, A. Leung, W. Maddux, A. Galinsky и др.) изучаются характер коммуникативных навыков и когнитивные особенности билингов, влияние билингвизма на словарный запас в каждом из языков, модели обработки языковой информации, способность решать интеллектуальные и творческие задачи. В педагогике (М. Б. Богус, Э. В. Гафиятова, Т. А. Глебова, Н. В. Евдокимова, Е. А. Карпушкина, О. А. Козырева, Д. Г. Матвеева, Е. В. Потемкина, И. В. Ружицкий, О. М. Рябцева, Л. П. Хабарова, Г. И. Чиршева, S. Krashen, O. García, A. Lin и др.) рассматриваются дидактические приемы формирования многоязычия и проблемы, связанные с обучением многоязычных детей. В нейробиологии и нейрофизиологии (К. В. Анохин, Т. В. Черниговская, J. Legault, K. A. Litcofsky, Ping Li и др.) с помощью новейших технологий, включая МРТ, изучаются физиологические особенности мозга билингов, функционирование мозга при попеременном использовании различных языков. В результате в этих дисциплинах накоплен огромный эмпирический материал, но задача его теоретического осмысления и систематизации на единых философских основаниях остается лишь перспективой развития исследований.

Философские диссертации, в которых билингвизм является основным предметом исследования, весьма немногочисленны. В первую очередь следует отметить диссертационное исследование О. А. Колыхаловой «Социокультурные и философские аспекты билингвизма» (Москва, МГПУ, 1999 г.). В этой работе было дано описание феномена билингвизма, обозначена нетривиальность процесса понимания в билингвальной среде, выявлена связь билингвизма с информатизацией общества. В то же время за рамками исследования остался ключевой, на наш взгляд, вопрос об определении сущности билингвизма с философских позиций (автор фактически использует его эмпирическое определение). Исследование было выполнено в тематическом поле социальной философии и соответственно направлено на социально-политические аспекты явления; формирование билингвизма было рассмотрено лишь в границах образовательной практики, его роль в динамике культуры и межкультурной коммуникации также специально не изучалась. Кроме того, за время, прошедшее после защиты данной работы, некоторые тенденции определились более отчетливо, а такие исследовательские программы, как герменевтика и практически не представленный в работе О. А. Колыхаловой конструктивизм, получили развитие. Также в контексте социальной философии билингвизм рассматривается в трудах О. Б. Истоминой, включая диссертационное исследование «Языковые контакты в современном российском обществе – сущность, формы, тенденции: региональный аспект» (Улан-Удэ, БГУ, 2013). В данных работах большее внимание уделено определению сущности билингвизма и многообразию форм его проявления, но все же исследовательский интерес автора преимущественно направлен на билингвизм в бытии этноса, а не человека, на значение билингвизма как фактора этногрупповой деятельности и самосознания, межэтнических взаимоотношений и социального развития территорий. Диссертация Т. В. Ковалевой «Билингвизм в русской культуре XVIII – середины XIX вв.» (СПбГУ, 2007 г.), напротив, имеет культурологическую направленность, но в

ней рассматривается лишь территориально и во временном отношении ограниченная языковая ситуация.

Цель работы состоит в выявлении и систематизации уже существующих проявлений и определении перспектив билингвизма как фактора существования и развития культуры, механизма трансляции культуры и межкультурного взаимодействия, а также возможного основания инкультурации человека и формирования личности.

Для реализации поставленной цели в диссертации необходимо было решить следующие **задачи исследования**:

- дать эмпирическое описание факторов распространения и форм присутствия билингвизма в современных культурах;
- уточнить определение и границы референции термина «билингвизм» на основе философско-культурологического подхода;
- определить круг философских направлений, исследовательские программы которых наиболее эффективны для осмысления сущности и значения билингвизма, и показать формируемые ими аспекты рассмотрения билингвизма как культурного явления и основания бытия человека;
- систематизировать и обобщить на философском уровне эмпирические данные о влиянии билингвизма на развитие личности;
- оценить существующее место билингвизма в процессах межкультурного взаимодействия и его перспективы в этом отношении.

Проблема исследования формулируется на основе сказанного и может быть представлена в виде вопросов: в чем состоит сущность билингвизма как не только языкового, но и культурного, а также личностного феномена? Какие направления и характер его влияния на личностное и культурное развитие могут быть зафиксированы в качестве общих закономерностей?

Объектом исследования в диссертации является билингвизм как явление культуры и языковое основание бытия человека. **Предметом исследования** выступают как антропокультурные детерминанты билингвизма, так и

обусловленные самим билингвизмом и сопряженные с ним особенности функционирования культуры и человеческого бытия.

Основные результаты диссертационного исследования, **определившие его научную новизну**, состоят в следующем:

1. Показано, что билингвизм в современном мире имеет тенденцию не только к количественному росту, но и к возрастанию разнообразия форм проявления и условий, ведущих к его формированию; описаны основные типы культурных ситуаций, детерминирующих билингвизм.

2. Предложен критерий идентификации человека как билингва, основанный на современных философских представлениях о связи языка и мышления: о билингвизме можно говорить в том случае, когда человек способен к генерации мысли непосредственно на каждом из используемых языков, в противоположность последовательному переводу.

3. Сформулированы базовые принципы описания билингвизма с позиций философии лингвистического анализа, конструктивизма, герменевтики, структурализма и постструктурализма. С точки зрения философии лингвистического анализа билингвизм обусловлен потребностью в альтернативных способах отображения культурных реалий средствами разных языков. В рамках конструктивизма билингвизм может быть рассмотрен как явление, формирующееся в условиях усложнения социальной реальности и отражающее несводимость друг к другу реалий различных культур, а также как способ конструирования различных жизненных миров. Герменевтика дает ключ к изучению билингвизма как стыковки и взаимодействия не только двух языков, но и двух культурных традиций, и определяет процесс понимания как диалог между культурами, каждая из которых образует контекст локального сообщения и участвует в его понимании. Структурализм и постструктурализм рассматривают относительность плана содержания и плана выражения любого языка в качестве фундаментальной предпосылки для возможности объяснения механизма, с помощью которого содержание мысли может воплощаться в альтернативные формы, соответствующие конкретным языкам и культурам.

4. Систематизированы данные о связи билингвизма с такими характеристиками личности, как способность противостоять «тирании языка», активность в преодолении когнитивных трудностей, устойчивость ментальной функции контроля и принятия решений, коммуникативность и способность к эмпатии. Показано, что такая связь имеет объективные основания, поскольку ситуация билингвизма создает не обязательно явный для человека, но постоянно возобновляющийся вызов к выбору между вариантами языковой и коммуникативной деятельности.

5. Предложено определение позиции билингвов в межкультурной коммуникации на основе интерпретации философской метафоры языка как моста между культурами.

Теоретическое значение диссертационного исследования заключается в концептуальном определении сущности билингвизма и рамок применения данного термина к языковым явлениям современной культуры. Осуществленная в работе систематизация представлений о влиянии билингвизма на формирование мышления и личностных качеств человека, на протекание культурных процессов обогащает существующие в философии и лингвистике представления о взаимосвязи языка и мышления, о языке как факторе функционирования и развития культуры, разрабатывая их на конкретном материале.

Практическая значимость. Материалы и выводы исследования могут быть использованы в преподавании курсов философии, культурологии, других социально-гуманитарных дисциплин, а также при разработке методологии и методик обучения иностранным языкам. Некоторые идеи исследования могут найти применение в практике управления процессами межкультурной коммуникации, организации взаимодействия представителей различных культур.

Теоретико-методологическая основа исследования

Наиболее общей методологической основой работы является диалектика, поскольку автор стремился к рассмотрению билингвизма с точки зрения

закономерностей его развития, в контексте многообразия проявлений билингвизма и его (взаимо)влияния на различные компоненты культуры. В работе используются идеи неклассической философии и теоретической лингвистики о взаимосвязи языка и мышления, формирующем влиянии языка на мышление и становление личности человека, системообразующей роли языка в культуре. Вместе с тем для автора методологически важными представляются как исследования памяти средствами психологии, так и естественнонаучные идеи о возможности изучения нейрофизиологических процессов как коррелятов человеческого мышления и биологических механизмов закрепления субъективного опыта.

При изучении и интерпретации источников применялись элементы компаративистского и герменевтического анализа. В работе использовались также такие общенаучные методы, как наблюдение, эмпирическое обобщение, типологизация, анализ и синтез.

Положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Основные факторы, обусловившие количественный рост и возрастание многообразия форм проявления билингвизма в современном мире – глобализация, миграции, интенсификация торгового, технологического, информационного, научного и культурного обмена между странами – носят объективный характер, что позволяет прогнозировать дальнейшее интенсивное расширение билингвизма и многоязычия как необходимого в перспективе условия активного социального бытия.

2. При огромном научном и практическом интересе к феномену билингвизма и большом объеме эмпирических данных о нем до сих пор не сформировалось единое определение термина «билингвизм», не установлены устойчивые критерии, дающие основание говорить о билингвизме конкретной языковой личности. Крайние точки среди вариантов его определения – это отнесение к билингвам всякого, кто способен выполнять основные языковые операции хотя бы в минимальном объеме более чем на одном языке, и, напротив, признание билингвом только человека, одинаково хорошо

владеющим обоими языками. Уточнение критериев определения билингвизма возможно на основе философского принципа двусторонней связи языка и мышления: способность к осуществлению мышления на двух языках, выражающаяся в способности человека построить осмысленное предложение на изучаемом языке независимо от своего первого языка, дает возможность говорить о достижении им уровня билингвизма.

3. Наиболее эффективными для описания билингвизма исследовательскими программами в современной философии являются философия лингвистического анализа, герменевтика, конструктивизм, структурализм и постструктурализм. Философия лингвистического анализа позволяет определить билингва как человека, способного оперировать различными языковыми системами в соответствии с правилами каждого из языков и порождать высказывания в виде полных смысловых знаков языка – предложений. Перспективы использования конструктивизма в осмыслении билингвизма связаны с тем, что в данном направлении язык трактуется одновременно как отображение конструируемой реальности (реальностей) и способ ее (их) конструирования. Герменевтика подчеркивает погруженность билингвов в контекст различных культур, что позволяет им органично воспринимать и понимать сообщения на разных языках с учетом соответствующего культурного контекста. Структурализм и постструктурализм предлагают объяснение принципиальной возможности соотносить определенные субстанции и формы содержания с вариативными субстанциями и формами выражения и позволяет рассматривать билингва как человека, в принципе способного облекать конкретные субстанции содержания в альтернативные формы выражения.

4. Билингвизм, достигнутый в развитии языковой личности, сам по себе не формирует те или иные личностные качества, но он создает фундаментальное расширение «фондов бытия» личности, дающее возможность для ее развития в определенных направлениях. Билингвизм превращает ситуацию, требующую рефлексии над когнитивными средствами и выбора этих

средств, в постоянный фактор бытия человека, что активизирует обеспечивающие его осуществление процессы.

5. При формировании билингвизма человек внутри собственной личности контактирует одновременно с реалиями различных культур, следовательно, билингв в межкультурном взаимодействии объективно является связующим звеном, точкой контакта, узлом, в котором сплетаются линии культурной сети. Диалог культур во внутреннем мире человека является прообразом и основой диалога культур в глобальном масштабе.

Апробация исследования

Идеи и результаты исследования были представлены на научных конференциях: XXIV Всемирном философском конгрессе (Пекин, 2018 г.); III Международной научно-практической конференции «Проблемы антикризисного управления и экономического развития (ПАУЭР-2016)» (Новосибирск, СГУПС, 2016 г.), 2-й международной научно-практической конференции «Семиотическое пространство языка. Знаки и смыслы» (Новосибирск, НГТУ, 2018 г.), XVII Всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: мыслитель в современном мире» (X Ореховские чтения) (ОмГПУ, Омск, 2018 г.), XXX Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы модернизации высшей школы: Модернизация отечественного высшего образования в контексте национальных традиций» (Новосибирск, СГУПС, 2019 г.), II Международной научно-практической конференции «Восток – Запад: теоретические и прикладные аспекты преподавания европейских и восточных языков» (Новосибирск, СГУПС, 2019 г.), XVIII Всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: пространство игры» (XI Ореховские чтения) (ОмГПУ, Омск, 2019 г.), а также на методологических семинарах кафедр «Философия и культурология» и «Английский язык» Сибирского государственного университета путей сообщения. Основные результаты исследования представлены в публикациях автора, в том числе в трех статьях в

изданиях, рекомендованных ВАК для опубликования научных результатов диссертаций.

Структура и объём исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 205 наименований. Работа изложена на 173 страницах компьютерной вёрстки.

Глава 1. ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Билингвизм как языковое и культурное явление

Естественные языки в течение тысячелетий функционируют как средство общения и мыслительной деятельности людей. Исторически сложившееся проживание на одной территории двух или более социальных общностей, говорящих на разных языках, и, как следствие, необходимость выбора языка или языков общения между ними являются основными предпосылками естественного многоязычия. Однако возникновение и параллельное существование огромного количества языков на протяжении всей истории человечества создает определенные трудности в общении носителей этих языков. Во все времена проблема взаимопонимания между разноязычными сообществами решалась путем усвоения отдельными индивидуумами или целыми группами языка другого народа или племени, а конкретные сценарии этого универсального процесса были обусловлены различными социальными, политическими, экономическими причинами. В современных условиях к предпосылкам, определяющим необходимость усвоения других языков в дополнение к родному, относятся глобализация, различные виды миграции, мультикультурализм, межнациональные браки – самые разнообразные факторы, делающие ситуацию пребывания или проживания людей в зонах распространения иного языка скорее типичной, чем исключительной. В настоящее время более половины населения Земли являются мультилингвами, то есть используют в повседневной жизни два, три и более языков. Будучи явлением всемирного масштаба, многоязычие и его наиболее частое проявление – билингвизм – давно стали объектом изучения различных наук, каждая из которых решает свои теоретические и прикладные задачи. Хотя понятие «билингвизм» широко используется в научной литературе, дискуссии

по поводу того, что конкретно стоит за этим термином и какого человека можно считать билингвом, не завершены до сих пор.

В российской научной традиции освещение вопросов многоязычия восходит ко временам Советского Союза и советской лингвистической науки, где синонимичные термины «многоязычие», «мультилингвизм» и «полилингвизм» трактуются, с одной стороны, как употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности, то есть «национальное многоязычие», поскольку речь идет прежде всего о государственных образованиях, а с другой стороны, как использование отдельным человеком в повседневной жизни нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, и в этом случае используется термин «индивидуальное многоязычие»¹. Социальное или национальное многоязычие в отечественной научной традиции чаще всего выступало объектом исследования лингвистики и социолингвистики, тогда как индивидуальное многоязычие в большей степени рассматривалось психологией и педагогикой.

Рассмотрим в качестве примеров национального многоязычия современную языковую ситуацию в Российской Федерации и в соседних странах и регионах евразийского континента. Многоязычие на территории Российской Федерации имеет глубокие исторические корни. Достаточно вспомнить историю Российской Империи, объединившей на протяжении своего существования множество больших и малых народов, которые сохраняли свои языки и культурные традиции при ведущей роли русского языка в качестве государственного, использовавшегося в сфере делопроизводства, науки и культуры. Затем, в советский период, в результате вхождения в состав Советского Союза различных национальных республик, языковое многообразие еще более усилилось. Согласно официальным данным, к 1980 году на территории СССР существовало около 130 языков коренных народов страны, проживавших в 15 союзных республиках, в состав которых входили

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.303.

автономные республики, области, округа. Языки всех этих народов различались по объему общественных функций, численности говорящих на каждом языке, наличию письменности и письменных традиций. Русский язык, являвшийся государственным языком СССР, выполнял различные социальные функции, в том числе функцию средства межнационального общения. Согласно данным переписи 1979 года, на территории Советского Союза около 137,5 миллионов человек считали русский язык своим родным языком, 73 миллиона (28,1% населения) считали себя двуязычными, в том числе для 61 миллиона человек (23,4% населения) вторым языком служил русский¹. После распада Советского Союза в 1991 году и последовавшего за ним «парада суверенитетов» во многих территориальных образованиях были приняты местные законы, в которых за языками народов России был закреплен официальный статус. В настоящее время вопросы взаимодействия русского языка и языков других народов России регулируются Конституцией Российской Федерации 1993 года, Законом о языках народов Российской Федерации 1998 года, Федеральным законом о государственном языке Российской Федерации 2005 года, Законом об образовании 1992 года с поправками 2007 года. Согласно действующей Конституции, русский язык имеет статус государственного языка на всей территории страны (статья 68). Более тридцати языков народов России имеют статус государственных языков республик, таких как Татарстан, Удмуртия, Башкирия, Саха Якутия, Марий Эл и многих других. Например, в Татарстане, Башкирии, Якутии татарский, башкирский и якутский языки широко применяются в сфере управления, в образовательных учреждениях и как языки средств массовой информации². Во многих субъектах Российской Федерации обучение на национальных языках ведется в начальной и средней школе наравне с русским языком. В целом, в России дву- и многоязычное население в зависимости от системы подсчета составляет примерно 15-20 %³. Россия входит

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 303.

² Многоязычие в России: региональные аспекты. М., 2008.

³ Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? Хельсинки, 2012.

в число стран, подписавших Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств.

Феномен многоязычия регулируется в рамках языковой политики различных государств или их союзов, что записано в текстах конституций и законах о языковой политике соответствующих государственных образований. Характерным примером может служить языковая политика Европейского Союза, закреплённая в Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (European Charter for Regional or Minority Languages), которая регламентирует вопросы сохранения и использования региональных языков в различных сферах общественной жизни. Согласно специальному отчету под названием «Европейцы и их языки» («Europeans and their languages»), опубликованному на сайте Европейской комиссии в 2012 году, на территории Европейского союза существуют 23 официальных государственных языка и более 60 региональных языков или языков этнических меньшинств. Европейский союз на наднациональном уровне защищает и сохраняет это языковое разнообразие в целях поддержки культурной идентичности и социальной интеграции, чтобы многоязычные граждане могли более эффективно воспользоваться образовательными, профессиональными и экономическими возможностями, создаваемыми в объединённой Европе. Языковая стратегия Европейского сообщества, оформленная в виде «Новой рамочной стратегии по многоязычию», утверждённой в 2005 и обновлённой в 2008 году, предполагает применение трех базовых принципов: понимание важной роли языков и многоязычия для европейской экономики, поощрение всех граждан к изучению и использованию большего количества языков с целью улучшения взаимопонимания и коммуникации, гарантированный доступ всех граждан к европейскому законодательству, процедурам и информации на их родном языке¹. Долгосрочной целью стратегии названо такое положение дел, когда каждый гражданин Евросоюза будет владеть как минимум двумя

¹ Special Eurobarometer 386: Europeans and their languages. / European Union Open Data Portal, 2012. – URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb_special_399_380_en.htm#386 (дата обращения: 15.08.2017).

языками в дополнение к родному. Таким образом, территория Европы – один из регионов мира с комплексной и многослойной языковой ситуацией. Под термином «языковая ситуация» в лингвистике и социолингвистике понимаются совокупность форм существования и стилей одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований¹. В качестве примеров государств и регионов, не уступающих Европе по языковому разнообразию, можно назвать Китайскую Народную Республику, Индию, регионы Центральной Азии, и многие другие.

Многоплановая языковая ситуация сложилась к настоящему времени в таких странах бывшего СНГ, как Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, сохраняющих тесные экономические, политические и культурные связи с Россией и одновременно укрепляющих связи с другими влиятельными странами азиатского региона. По данным лингвосociологических исследований, в этих государствах на первом месте по распространению и функционированию находятся соответствующие национальные языки, второе место в силу исторических и политико-экономических причин занимает русский язык, на третьем месте находится английский как язык международного бизнеса. Показательна в этом смысле современная языковая политика Казахстана, где в течение последних лет проводится политика трехязычия, включающего использование казахского, русского и английского языков с целью интеграции Казахстана в мировое сообщество, а также законодательно утвержден переход на новый казахский алфавит на основе латиницы. Четвертое место по использованию в центральноазиатском регионе занимает турецкий язык, будучи сравнительно легким для изучения как один из языков тюркской языковой семьи, к которой относятся и языки вышеназванных стран; этот факт также отражает региональную экономическую значимость Турции. На пятое место в последнее десятилетие вышел китайский язык

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 616.

вследствие усиливающегося экономического и культурного влияния Китая в регионе Центральной Азии в рамках реализации стратегии Нового Шелкового Пути и стремления руководства КНР повысить статус китайского языка за рубежом. Центральное правительство Китая вкладывает значительные средства в популяризацию и распространение китайского языка, открывая в разных странах филиалы Института Конфуция, где преподавание языка и культуры ведут китайские педагоги; кроме того, по программам Министерства образования КНР преподаватели китайского языка из разных стран региона могут проходить повышение квалификации в высших учебных заведениях на территории Китая.

В самой Китайской Народной Республике с населением, приближающимся к 1,4 миллиарда человек, языковая ситуация крайне разнообразна. Здесь проживает 56 различных национальностей, среди которых почти 95 процентов составляют «хань» – собственно китайцы. Но даже у ханьцев существует значительное количество сильно различающихся диалектов, которые лингвисты делят на 8 основных групп. Диалекты настолько разнятся между собой в плане произношения и словарного состава, что зачастую их носители не понимают речь друг друга, поэтому огромное значение для поддержания административного и культурного единства страны имеет иероглифическая письменность, одинаковая на всей территории Китая. Крупнейшей из диалектных групп, охватывающей 70 процентов носителей китайского языка, является группа северных диалектов. Именно она и послужила основой для формирования общенационального нормативного языка «путунхуа» (буквально «общераспространенный язык»), принятого в качестве государственного языка КНР, являющегося языком делопроизводства, образования, средств массовой информации и выполняющего функцию языка межнационального общения. Национальные меньшинства, проживающие на территории КНР, сохраняют свои языки, а крупнейшие из этих групп – монголы, уйгуры, тибетцы, чжуань, дунгане – имеют административную автономию. Таким образом, большая часть населения Китая как минимум

двухязычна, поскольку с детства усваивает в семье свой родной язык или диалект, а в процессе школьного образования изучает государственный язык «путунхуа».

Современная языковая ситуация в Гонконге, который ныне является особым административным районом Китая, в силу исторических причин отличается от ситуации в остальном материковом Китае. В течение 155 лет (1842-1997) Гонконг был колонией Великобритании. Во времена британского правления здесь сформировалась ситуация диглоссии, когда китайский и английский языки занимали отдельные социальные ниши: приезжавшие на постоянное жительство британские чиновники и коммерсанты пользовались английским языком, их дети обучались в элитных английских школах, а коренные жители продолжали говорить на южно-китайском (кантонском) диалекте или других языках местных народностей. После возвращения Гонконга под суверенитет КНР в 1997 году, благодаря образовательной политике КНР, ситуация диглоссии всего за двадцать лет превратилась в ситуацию билингвизма, как социального, так и индивидуального. В настоящее время «высокая» или литературная форма местного кантонского диалекта активно используется в политической и деловой жизни наряду с английским. Параллельно, благодаря широкому изучению английского языка в интернациональных по составу школах, все больше китайских школьников и студентов, особенно относящихся к среднему классу, начинают пользоваться английским дома. Следует добавить, что после возвращения Гонконга в состав КНР центральное правительство Китая стало активно продвигать распространение в этом районе официального языка «путунхуа», в том числе с помощью телерадиовещания и интернета, под лозунгом «одна страна, две культуры, три языка (кантонский диалект, «путунхуа» и английский язык)». Другая популярная формулировка, описывающая местную языковую политику:

«две письменности (китайская иероглифика и английский алфавит) и три языка»¹.

Картина многоязычия в Индии, уже догоняющей Китай по количеству населения, представляла собой сложную мозаику на протяжении многих столетий. К настоящему времени лингвисты зафиксировали здесь более 1650 наречий, принадлежащих к пяти крупным языковым семьям. Ученым удалось в некоторой степени обобщить это многообразие, выделив на основе имеющихся наречий 114 различных языков. В индийской Конституции записано, что хинди и английский являются двумя языками работы национального правительства, то есть общегосударственными языками, а также приведен список 22 официальных языков, которые могут использовать в административных целях правительства разных индийских штатов. Многоязычие в Индии имеет ряд особенностей, и одна из основных – большой процент многоязычного населения как на всей территории страны, так и в каждом отдельном штате или союзной территории. Согласно данным переписи 1991 года, мультилингвы составляли почти 20 процентов населения Индии. В результате совместного проживания различных языковых групп в пределах административных территорий местные жители усваивают два-три языка с раннего детства, еще не посещая школу. Как отражение специфики языковой ситуации в стране, в Конституции Индии заложено понятие родного языка отдельного человека («mother tongue»). Согласно определению, сформулированному индийскими активистами по защите языковых прав, родной язык имеет несколько характеристик: это язык, который человек выучил первым в своей жизни; это язык, который он или она знает лучше всего; это язык, используемый данным лицом чаще всего; это язык, с которым человек идентифицирует себя; это язык, на котором представлена картина мира данного человека, язык его мышления и творчества. Для записи всех индийских языков применяется 14 различных систем письменности: один и тот же вид письменности может служить для

¹ Milans M. Bilingual Education in Hong Kong / Encyclopedia of Language and Education. Bilingual Education. – Springer, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-02324-3_17-1.

записи разных языков, и, наоборот, для записи конкретного языка могут быть использованы разные виды письменности. В качестве особой категории билингвизма в Индии исследователи выделяют знание английского языка в дополнение к родному или родным языкам конкретного гражданина. Этот вид билингвизма назван «спонсируемым», поскольку государство выделяет значительные средства на школьное обучение английскому. Значение английского языка для местного населения обусловлено колониальным прошлым страны в составе Британской Империи и последующим вхождением в британское Содружество Наций, а также важной ролью, которую этот язык играет в современном глобальном мире. Большинство индийцев положительно относятся к изучению английского, понимая его значение для реализации успешной жизненной стратегии и карьеры. Другим языком, официально поддерживаемым на государственном уровне, является хинди. Таким образом, для населения Индии характерно сочетание билингвизма, естественно формирующегося в семье с раннего детства, и билингвизма, развивающегося в процессе формального обучения. В настоящее время в сфере школьного образования применяется «Формула трех языков»: каждый ребенок имеет право на изучение родного языка, английского языка и хинди (в тех штатах, где не говорят на хинди), или другого современного индийского языка (в штатах, где хинди является основным языком общения)¹.

Таким образом, наряду с естественным или семейным многоязычием во всем мире благодаря глобализации все шире распространяется учебное многоязычие, что обусловлено процессами торгового, технологического, информационного, научного, культурного обмена между различными странами. Характерным примером в этом смысле является поддерживаемое на государственном уровне изучение английского языка в качестве иностранного в России, Казахстане, Китае, Японии, Южной Корее и многих других странах.

¹ Agnihotri R. K. Multilinguality and the teaching of English in India. // English and Foreign Languages Journal. 2010. 1 (1). P. 1-14 ; Subhush Three language education formula in multilingual India: Problems and Prospects. // International J. Educational Research. 2013. Vol. 1. Issue 4. P. 150-158.

Проблемы многоязычия давно занимают умы западных лингвистов, психологов, специалистов в сфере образования. Вместе с тем, как отмечают канадские исследователи билингвизма Д. Хамерс и М. Бланш, само понятие «билингвизм» до сих пор не имеет однозначного научного определения и четких критериев, и дискуссии по поводу содержания этого термина продолжаются в науке по сей день¹. В традиционном житейском понимании, которое зафиксировано в толковых словарях английского языка, слово «bilingual» – «двуязычный» – обозначает человека, который одинаково хорошо, как родными, владеет двумя разными языками. Авторитетный американский лингвист Л. Блумфилд в монографии «Language» («Язык») придерживается этого классического определения, указывая, однако, что никто не может точно определить степень совершенства владения вторым языком, при которой говорящий на нем становится билингвом². В противоположность этому взгляду, психолог Дж. Макнамара предлагает считать билингвом любого, кто обладает минимальной компетенцией хотя бы в одном из четырех основных языковых навыков – умении слушать, говорить, читать или писать³. Две указанные позиции, которые мы предлагаем условно обозначить как «максималистскую» и «минималистскую», задают, таким образом, крайние точки диапазона трактовки термина – самую узкую и предельно расширенную. Как справедливо замечает О. Б. Истомина: «Очевидно, что разность толкования двуязычия основана на принятии / непринятии критерия «степень владения языком»⁴.

Д. Хамерс и М. Бланш сформулировали «функциональный» подход к уточнению термина, поскольку, с их точки зрения, язык – это прежде всего инструмент, выполняющий когнитивные и коммуникативные функции в социальной и индивидуальной (психологической) сферах. Они используют

¹ Hamers J. F. & Blanc M. H. A. Bilinguality and Bilingualism. Cambridge University Press, 2000.

² Bloomfield L. Language. London: George Allen & Unwin LTD, 1935.

³ Macnamara J. The Bilingual's Linguistic Performance – A Psychological Overview. // Journal of Social Issues. 1967. No. 23. P. 58-77.

⁴ Истомина О. Б. Билингвизм: социальная типология языковых контактов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 71.

термин «билингвизм» (bilingualism) по отношению к состоянию языкового сообщества, в котором функционируют два языка, в результате чего для одного и того же социального взаимодействия могут быть использованы два разных языковых кода; при этом значительное число членов этого сообщества двуязычны, то есть налицо «социальный билингвизм». В этой системе координат «индивидуальный билингвизм», или «билингвальность» (bilinguality), исследователи определяют как психологическое состояние индивидуума, имеющего доступ к более чем одному языковому коду в качестве средства социальной коммуникации. В монографии «Bilinguality and Bilingualism» Хамерс и Бланш рассматривают такие проблемы, как онтогенез билингвальности, когнитивное развитие и социокультурный контекст, социальные и психологические основы билингвальности, нейропсихологическое развитие билингвов, модели билингвальной обработки информации, культурная и этнолингвистическая идентичность билингвов, коммуникационные стратегии в межкультурном взаимодействии¹.

Швейцарский психолог и специалист по билингвизму Ф. Грожан относит к билингвам людей, регулярно использующих в повседневной жизни не менее двух языков. Исследователь сам является билингвом, поэтому, наряду с изучением языкового поведения других людей, опирается на собственный жизненный опыт. Он отмечает, что билингвы свободно пользуются известными им языковыми кодами, однако сфера применения каждого кода нередко ограничена так называемыми «доменами»: с помощью этого термина Грожан описывает языковую практику билингвов, когда один из языков используется в только семье, а другой или другие – в учебном заведении, на работе, в дружеском общении. Поскольку такие сферы общения (домены) часто не пересекаются между собой, а для каждой из них необходимы специфические языковые средства, языковая картина мира билингва может быть метафорически представлена в виде мозаики, каждый фрагмент которой выражен лишь на одном из языков данной личности. Исследователь указывает

¹ Hamers J. F., Blanc M. H. A. Bilinguality and Bilingualism.

на невозможность оценивать билингвов с точки зрения свободного владения обоими языками или «сбалансированности» этих языков в сознании конкретного индивида, поскольку потребности в применении языков, как правило, различны, в результате чего билингвы редко владеют ими в равной степени. В пользу этого свидетельствует и следующее наблюдение Грожана: билингвы чаще всего плохие переводчики, так как у них нет необходимости выстраивать соответствие двух разных языковых кодов в каждом из доменов. Психолог формулирует принцип комплиментарности, то есть взаимодополняемости языков одной языковой личности, отмечая все более широкое распространение среди специалистов мнения о том, что билингв – не сочетание двух монолингвов в одном человеке, а уникальный «слушающий-говорящий», который может использовать один или другой язык, или оба сразу, в зависимости от собеседника, ситуации, темы разговора и других факторов. Исследователь поддерживает употребление понятия «языковой режим», в котором функционирует мозг билингва. В моноязычном языковом режиме билингвы выбирают для общения язык своего моноязычного собеседника и деактивируют, насколько возможно, другой язык или языки. В двуязычном языковом режиме, который подразумевает общение между собственно билингвами, они сначала согласуют язык для совместного использования, так называемый «базовый язык» или «язык-хозяин», а далее в процессе общения могут свободно включать в свою речь слова, выражения или полные предложения из «языка-гостя»¹.

При освещении проблем многоязычия в зарубежных и российских источниках общепринятыми терминами являются: «first language» – «первый язык» или «родной язык», «second language» – «второй язык», обозначающий любой язык (в том числе третий, четвертый и т. д.), выученный после первого (родного). Широко используются такие понятия, как «одновременный билингвизм» («simultaneous bilinguality») – модель параллельного овладения двумя родными языками, когда оба языка усваиваются ребенком от родителей

¹ Grosjean F. Bilingual: Life and Reality. Harvard University Press, 2010.

или других членов семьи одновременно, обычно в возрасте до трех лет, и «последовательный билингвизм» («sequential bilinguality») – последовательная модель, когда до трехлетнего возраста ребенок усваивает в семье первый язык, а после достижения трех лет овладевает вторым языком в повседневном общении или изучает его в школе. Последовательный билингвизм также подразделяется некоторыми специалистами на «скоординированный билингвизм» («coordinate bilingualism»), формирующийся у школьников, для которых язык школьного обучения отличен от домашнего языка, и на «субординативный билингвизм» («subordinate bilingualism»), когда речь идет об изучении иностранного языка взрослыми людьми, опирающимися в процессе обучения на свой родной или другой известный им язык. Рассматривая особенности овладения вторым языком взрослыми людьми, Стефан Крашен отмечает принципиальную разницу понятий «усвоение» («acquiring»), которое считается подсознательным или естественным процессом, и «изучение» («learning»), которое рассматривается как сознательный или контролируемый процесс. Необходимым условием *усвоения* является значимое взаимодействие («meaningful interaction») на языке – то есть естественная коммуникация, когда говорящие озабочены не формой высказываний, а передачей или пониманием сообщений; в этом процессе исправление ошибок или разъяснение правил неуместны. Напротив, при сознательном *изучении* исправление ошибок и объяснение правил считается полезным. Исследователь также противопоставляет два вида языковой среды: искусственная, или формальная, среда учебных классов при *изучении* и естественная, или неформальная, среда при *усвоении*¹.

Отметим, что проблема определения границ и типов билингвизма имеет, помимо теоретического, большое практическое значение. Вопросы развития и обучения билингвов являются важнейшими для специалистов в сфере образования, психологов и социопсихологов, поскольку образовательная работа в мультиязыковой среде имеет выраженную специфику. Во многих районах

¹ Krashen S. D. Second Language Acquisition and Second Language Learning. Prentice-Hall International, 1988.

мира, где в обществе преобладает многоязычие, дети подвержены воздействию нескольких языков, начиная с домашнего языка, далее усваивая язык межгрупповой коммуникации в общественных местах, и в дальнейшем проходя обучение в школе на официальном языке данной страны, провинции или штата. В результате возникает задача выбора адекватных приемов обучения в двуязычных и многоязычных классах, учитывая проблемы, связанные с формированием многоязычия у детей при одновременном использовании трех-четырех языков, вытекающие из этого психологические особенности мультилингвов и другие факторы. С точки зрения педагогов-теоретиков, двуязычное образование («bilingual education») стало способом развития билингвизма у представителей языковых меньшинств, особенно у тех групп, которые в силу социальных условий (изменение языкового окружения, снижение статуса родного языка, использование только одного языка в образовательных учреждениях) могут постепенно отказаться от использования своего родного языка¹. Такое языковое поведение может быть скорректировано, если в школе обучение параллельно ведется на родном языке учащихся и на официальном языке конкретного государства.

При рассмотрении вопроса о том, как билингвы оперируют известными им языками, психологи и нейролингвисты часто используют термин «переключение кодов» («code switching»), описывающий процесс спонтанного перехода группы говорящих с одного языка на другой в зависимости от коммуникативной ситуации. Чаще это происходит, если в группе билингвов оказываются моноязычные собеседники, и нужно выбрать единственно возможный в конкретной ситуации язык общения. С другой стороны, Ф. Грожан употребляет понятие «code switching» в более специфическом смысле для обозначения языкового поведения билингвов, когда в общении между собой на выбранном в данный момент языке они употребляют слова и фразы из другого общего для них языка. Близкий по содержанию к «переключению кодов», но имеющий другой акцент термин «translanguaging» (буквально

¹ Hamers J. F., Blanc M. H. A. Bilinguality and Bilingualism.

«переход с языка на язык») обозначает прием в учебном процессе при обучении школьников-билинггов, когда учитель просит их попеременно использовать разные языки для выполнения заданий во время урока. Этим же термином некоторые другие ученые описывают процесс использования билингвами разных языков. По мнению О. Гарсиа, принципиальная разница между указанными понятиями состоит в следующем: идея «переключения кодов» основана на предположении, что в сознании билинггов существуют две различные языковые системы, к которым они могут обращаться попеременно, и основной акцент здесь сделан именно на сами языки; в противоположность этому, концепт «*translanguaging*» подразумевает существование в сознании билинггов одной интегрированной лингвистической системы, и внимание исследователей сфокусировано на динамическом состоянии сознания билинггов во время использования языка. В связи с этим О. Гарсиа полагает, что идея «*translanguaging*» в сфере двуязычного образования является более продуктивной, чем «*code-switching*»¹.

Гипотеза Ф. Грождана о мозаичном характере языковой картины мира билинггов косвенно подтверждается данными американских психологов, исследующих влияние феномена многоязычия на когнитивное развитие личности. Обработка экспериментальных данных показала, что словарный запас билинггов в каждом из известных им языков меньше, чем словарный запас монолингвов в их единственном языке, причем это характерно как для детей, так и для старших возрастных групп². С точки зрения философии и когнитивной науки, которая рассматривает язык как основное средство обработки информации об окружающем мире, такое положение дел вполне закономерно, поскольку врожденная способность удерживать в долгосрочной памяти большие массивы информации в целом одинакова у монолингвов и билинггов, но в течение жизни они используют эту способность по-разному:

¹ García O., Lin A. M. Y. *Translanguaging in bilingual education.* / O. García, & A. M. Y. Lin (Eds.) // *Bilingual and Multilingual Education (Encyclopedia of Language and Education)*. Dordrecht: Springer, 2017. P.117-130.

² Bialystok, E. *The Bilingual Adaptation: How Minds Accommodate Experience* // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143. No. 3. P. 233-262 ; Bialystok E., Craik F.I.M. *Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind* // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. Vol. 19. Issue 1. P. 19-23.

для хранения либо одной, либо двух и более языковых систем. В исследованиях американских психологов существуют понятия «сбалансированный» и «несбалансированный» билингвизм. Первый предполагает возможность в равной степени использовать оба языка в различных сферах жизни, а второй отражает доминирование одного из языков в определенных сферах (доменах). Попытки классифицировать билингвов по степени сбалансированности и свободы владения каждым из языков привели исследователей к выводу, что в реальной жизни нельзя провести четкую границу между билингвами и монолингвами. Вместо этого следует представить некий континуум, где на одном полюсе находятся абсолютные монолингвы, а на другом – сбалансированные билингвы, профессионально владеющие каждым из языков¹.

Итак, в первом приближении теоретическое состояние рассматриваемой проблемы может быть оценено следующим образом. Растущая распространенность билингвизма в современном мире и разнообразие его вариаций определяют огромный научный и практический интерес к феномену билингвизма. В ряде конкретных научных дисциплин, обращающихся в том или ином аспекте к его исследованию, накоплен богатый фактический материал: выявлены социокультурные факторы, ведущие к распространению билингвизма, описаны различные варианты его формирования, изучены проявления билингвизма и многоязычия в различных регионах, разработана типология билингвизма. Вместе с тем в спектре исследований все более отчетливо просматривается недостаточность базовых теоретических оснований, от которых могли бы отталкиваться конкретные исследования. Прежде всего в этой связи следует указать, что вплоть до настоящего времени не сформировано единое определение термина «билингвизм», устанавливающее более или менее точные границы его применимости, сохраняется достаточно сильная вариативность в его трактовке.

¹ Luk G., Bialystok E. Bilingualism is not a categorical variable: interaction between language proficiency and usage. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3780436/> (дата обращения: 18.07.2018).

Соответственно, не определены и устойчивые критерии, позволяющие говорить о билингвизме конкретной языковой личности.

В ситуациях, когда конкретные исследования начинают «пробуксовывать» на уровне неясности исходных определений, оказывается востребованной философская рефлексия над их основаниями. На наш взгляд, определенные методологические перспективы возникают, если феномен билингвизма – способность человека использовать попеременно различные языковые системы для коммуникации и мыслительной деятельности – рассмотреть с философских позиций, в контексте философского понимания языка как части культуры и фактора формирования сознания человека. Такому рассмотрению и будет посвящен следующий раздел работы.

1.2. Культурфилософские основания определения билингвизма и идентификации билингва как языковой личности

В смысловом пространстве конкретных наук философия призвана выполнять роль методологического основания, поскольку объект науки предстает перед философией в широком социокультурном контексте и с ориентацией на выяснение предельных, фундаментальных вопросов существования этого объекта. Философский подход предполагает возможность внешнего, рефлексивного взгляда на конкретно-научные дискуссии, что позволяет давать независимые оценки выстраиваемых позиций и генерировать новые ракурсы рассмотрения проблем.

При рассмотрении вопросов происхождения, сущности и функций языка философия вступает во взаимодействие с целым рядом гуманитарных наук, и прежде всего – с лингвистикой. В данном разделе работы мы попробуем сопоставить подход философии и лингвистики к сущности языка, а также показать взаимное влияние философских и лингвистических идей, с тем чтобы определить основания и эвристические возможности обращения философии к феномену билингвизма. Выше было показано, что точное определение границ

билингвизма до сих пор составляет проблему для прикладных исследований. Мы постараемся обосновать возможность прояснения данной проблемы путем обращения к философским идеям.

Как писал в начале XIX века немецкий философ и исследователь природы языка Вильгельм фон Гумбольдт, вопрос о способе использования человеком языка до сих пор пытались решать только философским путем. Сущность языка ученый определяет как звук и ответный звук, или как речь и ответную речь. Он считал критически важным тот факт, что происхождение и развитие языка не принадлежит одному человеку, а всегда общности людей, делая вывод, что хотя языковая способность изначально присутствует в глубине души каждого отдельного человека, она приводится в действие только при общении с другими людьми¹. Человек формируется с помощью языка и в течение жизни думает, чувствует и живет в языке. По мнению философа, различия в характере языков больше всего проявляются в способе мышления и восприятия действительности: разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные способы видения ее. Если же вещь не является предметом внешнего мира, а, например, идеей, каждый народ и каждый говорящий или думающий создает ее по-своему. По выражению Гумбольдта, языки – это «иероглифы», то есть знаки, в которые человек заключает мир и свое воображение. При том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются и усложняются с течением времени. Для человечества в целом очень важно, что через многообразие языков открывается богатство мира и многообразие того, что люди могут познать. В результате картина человеческого бытия становится шире, поскольку разные языки дают нам отличающиеся способы мышления и восприятия². Эти идеи, высказанные Гумбольдтом, продолжали развиваться в течение всего XX века: одной из

¹ Гумбольдт В. Характер языка и характер народа / Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 370-381.

² Гумбольдт В. Об изучении языков, или План систематической энциклопедии всех языков / Гумбольдт В. Язык и философия культуры. С. 346-349.

главных функций языка и философы, и лингвисты называли функцию создания картины мира или «ориентирующую» функцию, соглашаясь в том, что человеческий опыт в познании мира формируется через язык, через концепты. Для того, чтобы воспринять любой объект действительности и, в особенности, абстрактное понятие, человек должен сначала иметь ментальное представление или идею этого объекта.

Американский логик и философ Чарльз Сандерс Пирс, создавший предпосылки для развития прагматизма и семиотики, был убежден, что человек может мыслить только при помощи знаков языка или каких-то иных внешних символов. Единственные мысли, которые можно познать, мыслимы в знаках языка или, к примеру, символах логики. Это положение относится как к собственным мыслям субъекта, так и к возможности воспринять мысли других членов языкового сообщества. С точки зрения Пирса, если мысль невозможно сформулировать и таким образом познать, значит она не существует. Отсюда философ заключает, что нет ни одного элемента человеческой мыслительной деятельности, который не имел бы соответствия в слове, а полное феноменальное проявление ума есть знак, например, слово, текст или другие символы. Рассматривая способность языка обозначать явления окружающего мира, Ч. Пирс, вслед за И. Кантом, полагает, что хотя все данное нашим чувствам и рассудку является феноменальным проявлением нашего собственного существа, эта особенность человеческого восприятия не препятствует этому данному быть феноменом чего-либо, находящегося вне самого человека¹. С точки зрения Ч. Пирса, нет познания, в том числе языкового, не обусловленного предыдущим познанием, поэтому включение нового опыта никогда не может быть мгновенным, оно является событием, требующим времени и происходящим посредством длительного процесса. Думается, что это положение можно в полной мере отнести к усвоению или изучению языка.

¹ Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 66-67.

Теоретик языка Фердинанд де Соссюр рассматривал язык как систему знаков, выражающих понятия, или систему чистых значимостей. Сравнивая естественный язык с другими семиологическими системами, он указывает, что никакая другая система не может сравниться с языком по способности обозначать разнообразные объекты, понятия, события. «Нигде мы не имеем в наличии такой точности обращающихся значимостей, такого большого количества и такого разнообразия элементов, притом связанных такими строгими взаимозависимостями»¹. Другой ключевой характеристикой языка является то, что он никогда не существует вне общества. Для функционирования языка и установления значимостей нужен говорящий коллектив, при этом существование значимостей оправдывает только обычай (традиция) и общее согласие; отдельный человек сам по себе не способен создать ни одной значимости. Касаясь вопроса о соотношении языка и мышления, Соссюр отмечает, что специфическая роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц. Мысль, хаотичная и туманная по природе, по необходимости уточняется, расчленяясь на части, и поэтому язык можно назвать областью членораздельности. Каждый языковый элемент представляет собою вычлененный сегмент – *articulus*, в котором понятие закрепляется определенными звуками, а звуки становятся знаком понятия, и таким образом, в языке нельзя отделить мысль от звука². Далее мы увидим, что понятие артикуляции, или вычленения, сыграло важную роль в разработке теории языка Л. Ельмслева, которая оказала значительное влияние на философию языка второй половины XX века. Не менее важна мысль Соссюра о соответствии слов и понятий, закрепленных за ними: если бы слова служили для выражения заранее данных понятий, то каждое из них находило бы точные

¹ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 114.

² Соссюр Ф. Указ. соч. С. 145.

смысловые соответствия в любом языке, но в действительности это не так. Впоследствии это утверждение было поддержано и уточнено другими европейскими мыслителями.

Эдуард Сепир, размышляя о текущем этапе существования языка, высказал убеждение в том, что думать и рассуждать без языка невозможно. Он предположил, что хотя изначально язык возник как инструмент коммуникации между членами человеческих групп, то есть использовался на уровне более низком, чем уровень концептуальной структуры, в дальнейшем мысль возникала как утонченная интерпретация содержания языка. Иными словами, мышление как продукт развивалось вместе с языком или речью как орудием его производства. Диалектика этого процесса такова, что орудие (язык) делает возможным продукт (мышление), а продукт в свою очередь способствует совершенствованию орудия. В результате длительного совместного развития язык сформировался как «заранее приготовленный путь или шаблон для мышления». По мнению ученого, мышление можно считать естественной или природной областью, отличной от «искусственной» сферы речи, однако речь есть единственный путь, который может привести нас к этой области¹. Указывая на универсальность языка как неотъемлемого условия существования человеческого сообщества, а также на крайнее разнообразие языков, когда-либо существовавших на планете, Сепир делает важнейший вывод о том, что язык не тождественен с его звуковым выражением, а звуковая символика речи может быть полностью замещена, например, жестовой (язык жестов) или изобразительной (графические знаки). В пользу этого говорит та легкость, с которой речевая символика может быть перенесена с одной формы восприятия на другую, с техники на технику. Согласно Сепиру, язык, как некая структура, по своей внутренней природе есть форма мысли, а мысль есть лишь осознаваемый двойник неосознанной языковой символики².

¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, Универс, 1993. С. 36-37.

² Сепир Э. Указ. соч. С. 21.

Выяснение природы связи между языком и мышлением составляло одну из важнейших проблем с самого начала развития как лингвистической философии, так и теоретического языкознания¹. Язык в обеих дисциплинах рассматривается не только как средство выражения и передачи мысли, но и как единственно возможная форма возникновения самой мысли, непосредственная действительность мышления. Большинство философов принимают в качестве аксиомы невозможность существования мысли без ее выражения в языке, но особенно активно эту идею развивали представители аналитического направления философии XX века, магистрального в сфере философских исследований языка. Лидер направления Бертран Рассел рассматривал взаимосвязь порождения мысли и ее словесного оформления как необходимую. Допуская существование простейших мыслей без оформления их словами, Рассел не сомневается в том, что все достаточно сложные мысли требуют слов. То есть язык служит не только средством выражения мысли, но обеспечивает саму возможность существования оформленной мысли. Философ предполагает, что идеи или понятия предшествуют их словесному выражению в языке, то есть сначала формируется представление о какой-либо вещи, а затем за этим представлением закрепляется слово. По Расселу, язык является средством внешнего выражения нашего собственного опыта. Главными функциями языка британский философ считает, во-первых, выражение человеком собственных мыслей и эмоций и, во-вторых, межличностную коммуникацию².

Людвиг Витгенштейн, основоположник философии лингвистического анализа, подробно рассматривал вопросы функционирования языка и возможности выражения мысли с помощью разных языков. По его мнению, существуют определенные ментальные процессы, которые могут осуществляться лишь посредством языка, а именно – процессы понимания и подразумевания, и единственная функция знаков языка состоит в том, чтобы

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. С. 606.

² Russell B. Human Knowledge. Its Scope and Limits. London: George Allen and Unwin Ltd., 1948. P. 72-74.

индуцировать подобные процессы¹. Философ указывает на неотделимость ментального процесса мышления от процесса выражения мысли при помощи слов, как и на невозможность говорить, отбрасывая мышление. Случай, когда человек сначала думает, а потом говорит, Витгенштейн называет наиболее законченным случаем мышления². Из того факта, что две фразы из разных языков могут иметь одинаковый смысл, он делает вывод, что данный смысл – не то же самое, что сама фраза. Пытаясь объяснить существование смысла отдельно от его словесного выражения, философ использует метафору «тень»: источником «тени» является некий факт действительности. Далее он высказывает альтернативную идею, что предложение языка само может служить в качестве такой «тени»³. Фраза «выразить идею» предполагает, что мы пытаемся выразить в словах то, что уже выражено, но только на другом языке: как будто это выражение уже находится перед нашим ментальным взором, и мы только переводим из ментального языка в вербальный. По Витгенштейну, суть мышления состоит в оперировании знаками языка – словами или фразами. Философ отмечает двоякую сущность этих знаков: с одной стороны, они являются частью определенной языковой системы, а с другой стороны, значения отдельных знаков представлены в сознании человека, употребляющего их. Соответственно, психическое переживание, сопровождающее употребление знака, опосредуется употреблением этого знака в определенной языковой системе. Таким образом, Л. Витгенштейн предложил философское объяснение механизма, который позволяет человеку выразить один и тот же смысл средствами разных языков.

Британский философ Гилберт Райл в работе «Понятие сознания» подробно рассматривает взаимосвязь мышления и языка. Он анализирует алгоритм, по которому маленький ребенок учится мыслить: сначала ребенку нужно научиться говорить на языке вслух, а уже потом он учится думать на языке молча. Приобретение способности беззвучно говорить с собой, то есть

¹ Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. С. 344, 384.

² Там же. С. 303.

³ Витгенштейн Л. Указ. соч. С. 377-378.

мыслить, требует определенного времени и усилий, поэтому Райл замечает, что «умение скрывать и удерживать мысли внутри себя – утонченное достижение»¹. В качестве образной аналогии процесса обучения языку британский философ использует процесс обучения игре в шахматы. Усваивая многое с помощью критики и примера, дети учатся на практике, не получая каких-либо теоретических уроков. Знание мальчика-шахматиста, *как играть*, проявляется прежде всего в его собственных ходах или ходах противника, которые он признает правильными. Если мальчик соблюдает правила, окружающих не заботит, может ли он сформулировать их². Сходную мысль высказал Л. Витгенштейн: носители языка обычно не думают о правилах употребления слов, используя язык. Интересно в этой связи понимание Б. Расселом процессов усвоения нового языка. У взрослого человека есть две стадии в овладении иностранным языком: первая – когда он может понимать только с помощью перевода, вторая – когда он может «думать» на иностранном языке. Младенцу же, у которого пока нет языка, приходится начинать сразу со второй стадии³.

Американский философ и логик Уиллард Куайн в работе «Слово и объект» формулирует свое понимание того, как ребенок выучивает первый язык: люди, окружающие ребенка, поощряют употребление им правильных языковых форм и препятствуют использованию неправильных. Таким образом подчеркивается роль языкового сообщества, которое передает ребенку существующие правила игры. Куайн полагает, что первые элементарные фразы выучиваются ребенком как единое целое. По мере своего развития ребенок начинает активно строить собственные новые высказывания по известной ему модели из новых элементов, и тогда взрослые говорят, что он выучивает новые слова. Однако, по сути, ребенок запоминает употребление слова в контексте определенной ситуации, в составе уже известной ему модели высказывания⁴. В

¹ Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 36.

² Райл Г. Указ. соч. С. 50.

³ Russell B. Human Knowledge. P. 78.

⁴ Quine W. Word and Object. Cambridge: The M.I.T. Press, 1960. P.13.

дальнейшем, по мере развития языкового опыта, человек начинает ассоциировать слова и предложения не с фактами действительности, а с другими уже закрепившимися в его памяти предложениями, и создавать собственные высказывания по аналогии. Говоря об уникальности индивидуального языкового опыта, Куайн замечает, что не существует двух людей, которые выучили бы один и тот же язык абсолютно одинаковым способом, поскольку они усваивали употребление конкретных выражений в различных жизненных ситуациях, и в определенном смысле человек продолжает обучаться использовать язык по мере приобретения нового опыта на протяжении всей жизни. Касаясь вопроса общего и индивидуального в языке, Куайн называет слова и язык социальными инструментами и отмечает важность единообразия языковых моделей, которое обеспечивает эффективную коммуникацию членов языкового сообщества.

Датский лингвист-структуралист Луи Ельмслев, разработавший общую теорию языка в рамках структурной лингвистики, пишет в «Прологоменах к теории языка», что язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык – инструмент для формирования мысли, выражения разнообразных чувств и намерений человека, он позволяет людям влиять друг на друга, является первичной и важнейшей основой человеческого общества, а также необходимой опорой человеческой личности. Ельмслев подчеркивает, что язык является главным средством познания всех объектов, которые лежат вне самого языка, в том числе и тех, которые полностью достижимы только через язык, то есть язык становится средством трансцендентного познания¹. С точки зрения последующей философии языка, основная заслуга Ельмслева состоит в выделении во всяком естественном языке двух взаимно соотнесенных планов: плана выражения и плана содержания. План выражения для языка – это все языковые средства, план содержания – весь комплекс понятий или смыслов, которые могут быть выражены. Андре Мартине, крупный теоретик структурализма в сфере лингвистики, в предисловии к французскому изданию

¹ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. С. 30.

«Пролегоменов» изложил идеи Ельмслева следующим образом: каждый язык намечает свои собственные способы членения бесформенного потока мыслей, подразделяя его по-своему на отдельные составные части, своеобразно располагая их. Смысл напоминает жидкость, которая принимает форму сосуда, ее содержащего, и которая имеет существование лишь как субстанция этой формы. Таким образом, у языкового содержания обнаруживается определенная форма – форма содержания, которая не зависит от смысла и находится с ним в произвольных отношениях. Смысл, упорядоченный этой формой, превращается в субстанцию содержания. Все сказанное о содержании относится и к другому члену данной функции – выражению. Существует субстанция выражения и форма выражения. В обоих случаях форма проецируется на субстанцию, подобно тени от сети, падающей на какую-нибудь непрерывную поверхность¹. Концепция Л. Ельмслева была с интересом воспринята и развернута европейскими философами структуралистского направления во второй половине XX века. В частности, к ней независимо друг от друга обращались Р. Барт, Ж. Делёз и У. Эко. Особенно вдохновила философов идея двойной артикуляции или двойного вычленения, которое язык осуществляет одновременно в плане содержания и плане выражения. Как раз двойное вычленение и обеспечивает в разных языках то или иное соотношение содержания конкретного понятия и формы его выражения в соответствии с границами или линиями, которые были прочерчены в обоих планах данным языком.

Представитель французского структурализма Ролан Барт полагал практически невозможным представить себе систему изображений или предметов, где *означаемые* (то есть смыслы) существовали бы независимо от языка: «представить себе, что та или иная материальная субстанция нечто означает – значит неизбежно прибегнуть к членению действительности с помощью языка. Смысл есть только там, где предметы или действия названы;

¹ Ельмслев Л. Указ. соч. С. 13.

мир означаемых есть мир языка»¹. Сопоставляя идеи Ф. де Соссюра об означаемом и означающем с идеями Л. Ельмслева о плане содержания и плане выражения, Барт обращает внимание на то, что бинарная классификация (дуализм) вообще характерна для структуралистской мысли. Барт вновь актуализирует факт, установленный Соссюром: язык – это область артикуляций, а смысл есть результат одновременного вычленения идеи и обозначающего ее звука из двух параллельно существующих аморфных масс – субстанций содержания и субстанций выражения². Барт, вслед за Соссюром, обращает внимание на то, что существует большая группа устойчивых или стереотипных фраз, принадлежащих языку, поэтому говорящему индивиду не приходится самостоятельно составлять их. Барт также вводит понятие «большие значащие единицы языка», приводя в качестве примеров форму мифа, рассказа, статьи, то есть понимая под этими единицами целые тексты. Важно иметь в виду, что у каждой такой единицы языка есть свой собственный смысл.

Одно из ключевых понятий, которые рассматривают Жиль Делёз и Феликс Гваттари применительно к природе языка – это «двойная артикуляция» или «двойное вычленение». Обыгрывая образ сети, использованный в предисловии к «Пролегоменам» Л. Ельмслева, Делёз и Гваттари пишут, что датскому структуралисту удалось сплести сеть из понятий *материя*, *содержание* и *выражение*, *форма* и *субстанция*. Преимущество этой сети понятий заключается в том, что она разрушила традиционный дуализм формы и содержания, поскольку форма содержания и форма выражения существуют отдельно друг от друга, каждая в своем плане. Французские философы уверены, что хотя оппоненты Ельмслева рассматривали план выражения и план содержания языка просто как новое название старых соссюровских понятий «означаемое» и «означающее», это была совсем другая концепция. Крайне важно, что между планом содержания и планом выражения в языке никогда нет

¹ Р. Барт Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 115.

² Там же. С. 138

совпадения или полного соответствия, поскольку и содержание, и выражение делятся разными языками иногда по одним линиям или границам, а иногда по другим. С точки зрения Делёза и Гваттари, нельзя говорить, что понятия «содержание» и «выражение» существуют прежде, чем их двойное вычленение. Как раз само двойное вычленение обеспечивает то или иное их соотношение в соответствии с границами или линиями, которые оно прочерчивает в каждом плане, отсюда и проистекает реальное различие двух планов¹.

Идея о различии плана выражения и плана содержания получила дальнейшее развитие в концепции языка Умберто Эко. Взяв модель Л. Ельмслева за основу, У. Эко в труде «Семиотика и философия языка»² объясняет, почему смысл слов в разных языках часто не совпадает. Каждая цивилизация организует мыслимое содержание мира по-своему, в виде разнообразных смысловых полей, осей, подсистем, часто делая это непоследовательно, в результате чего смысловые поля и подсистемы не соответствуют друг другу в различных языках. Фрагменты смыслового содержания выделяются в соответствии со специфическим контекстом, которым может служить как тысячелетняя культура, так и небольшое стихотворное произведение. Фрагменты содержания могут соответствовать физическим сущностям (собака, дом, цветок), абстрактным концептам (добро, зло), действиям (бежать, спать), родам и видам (животные, геометрические фигуры). Чтобы выразить эти понятия, человеку необходимо выбрать другие формализованные порции континуума, соответствующие указанным фрагментам содержания, например, звуки языка. Таким образом, материя разделяется на специальные сегменты (слова или другие знаки), чтобы обозначить другие сегменты этой материи (материальные или воображаемые объекты). У. Эко представляет свое понимание семиотической модели языка в работе «Поиски совершенного языка в европейской культуре». В языке форма выражения состоит из фонологической системы, лексического инвентаря и

¹ Deleuze G, Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. P. 44.

² Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 242 p.

синтаксических правил. Посредством этой формы мы можем произвести различные субстанции выражения, например, слова или тексты. Чтобы выработать форму выражения, язык избирает из континуума звуков, которые способен издать человек с помощью своего голоса, определенный ряд звуков, исключая другие, тоже существующие и произносимые, но не принадлежащие данному языку. Чтобы звуки языка сделались внятными, следует соотнести их со смыслами, то есть с содержанием. Континуум содержания — это совокупность всего, что можно помыслить и сказать, то есть весь универсум, физический и умственный, в тех пределах, в которых мы можем его выразить в речи¹. Следующая схема иллюстрирует понимание вопроса итальянским философом:

	<u>континуум</u>
	<u>субстанция</u>
СОДЕРЖАНИЕ	форма
	<u>форма</u>
ВЫРАЖЕНИЕ	субстанция
	континуум

Чтобы быть способным к обозначению, естественный язык устанавливает связи между элементами формы выражения и элементами формы содержания. Таким образом, в языке форма содержания и форма выражения непосредственно взаимодействуют друг с другом, а все субстанции извлекаются человеческой мыслью из аморфного континуума. Отметим, что эта схема в целом согласуется с идеями, высказанными Л. Ельмслевом, Ф. Соссюром, Р. Бартом, Ж. Делёзом. Понятие «континуум содержания» в схеме У. Эко соответствует пониманию мышления, описанного как аморфная нерасчлененная масса у Соссюра, назвавшего язык «областью членораздельности», которая, в свою очередь, соответствует форме и субстанции выражения в схеме У. Эко. Что касается субстанции содержания, то для У. Эко это – смысл единичных высказываний или текстов, которые в нашей речи являются в виде субстанций выражения. Вспомним аналогичную идею Р. Барта о больших значащих единицах языка. У. Эко, как и философы-структуралисты, указывает на то, что форма выражения

¹ Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб.: «Александрия», 2007. С. 30.

структурирована иначе, чем форма содержания, связь между этими двумя формами произвольна, и вариации выражения не являются зеркальным отражением вариаций содержания. Говоря о значении семиотики как самостоятельной дисциплины и определяя разницу между общей семиотикой и специальной семиотикой, У. Эко напоминает, что первый вопрос общей семиотики близок к основному вопросу любой философии языка: что значит для человека говорить, выражать мысли, доносить идеи, какими средствами люди выполняют эту задачу? Философ полагает, что все вопросы, которыми занимается общая семиотика, уже были поставлены в разное время в рамках философии языка, начиная с античных времен¹.

Как можно заметить, представители структуралистского направления рассматривают возможность принципиального перевода, то есть передачи смыслов, выраженных на одном языке, средствами другого языка. Эта проблема занимала и испанского философа Х. Ортегу-и Гассета, по мнению которого язык есть не что иное, как «колоссальная система словесных обычаев», набор общеупотребительных слов и синтаксических форм. Философ сравнил язык с теорией, описывающей весь мир, а любое слово языка – со сжатым, кратким определением. Уже с момента своего рождения человек погружен в среду языковых обычаев, сквозь призму которых он воспринимает весь окружающий мир. С точки зрения испанского философа, языковой обычай – это доведенный до автоматизма социальный навык. Находясь в стране другого языка, где отличаются от нашего родного не только собственно языковые структуры, но и весь комплекс культурных навыков, мы «вынуждены принять систему поведения, нормы и правила, имеющие силу обычаев в данной точке планеты»². Только в этом случае мы получаем надежные ориентиры, позволяющие начать эффективную коммуникацию с окружающими. В процессе живой коммуникации высказывание как таковое неизбежно сливается со всей ситуацией, со всеми включенными в непосредственный контекст

¹ Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language*.

² Ортега-и-Гассет Х. *Избранные труды*. М.: Весь мир, 1997. С. 456.

предметами и людьми, что и определяет точный смысл любого произнесенного слова или жеста (в том числе в случае использования жестового языка). Таким образом, Ортега-и-Гассет подчеркивает критическую важность культурного контекста для передачи смысла средствами различных языков.

Н. С. Автономова рассматривает способы передачи одних и тех же смыслов при помощи разных языков прежде всего с точки зрения возможности перевода. По ее мнению, сущность перевода с языка на язык заключается в переходе от одной формы связи между словом и мыслью к другой форме связи между словом и мыслью, и следовательно, нельзя считать те или иные способы связи формы и содержания в разных конкретных языках единственно возможными. Н. С. Автономова полагает, что нет и не может быть полного взаимного соответствия между словом и понятием, между суждением и предложением, между формами мышления и формами языка¹.

Итак, философы и лингвисты едины во мнении, что всякий естественный язык представляют собой наиболее сложную и развитую знаковую систему, обеспечивающую не только обмен информацией между членами языкового сообщества, но и само оформление мыслей человека, использующего язык. Российский лингвист и когнитивист Е. С. Кубрякова утверждает, что главной задачей языка как символической системы является объективация поступающей человеку извне информации, а также обеспечение всех видов деятельности с информацией. В статье «В поисках сущности языка» она определяет язык как «средство доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной, интериоризированной в голове (мозгу) человека деятельности»². Н. Д. Арутюнова отмечает, что действительность представлена в языке «не в ее «сыром» облике, а уже пропущенная через классифицирующую и абстрагирующую деятельность человеческого сознания,

¹ Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 532.

² Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. С. 69.

отраженную и закрепленную в языке»¹. На наш взгляд, именно в контексте связи языка и мышления, рассмотрения мыслемоформирующей функции языка в качестве ключевой и следует рассматривать способность человека к использованию более чем одного языка, определяющую его статус как билингва.

Возвращаясь к вопросу, который Умберто Эко обозначил как первый вопрос общей семиотики и любой философии языка, можно продолжить его следующим образом: что значит для конкретного человека говорить и выражать мысли на разных языках? Какими средствами билингвы или многоязычные люди выполняют эту задачу? В чем принципиальное отличие механизма использования нескольких языков одним человеком от мыслительной и речевой деятельности в рамках одного языка? Все названные в этом параграфе философы и лингвисты едины во мнении, что в языке мысль неотделима от ее словесного, изначально звукового, выражения. Все философы приходят к выводу, что понятия или мысленные образы существуют отдельно от своего носителя (например, слова, жеста или графического знака), и это теоретическое положение соответствует представлениям лингвистов о том, что любой языковой знак имеет план содержания и план выражения. Философы структуралистского направления делают вывод о том, что континуум содержания существует объективно и отдельно от континуума выражения. Это значит, что в реальности одним и тем же субстанциям или формам содержания могут соответствовать разные формы и субстанции выражения, существующие в разных языках. Другими словами, одна и та же мысль может иметь разную материальную оболочку, будучи выраженной при помощи различных языков; при этом сам факт ее облечения в разные языковые оболочки не может не создавать оттенков смысла на уровне не только языка, но и самого мышления.

Применяя эти фундаментальные философские положения к определению методологической основы для признания индивидуума билингвом, следует прежде всего заключить, что критерий билингвизма нужно искать не в

¹ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. С. 35.

способности говорить на другом языке как таковой, а в способности человека порождать мысли на данном языке. Критерием же способности мыслить на языке является способность генерировать высказывания или тексты непосредственно на данном языке, в противоположность переводу ранее построенного на другом языке высказывания. Философский принцип неразрывной связи мышления с его языковой формой позволяет нам заключить, что билингом человек становится начиная с такого уровня овладения языком, когда для него исчезает необходимость искать или формулировать иноязычный аналог ранее выработанному на первом языке высказыванию, если хотя бы некоторые ситуации требуют порождения высказывания на ином языке. При этом сбалансированный билингв – не суть важно, осознанно или неосознанно – способен использовать различные субстанции и формы выражения, присущие разным языкам, с целью передачи одной и той же субстанции и формы содержания. Что касается билингов, языковая личность которых построена по принципу комплиментарности, то есть для разных сфер жизни они используют разные языки, то у них не возникает противоречия или необходимости выбора между способами выражения мысли на том или ином языке: их картина мира органично сформирована с помощью двух и более языков, каждый из которых обладает собственной двойной артикуляцией или способом членения мира.

Краткие выводы по главе 1

1. Статистически количество людей, постоянно или эпизодически использующих в своей повседневной жизни более одного естественного языка, устойчиво возрастает. Распространение би- и мультилингвизма объективно обусловлено такими факторами, как расширение межкультурной коммуникации, постоянный рост миграций, глобализация, развитие форм международного взаимодействия в сфере науки, искусства, технологий, профессиональных практик и др., превращение мультикультурализма в факт повседневного бытия. Параллельное использование в культурных сообществах различных языков – не только явление всемирного масштаба, но и фактор,

меняющий существование культур и бытие человека в них, что и определяет необходимость философского осмысления билингвизма.

2. Несмотря на активный интерес к исследованиям билингвизма в рамках лингвистики и социолингвистики, психологии и социальной психологии, педагогики и других научных дисциплин, понятие «билингвизм» до сих пор не имеет однозначного научного определения и четких критериев, и дискуссии по поводу содержания этого термина продолжают в науке по сей день. Диапазон мнений колеблется между двумя крайними точками зрения: признание билингвом только человека, который в одинаковой степени хорошо владеет двумя языками, и отнесение к билингвам любого, кто обладает минимальной компетенцией хотя бы в одном из четырех основных языковых навыков – умения слушать, говорить, читать или писать. Теоретическая ситуация также осложняется существованием различных вариантов и проявлений билингвизма (одновременный и последовательный, скоординированный и субординативный билингвизм и др.). Накопленный фактический материал нуждается в теоретическом обобщении на уровне оснований исследования.

3. Концептуальное обобщение, в том числе уточнение области референции термина «билингвизм», возможно на базе принципов, выработанных в философских исследованиях языка. Это идея двусторонней связи языка и мышления, рассмотрение языка не только как средства выражения, но и как фактора формирования мышления. С этих позиций именно мышление на языке, с использованием его грамматической организации и лексических средств, может рассматриваться как адекватное функционирование языка и показатель его усвоения.

4. Теоретически обоснованным критерием билингвизма наиболее верно считать не саму по себе способность человека использовать другой язык (говорить на нем, читать, писать, воспринимать его на слух), а способность человека к генерации мыслей более чем на одном языке. «Моментом рождения» человека как билингва является момент, когда некая ситуация

впервые напрямую осмысливается им на другом языке, в противоположность переводу мысли, ранее сформированной средствами одного языка, на другой.

Глава 2. БИЛИНГВИЗМ В ТЕМАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

2.1. Неклассическая философия языка как теоретическое основание культурфилософского осмысления билингвизма

В предыдущей главе мы постарались определить основное направление философского подхода к осмыслению билингвизма. Целью данной главы представляется определение круга и анализ идей конкретных философских направлений, положения которых могут быть использованы для более предметного рассмотрения данного феномена. Безусловно, первоочередным из таких направлений является философия языка, представленная в первую очередь аналитическим подходом. В этом параграфе мы попытаемся реконструировать логику и основные положения философии лингвистического анализа, с тем чтобы выявить идеи, наиболее значимые для философского исследования билингвизма, и показать возникающие в связи с этим интерпретации.

Фундаментальным вопросом для философии лингвистического анализа является вопрос о том, каким образом язык как система знаков способен отражать реальность или окружающий мир. Одним из аспектов этой проблемы стал вопрос о природе языковых знаков, об их соотнесенности с предметами окружающего мира и абстрактными понятиями.

Направление лингвистического анализа оформилось в начале XX века и далее развивалось в европейской философии прежде всего благодаря трудам Бертрانا Рассела и Людвиг Витгенштейна, которые изначально исследовали с философской точки зрения вопросы математической логики, а затем использовали эти методы для изучения функционирования языка. В развитии своих концепций они опирались на идеи немецкого математика, логика и философа Фридриха Людвиг Готлоба Фреге, который еще во второй половине XIX века предложил собственное понимание природы как математических

символов, так и знаков любого языка. Фреге определил сущность знака при помощи следующей триады: 1 – сам знак (имя), 2 – предмет или множество предметов, обозначенных данным именем (денотат), 3 – смысл или понятие (десигнат), в котором отражены характеристики денотата, представленные данным именем. Позднее Витгенштейн в «Логико-философском трактате» подчеркивал принципиальное для развития философии языка значение идеи Фреге от том, что важен не знак сам по себе, а важно его значение¹.

Лидер направления логического анализа Бертран Рассел не использует выражение «знак» по отношению к словам естественного языка, однако он уделяет большое внимание функциям различных категорий слов, а также характеру взаимосвязи слов с предметами или идеями, на которые они указывают. Рассел полагает, что слова и идеи взаимозаменяемы: и те, и другие имеют значение, а также имеют некую причинно-следственную связь с тем, что они обозначают. Различие заключается в том, что отношение слова к тому, что им обозначается, по своей природе представляет общественный договор, и это отношение выучивается людьми, когда они слушают речь других. Взаимосвязь идеи с ее предметом, напротив, является естественной, то есть она не зависит от языкового поведения других людей, а основана на внутреннем подобии². Рассуждая далее о связи идеи и предмета или класса предметов, к которому она относится, Рассел пишет следующее: некое А может выступать «образом» или «идеей» некоего Б (которое является предметом, свойством, переживанием и т.п.). В этом случае Б является прототипом А, в то время как А представляет это Б в нашей памяти. При этом А и Б могут вызвать появление одного и того же слова в памяти человека³. Очевидно, символом А философ обозначает некое общее понятие как гносеологический образ, соответствующий определенной категории предметов или явлений. Здесь мы видим переключку с подходом Фреге, который указывал на связь трех компонентов знака: имени (или знака), понятия (или смысла имени) и предмета (или множества предметов,

¹ Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 345-346

² Russel B. Human Knowledge. P. 111.

³ Ibid. P. 125.

обозначенных данным именем). Аналогичные термины, которые использует в своих рассуждениях Рассел, это – «слово», «идея» и «прототип». Он отмечает, что у идеи А может быть много прототипов (то есть целый класс предметов).

Логико-философский подход к определению природы языковых знаков использовал Людвиг Витгенштейн, который по-своему развил основные идеи Рассела о сущности языка. Философское творчество Л. Витгенштейна принято разделять на ранний период, имевший результатом издание «Логико-философского трактата» в 1921 году, и поздний период, основные идеи которого отражены в книге «Философские исследования», опубликованной в 1953 году уже после смерти философа. Два важнейших вопроса, которые обсуждаются в «Логико-философском трактате»: каково отношение языка к миру и каково отношение языка к мысли. На первый вопрос, каким образом одни элементы мира – слова, выраженные звуками или письменными знаками – могут осмысленно представлять все остальные элементы или факты мира, Витгенштейн дает следующий ответ: язык представляет мир, изображая его в виде «картин». Мир состоит из фактов, которые представляют собой определенные взаимоотношения объектов. Язык изображает факты мира, организуя названия объектов (слова) в пропозиции (высказывания) в соответствии с взаимосвязями между этими объектами в самом мире. «Возможность пропозиции покоится на принципе представительства предметов знаками»¹. То есть, пропозиции (предложения языка) являются «картинами» фактов и устанавливают (или не устанавливают) положение вещей в мире. Такие «картины» имеют свою логическую форму или структуру, они не могут выйти за пределы своей формы изображения². Позднее Витгенштейн уточнит, что предложение есть такая «картина», которая по форме не имеет ни малейшего сходства с тем, что она изображает³. «Картина» изображает некие возможные ситуации в логическом пространстве посредством формы

¹ Витгенштейн Л. Указ. соч. С. 97.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 377-378.

отображения, а то, что изображает «картина», является ее смыслом¹. Представляется, что здесь мы видим, хотя и в несколько иных терминах, уже известное нам сопоставление формы (способа выражения) и содержания (смысла). Витгенштейн называет пропозицию полным знаком языка, а имена, то есть названия объектов, используемые в пропозиции, называет простыми знаками. Пропозиция отражает положение вещей (ситуацию), поскольку конфигурация простых знаков в пропозициональном знаке соответствует конфигурации предметов в ситуации². Отмечая, что в различных высказываниях слово может иметь различные значения, Витгенштейн делает вывод, что собственно знаком языка следует считать не слово, а предложение или высказывание, так как слова по своей природе многозначны и только в предложении обретают конкретный смысл. Мы видим также, что философ разделяет понятия значение (слова) и смысл (предложения), используя метафору «тень» для обозначения смысла высказывания: «Существует много имен у этой тени, например, пропозиция, смысл предложения»³. Следовательно, смыслом обладает пропозиция, а не отдельное слово, и только в составе пропозиций (т. е. в контексте) имя обретает конкретное значение. Вместе с тем пропозиция является выражением или носителем мысли – таков ответ на второй вопрос об отношении языка к мысли в наиболее общем виде: «Мысль – это пропозиция, обладающая смыслом»⁴. Итак, основной идеей и метафорой первого периода философского творчества Витгенштейна является утверждение «язык – картина мира», то есть основное назначение языка – отражение фактов или ситуаций, наблюдаемых пользователем языка. Однако точка зрения на язык только как на инструмент изображения мира ограничила возможность осмысления философом всех остальных функций языка в первый период его творчества.

¹ Витгенштейн Л. Указ. соч. С. 51-52.

² Там же. С. 62-63.

³ Там же. С. 378.

⁴ Там же. С. 86.

В течение второго периода философских исследований (с конца 20-х по 1951 год) Витгенштейн переосмысливает собственные ранние взгляды на язык лишь как способ описания фактов или положения вещей в мире. В это время он рассматривает язык как публичное или социальное явление, в центре его размышлений находится употребление обыденного языка со всем многообразием его функций. Значение предложения для Витгенштейна теперь связано с тем, для чего оно может быть использовано, инструментом выполнения какой задачи оно является. Чтобы обозначить разнообразные функции, выполняемые языком в разных повседневных ситуациях, философ использует термин «языковая игра». Предварительно он уточняет, что имеет в виду под выражением «языковые игры» те примитивные формы языка, при помощи которых ребенок постепенно осваивает употребление новых слов и учится выражать все более сложные мысли. Вместе с тем, продолжая линию предыдущего периода, Витгенштейн замечает, что если философ хочет изучать проблемы истинности и ложности, согласованности или несогласованности высказываний с действительностью, ему следует с большим вниманием наблюдать за примитивными формами речевой деятельности, в которых указанные формы мышления проявляются в чистом виде, и тогда исчезает «ментальный туман», словно обволакивающий обыденное употребление языка. Из примитивных языковых форм можно затем строить более сложные формы мысли путем постепенного наращивания новых форм¹. Уподобление использования языка игре объясняется тем, что игра – это вид деятельности человека, имеющий четко установленные правила. Подобно тому, как участие в игре возможно только при соблюдении ее заранее известных правил, основным условием использования языка является следование существующим правилам языка, за чем строго следит конкретное языковое сообщество. Однако Витгенштейн подчеркивает, что в реальности люди выучивают повседневный язык не на основании строгих правил, они не думают о следовании этим правилам в время разговора и уж тем более не способны сформулировать эти

¹ Витгенштейн Л. Указ. соч. С. 358.

правила, если их специально об этом попросят. И этого следует, что обыденное употребление языка основано на практике или привычке. Философ перечисляет множество разновидностей языковых игр – приказ, вопрос, повествование, приветствие, молитва – и полагает, что число их не ограничено, как не ограничено и разнообразие «форм жизни», или жизненных ситуаций, в которых используется язык. Он также подчеркивает связь конкретных языковых игр с определенными действиями: например, некто отдает распоряжение принести строительный камень определенной формы или цветок определенного цвета, а получивший распоряжение должен выполнить это действие. Отсюда следует, что языковая игра – это вовлеченность в действие, а язык – неотъемлемая часть человеческого поведения¹. Рассуждая об использовании языка, Витгенштейн также выделяет две стороны этого процесса: оперирование знаками и оперирование смыслами, причем знак приобретает смысл в момент своего употребления. Другими словами, конкретное значение слова есть его употребление в контексте. «Если бы мы должны были назвать нечто, что является жизнью знака, мы должны были бы сказать, что это его употребление»². Витгенштейн пытается объяснить, каким образом слово связано с идеей, то есть как знак связан с тем, что он обозначает: слова используются как средства продуцирования определенного ментального образа или идеи, они, по сути, намекают на что-то, чего не показывают; значение знака есть образ, возникающий в нашем сознании, когда мы видим или слышим этот знак³.

Итак, главные философские метафоры второго периода творчества Витгенштейна: «язык – инструмент» и «язык – игра», при этом он продолжает придерживаться своей изначальной идеи о том, что основной знак или основная смысловая единица языка – это предложение. Если в первый период философ полагал, что структура реальности определяет структуру языка, то во второй

¹ Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Blackwell Publishing, 2009. 322 p.

² Витгенштейн Л. *Избранные работы*. С. 345-346.

³ Там же. С. 278, 346.

период он считает, что язык как инструмент задает способы видения реальности или мышления о ней.

Как нам представляется, оба указанных способа видения языка эффективны для описания как собственно феномена билингвизма, так и почвы, на которой он возникает и функционирует. Если язык рассматривается как инструмент, то к нему становится применимым весь практический опыт инструментальной деятельности. Инструмент может быть выбран в зависимости от работы, которую предстоит совершить; есть инструменты, наиболее подходящие для выполнения определенных операций, но в то же время некоторые инструменты взаимозаменяемы в некоторых действиях; более того, существуют и разрабатываются различные технологии для выполнения одних и тех же действий разными инструментами. Билингвизм, таким образом, с одной стороны, существует в контексте неполной сводимости друг к другу практик различных культур и поддерживается этой неполной сводимостью; с другой стороны, он отражает параллелизм инструментального обеспечения познавательной деятельности, образующий ресурс возможного повышения ее эффективности. Людям, достаточно свободно владеющим двумя (или более) языками, в некоторых случаях удобнее строить высказывание в определенном контексте именно на том или другом языке. Вероятно, это в значительной степени связано с исторически сложившейся способностью конкретного языка отражать те или иные культурные реалии. Например, в языке эскимосов есть множество названий различных видов снега или льда, в языке арабийских кочевников – большое количество слов для обозначения верблюда, в языке сибирских оленеводов – разнообразные названия северного оленя, и т. п. Здесь мы вновь сошлемся на идею Умберто Эко о том, что каждая цивилизация организует мыслимое содержание мира по-своему, в виде разнообразных смысловых полей, осей, подсистем¹.

Когда мы рассматриваем язык как игру, то ключевым становится то обстоятельство, что, если говорить об играх вообще, в каждой из них действует

¹ Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language*.

своя система правил, создающая свои игровые ситуации, по-разному привлекающие нас. Билингва в этом отношении можно уподобить профессиональному шахматисту, на досуге упражняющемуся в игре в гольф: одна игра дает ему то, чего не может дать другая, и именно возможность переключиться рассматривается как эффект, обладающий самостоятельной ценностью. Таким образом, и в этом случае билингвизм рассматривается как вариант обогащения арсенала средств понимания мира, которые человек способен применить. Эта идея напрямую перекликается с принципом взаимосвязи языка и мышления, поскольку последний как раз и говорит о том, что языковое выражение избирательно относится к свойствам объекта, и обозначая некий объект различным образом, языки одновременно высвечивают разные грани его сущности.

Развитие аналитической философии после Витгенштейна шло по пути осмысления прежде всего относительной самостоятельности «того, что мы делаем с языком и посредством языка» в сравнении с отображением «того, что есть». Британский логик и философ языка Джон Лэнгшо Остин первым из философов аналитического направления сформулировал идею о том, что помимо высказываний, которые описывают какой-либо факт или ситуацию в мире и могут, следовательно, быть истинными или ложными, существует большое число высказываний, играющих совсем другую роль и не являющихся ни истинными, ни ложными. К такой категории высказываний относятся вопросы, команды, а также высказывания, которые сопровождают исполнение определенного действия. Выражения первого типа Остин называет «констативы», поскольку они констатируют некий факт, а высказывания второго типа были названы им «перформативами» (от английского «perform» – «исполняю»). Примерами перформативов являются слова «обещаю», «клянусь», «приношу извинения», «бросаю вызов», «поздравляю вас» и многие другие, сказанные в конкретных обстоятельствах одновременно с выполнением конкретного действия. Кроме того, философ рассматривает использование высказываний с точки зрения воздействия говорящего на слушающего, выделяя

локутивные, иллокутивные и перлокутивные речевые акты. Локутивный акт типа «он сказал, что» представляет собой высказывание, обладающее конкретным смыслом и референцией; иллокутивный акт типа «он настаивал на том, чтобы» обладает определенной силой и подразумевает попытку говорящего оказать воздействие на слушателя; перлокутивный акт типа «он убедил меня (сделать что-либо)» достигает цели убедить или заставить адресата совершить какое-то действие и обязательно имеет реальные последствия. Философ видит в этом три различных способа использования языка или предложения как единицы языка. Описывая речевую деятельность, Остин выделяет три важных момента в процессе осуществления устного высказывания: человек должен одновременно, во-первых, произнести членораздельные звуки, относящиеся к определенному языковому коду, во-вторых, построить из слов данного языка определенную конструкцию с соблюдением правил грамматики этого языка и, в-третьих, произнести высказывание с целью донести до слушающего определенный смысл или оказать на него определенное воздействие¹. Отсюда можно сделать вывод, что выражение мысли в речи Остин связывает с построением грамматически и семантически правильной конструкции – предложения. При этом всякое высказывание произносится с определенным намерением. Если попытаться изложить идеи Остина, используя терминологию американского философа Ч. У. Морриса, можно сказать, что речевой акт или высказывание помимо семантики (смысла) и синтактики (грамматической структуры) имеет собственную прагматику (цель высказывания). Если мы сравним идеи Остина с идеями Витгенштейна, то увидим, что Остина интересуют не предложения как утверждения о положении дел в мире или фактах, а речевая деятельность как соединенность высказывания и действия. Можно сказать, что Остин продолжает линию «языковых игр».

Американский философ Джон Роджерс Сёрль на первом этапе своих философских изысканий развил идеи Остина о речевых актах в собственном

¹ Austin J. L. How to do things with words. London: Oxford University Press, 1962. 166 p.

ключе, сосредоточив свой анализ на различных видах иллокутивных актов. Вместе с тем он продолжил линию Витгенштейна, связанную с вопросом, каким образом язык отражает мир, и попытался разработать теорию значения, присущего высказываниям. Само название его книги «Выражение и смысл» с подзаголовком «Исследования теории речевых актов» подводит к тому, что, с точки зрения Сёрля, основной единицей значения или смысла являются речевые акты. Значение высказывания непосредственно связано с намерением говорящего и с осуществляемым речевым актом: утверждением, вопросом, комментарием, приказом, поздравлением и т. п., что в целом согласуется с идеей Витгенштейна о том, что значение слова есть его конкретное употребление. Сёрль также предпринял попытку показать, каким образом философия языка может быть основана на теории мыслительной деятельности, и как конкретные характеристики речевых актов зависят от интенциональности разума, то есть направленности сознания говорящего на предмет его мысли и высказывания¹. Отталкиваясь от утверждения Витгенштейна о существовании бесчисленного множества способов применения языка («языковых игр»), Сёрль делает заключение, что если ограничить рассмотрение вопроса иллокутивными речевыми актами, можно обнаружить пять общих способов употребления языка или пять основных категорий иллокутивных актов: утверждения о фактах или положении вещей (Assertives); распоряжения в адрес других сделать что-либо (Directives); обязательства, которые мы берем на себя (Commissives); выражения наших эмоций или отношения к чему-либо (Expressives); и заявления, посредством которых мы вносим изменения в положение дел в мире (Declarations)². Мы видим, что в основе методологии исследований Сёрля лежит связь речи с мыслительной деятельностью и с намерением говорящего, а смысл высказывания зависит от конкретной ситуации, в которой оно прозвучало. Кроме того, философ различает план содержания (смысл высказывания) и план выражения (форму высказывания), а также в рамках разрабатываемой им

¹ Searle J. Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press, 1979. 187 p.

² Ibid. P. viii.

теории значения проводит анализ буквального и переносного смысла различных высказываний.

Идея о разнообразии способов использования языка, функциональности речевого акта, в том числе за пределами собственно описания мира, как нам кажется, поддерживает понимание значения билингвизма как возможности расширения когнитивного инструментария. Там, где необходимо лишь описать объект, это можно сделать и в одной языковой системе, хотя в репрезентации отдельных аспектов та или другая система могут оказаться более адекватными. Если же с помощью языка решаются задачи различного характера, то требования к многообразию используемых для этого средств, к их накоплению для взаимного дополнения существенно возрастают; при этом вполне логично, что востребованы будут не повторяющие друг друга, а основанные на разных принципах работы инструменты. Именно такую ситуацию и создает взаимная дополнительность организованных различными правилами языковых систем.

Американский логик и философ Уиллард Куайн продолжил идущую от Витгенштейна линию анализа, рассматривающую связь высказываний и фактов окружающего мира, вопросы отношения высказываний к реальности и, в этой связи, проблему истинности или ложности высказываний. Основной смысловой единицей языка Куайн, как и Витгенштейн, считает предложение: по его утверждению, то, что считается словом, менее очевидно, чем то, что считается предложением. Куайн выделяет в особую категорию предложения, описывающие научные факты: чем прочнее связи предложения с невербальной ситуацией, тем меньше такое предложение будет отличаться от своего коррелята в другом языке. Именно относительно таких предложений, полагает Куайн, Витгенштейн и говорил, что понимание предложения означает понимание языка. Точка зрения Куайна на то, как соотносятся между собой предложения разных языков, выражающие одинаковый смысл, отразилось в сформулированном им принципе неопределенности перевода. Сравнивая различные пособия по переводу, отличающиеся друг от друга тем, что в качестве соответствующих переводов предложений одного языка предлагают

предложения другого языка, которые не находятся одно к другому в отношении какой-либо удовлетворительной эквивалентности, философ приходит к выводу, что один и тот же смысл может быть передан с помощью неограниченного количества разных по форме высказываний. Это же он считает верным для парафраз внутри одного языка. По сути, Куайн говорит о том, что смысл (содержание) может быть передан с помощью различных формальных языковых средств (выражения), при этом форма выражения может различаться как между разными языками, так и в континууме одного языка¹. Философ также обозначает проблему несовпадения объема значений отдельных слов в разных языках: если мы обратимся к иным языкам, чем наш собственный, совпадение терминов по объему оказывается отнюдь не очевидным. Заметим, что речь в данном случае идет о языке науки и точных научных терминах. Здесь мы видим отсылку к вопросу, сформулированному ранее Ельмслевом, о несовпадении плана выражения и плана содержания в разных языках в результате разных, часто произвольных способов двойного членения континуума. По выполняемым функциям Куайн различает слова, обозначающие объекты (знаменитый «Кролик - Гавагай»), и слова, описывающие отношения между мыслимыми объектами (или ситуации, используя термин Витгенштейна). Взяв в качестве примера английское выражение «for the sake of» («ради того, чтобы»), философ утверждает, что подобные слова и выражения, смысл которых не может быть установлен с помощью непосредственного указания на объект (остенсивно), могут быть изучены только абстрактным образом по их роли в предложениях. Тем не менее, сам смысл этих выражений может быть выражен на другом языке, хотя никакие формы слов в другом языке не имеют прямого соответствия в исходном языке². При рассмотрении языковой деятельности индивидуума Куайн использует выражение «текущий» или «теперешний» язык («current language»), то есть употребляемый в данный момент язык конкретного человека: следует оценивать этот текущий язык по

¹ Quine W. Word and Object. P. 25-26.

² Ibid. P. 51-52.

текущим диспозициям (расположенности) данного человека реагировать вербально на текущие внешние стимулы. Таким образом он описывает способность билингва использовать один из языков в зависимости от конкретной ситуации. Можно сказать, что если в предыдущих случаях речь шла об инструментальном выборе языковых средств, то Куайн раскрывает предпосылки и механизм осуществления этого выбора. Кроме того, Куайн определяет значение предложения или пропозицию как некую смысловую константу в процессе перевода, поскольку именно этот смысл является тем общим, что существует между предложением на одном языке и его переводом на другой язык. Однако понятие пропозиции как значения предложения не помогает, по его мнению, удовлетворительно решить проблему неопределенности перевода или синонимии предложений. Можно лишь отметить, что такие строгие требования Куайн применяет исключительно к языку науки, а вовсе не к обыденному языку. Философ рассматривает слова как социальные инструменты, подчеркивая, что единообразное употребление слов и шаблонных выражений выходит на первый план там, где оно важно с точки зрения сообщества для обеспечения коммуникации и достоверной передачи смыслов.

Итак, мы видим, что такие представители аналитического направления в философии, как Рассел, Витгенштейн, Остин, Сёрль, Куайн, имеют близкие взгляды на то, что считать основной смысловой единицей языка, и на то, как язык отражает действительность. Мы еще вернемся к тому, какое значение эта идея имеет для исследования билингвизма; пока же отметим, что именно эта линия получила свое развитие в философских направлениях, непосредственно не относящихся к аналитической философии, но перекликающихся с ней в своем понимании языка. Как нам представляется, отношения между ключевыми философскими позициями, касающимися природы и функций языковых знаков и их способности отражать положение дел в мире, хорошо описываются витгенштейновской метафорой «семейное сходство». Идеи перекликаются между собой, многие положения воспроизводятся в разных

позициях в меняющемся виде: отдельная позиция может в каких-то аспектах совпадать с другой позицией, в каких-то – с третьей, а между теми намечаются собственные параллели. Эта ситуация говорит, на наш взгляд, о поэтапно сложившемся едином тематическом пространстве аналитической философии, имеющем объективную определенность. К доминантам этого концептуального поля можно отнести рассмотрение знака в контексте спектра отношений, в которых он обретает свое конкретное значение. Это отношения между знаком и объектом, между знаком и тотальностью мысли, между знаком и его материальным воплощением и т. п. Для нашего исследования особой значимостью обладает тот факт, что в работах представителей аналитической философии постепенно утверждается идея о том, что *именно предложение является основной смысловой единицей языка* (Рассел, Витгенштейн, Куайн). С этим положением согласны, в частности, российские лингвисты. Так, создатель школы логического анализа языка в отечественном языкознании Н. Д. Арутюнова особо подчеркивает, что мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения¹. К основным свойствам предложения исследователь относит то, что в нем может устанавливаться связь между любыми из сущностей, которыми оперирует человеческое мышление – предметом, понятием, именем (словом)². Теоретик языка Ю. С. Степанов, объединяя логический и семиологический подходы, также рассматривает предложение как основную структурную и смысловую единицу языка³.

Представляется возможным использовать эти теоретические положения для дальнейшего объяснения языкового механизма, характерного для билингов, и уточнения критериальной оценки билингвизма. Как мы постарались показать выше, первым определяющим признаком билингвизма следует считать способность человека органично воспринимать смыслы, то есть субстанции плана содержания, независимо от различных планов выражения, то есть формальных средств различных языков, а также

¹ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. С. 16.

² Там же. С. 18.

³ Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 362 с.

использовать формальные структуры различных языков, то есть различные субстанции плана выражения, для оформления своей мысли. Когда человек, усваивающий второй или последующий язык, приобретает способность выразить смысл с помощью средств выражения этого языка вполне независимо от своего первого языка, без акта прямого перевода, становится возможным говорить о билингвизме, поскольку только при достижении данного уровня полностью реализуется мыслеформирующая функция языка, что, в свою очередь, означает, что язык начал использоваться человеком в своем главном предназначении.

Тезис о том, что главной смысловой единицей языка является предложение, позволяет уточнить предложенный критерий. Признаком начала мышления на новом языке становится способность человека строить на нем предложения, изначально организуемые правилами этого языка. Именно способность человека построить предложение конкретного языка и посредством последовательных предложений породить текст для выражения смыслов позволяет считать его носителем языка. Как показали представители аналитической философии и семиотики, пользователь языка взаимодействует не только с семантическими значениями слов или других единиц языка, но и с синтаксическим измерением, поскольку нельзя осуществить осмысленное высказывание на любом языке (за исключением высказываний, состоящих из одного слова), не следуя, осознанно или неосознанно, правилам взаимодействия языковых знаков между собой. Кроме того, эффективная коммуникация на любом языке осуществляется с учетом намерения говорящего, а также моделей речевого поведения, закрепленных в данной культуре и данном языке как проявлении культуры, то есть с учетом прагматики конкретной семиотической системы. С этой точки зрения показательным представляется построение высказывания именно на данном языке, без помощи языка-посредника, то есть без перевода с одного языка на другой, внешним признаком чего является освобождение человека от попытки наполнить новыми словами прежние языковые структуры, изначально

использование новых принципов организации предложения и текста. На наш взгляд, это и есть критериальный рубеж в овладении вторым языком, позволяющий говорить о действительном начале билингвизма.

2.2. Конструктивистская исследовательская программа в осмыслении культурных оснований билингвизма

Еще одним направлением исследований в современной философии, которое представляется целесообразным привлечь к философскому осмыслению билингвизма, выступает конструктивизм. С одной стороны, для конструктивизма билингвизм является одним из возможных направлений приложения и апробации выдвигаемых им положений, поскольку конструктивизм рассматривает проблемы языкового взаимодействия в собственном ракурсе. С другой стороны, эмпирический материал, который может быть получен при анализе реального функционирования языка в практическом опыте билингвов, способствует расширению конструктивистских представлений о влиянии языка на мышление и реальность.

Конструктивизм в настоящее время представляет собой достаточно широкий «рамочный» термин для обозначения некоторого общего направления мысли (Б. И. Пружинин определяет его как «осознаваемое умонастроение»¹), объединяющего целый спектр не только философских, но и социально-гуманитарных концепций, ориентированных на выявление активной роли субъекта в различных сферах деятельности и изучение форм и способов опредмечивания характеристик и условий деятельности на уровне результата. Ключевой термин данной исследовательской программы – «конструирование» – трактуется как «активная и ориентированная на достижение определенных

¹ Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Конструктивизм: умонастроение и эпистемологическая доктрина // Социальная философия науки: Российская перспектива. Материалы Международной конференции. Т. 8. М.: Альфа-М, 2014. С. 17.

параметров деятельность человека по созданию артефактов, имеющих развитую внутреннюю структуру, детерминирующую в дальнейшем их поведение»¹. Сторонники конструктивизма указывают, что такое понимание конструирования восходит к философии И. Канта, к его высказыванию в труде «Критика чистого разума»: «... конструировать, т. е. сложить и дать... в определенной форме»². По мнению И. Т. Касавина, «в философском отношении конструктивизм можно рассматривать как вариант универсалистского подхода к миру, человеку и познанию, в котором осмысливаются и синтезируются идеи, характерные для современной математики, логики, естествознания и гуманитарных наук»³. Сам И. Т. Касавин определяет конструктивизм как направление в философии науки и эпистемологии, основанное на представлении об активности познающего субъекта, что выражается в использовании специальных рефлексивных процедур для конструирования (построения) образов, понятий или суждений. В рамках этого подхода всякая познавательная деятельность может быть рассмотрена как конструирование, а конструкция в широком смысле относится к организующим, структурирующим, формирующим и образным аспектам миропонимания и самосознания. Таким образом, категория конструирования имеет предельно универсальный характер, что создает возможность ее различной конкретизации в разных вариантах конструктивизма. В то же время исследовательская программа конструктивизма является достаточно определенной, чтобы во всех модификациях обнаруживался единый базовый принцип трактовки рассматриваемых процессов.

Вероятно, наиболее известным среди модификаций конструктивизма является социальный конструктивизм. Он стал популярным прежде всего благодаря книге П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания», опубликованной в 1966 г.

¹Реальность. Деятельность. Техника: Введение в философию инженерного дела / Ю. Д. Мишин, В. Д. Верескун, П. М. Постников, Н. И. Мартишина. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2011. С. 201.

² Кант И. Критика чистого разума. СПб.: ИКА "Тайм-аут", 1993. С. 147

³ Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. С. 118.

Примечательно, что оба автора этой книги являются билингвами: П. Бергер переехал в США из Австрии, Т. Лукман работал и в США, и в Германии, они писали свои труды как по-английски, так и по-немецки. П. Бергер и Т. Лукман рассматривают социальное конструирование как основной способ самовоспроизводства общества и культуры. Основным содержанием этого процесса в их концепции является опредмечивание найденных человеческим сообществом оптимальных (или, по крайней мере, работающих) форм организации деятельности в объективированных социальных институциях. Этот процесс включает несколько стадий и начинается с хабиутализации (превращения в привычку) повторяющихся действий – как их самих, так и формы их осуществления. Далее происходит институционализация – «взаимная типизация опривыченных действий деятелями»¹, то есть установившийся социальный порядок признается таковым в процессах социального взаимодействия, и появляются инстанции, которые становятся его эталонами и регуляторами. Движущей силой этого процесса является стремление к стабильности осуществляемой деятельности, с тем чтобы ее повторяющиеся компоненты были «автоматизированы» и не требовали принятия решений. Далее сложившийся социальный порядок передается следующему поколению, которое, начиная свою деятельность в мире, находит его уже готовым, отработанным и приобретшим некоторую инерцию существования. В результате: «Институты воспринимаются теперь как обладающие собственной реальностью; реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом... Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость, ... он не может быть легко изменен»².

Таким образом, социальный конструктивизм рассматривает процесс формирования социальной реальности и отдельных ее компонентов в процессах человеческой деятельности, причем, и это существенно для конструктивизма, важнейшей характеристикой того, что создается, является структурная

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 92.

² Там же. С. 98-99.

организация, обеспечивающая дальнейшее функционирование в заданном качестве. У П. Бергера и Т. Лукмана рассматривается прежде всего социальное конструирование знания, то есть формирование идей и вообще определенной «конфигурации» сознания общества под влиянием социальных практик и в результате воплощения этих практик в производимых ими продуктах. Но ряд исследователей видит возможность расширения данной модели, показывая, как она применяется для описания конструирования других компонентов социальной реальности – не только норм и правил, но и собственно социальных структур (например, властных отношений) и, в конечном счете, материально-вещественной составляющей социальной реальности, «второй природы»¹. Как указывает Л. Бейкер, и в духовной, и в предметно-практической деятельности «артефакты обязательно имеют собственные функции, специально заложенные в них существами с убеждениями, желаниями и намерениями»², что полностью соответствует содержанию понятия «конструирование». Этот взгляд оправдан также историей самого термина «конструирование», который изначально имеет технический генезис в своем основном значении – опредмечивание в структуре системы принципов организации, которые в дальнейшем должны обеспечивать ее функционирование в заданном порядке – и первоначально применялся именно для описания создания материальных, технических систем³. Используя подходы социального конструктивизма применительно к речевой деятельности, следует учесть, что все разновидности речевых актов являются формами социального поведения, и в любом языке существуют свойственные конкретной культуре и закрепленные в социальной практике формулы речевого этикета, используемые в типичных ситуациях. В связи с этим И. Т. Касавин отмечает: «Если бы человек не типизировал свое языковое поведение, он не был бы в состоянии справиться с многообразием языковых ситуаций. О типе ситуаций можно говорить только тогда, когда из типизации вытекают

¹ Социальная онтология в структурах теоретического знания. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Ижевск: «Удмуртский университет», 2012. С. 190-194.

² Бейкер Л. Онтологическая значимость артефактов // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. С. 57.

³ Мартишина Н. И. Категория конструирования: за пределами технической интерпретации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Вып. 25. Новосибирск, 2011. С. 25-31.

наиндивидуальные правила поведения»¹. Одним из примеров закрепления форм языкового поведения, выработанных социумом, можно считать фатическую речь, основные функции которой – установить контакт между собеседниками, создать возможность дружелюбного общения, продолжить или прервать коммуникацию, привлечь внимание собеседника, убедиться, что он слушает внимательно. Фатическая функция языка осуществляется посредством обмена установленными языковой традицией формулами или даже целыми диалогами, которые были «сконструированы» и закреплены в конкретном языке².

Отличен от социального конструктивизма, но тесно с ним связан эпистемический конструктивизм, который опирается даже на более долгую философскую традицию, хотя сам термин применяется к описанию данного варианта конструктивизма сравнительно недавно. Эпистемический конструктивизм рассматривает конструирование именно идей различного вида – знаний, мнений, представлений, концепций и т. д. В русле этого подхода можно рассмотреть изложенное У. Эко понимание идей И. Канта, высказанных в «Критике чистого разума» относительно «суждений восприятия» и «эмпирических концептов». Рассматривая процесс конструирования умозрительной схемы, У. Эко ссылается на мысль И. Канта о том, что схематизм нашего интеллекта – это искусство, скрытое в глубине человеческой души. Такую способность, по мнению итальянского философа, можно также определить как выполнение процедуры, решение задачи или создание конструкции. У. Эко полагает, что кантовский схематизм подразумевает конструктивизм, а кантовское понятие «схемы» он трактует следующим образом: во-первых, трансцендентальная схема – это продукт воображения, а во-вторых, схема – это не полный образ. Схема в данном случае мыслится как правило конструирования или воссоздания в любой ситуации своего рода

¹ Касавин И. Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. С. 32.

² Таскаева Е. Б. Фатическая функция языка в кросс-культурной коммуникации // Материалы XXX Международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы модернизации высшей школы». Новосибирск, 2019. С. 271-274.

схематичной репрезентации объекта. В подтверждение У. Эко приводит в пример схему «треугольника вообще» или «собаки вообще». Он также отмечает функциональное сходство «схемы» Канта с витгенштейновским понятием «Bild» (пропозиция или «картина», соответствующая по своей структуре факту действительности), которое, по мнению У. Эко, можно уподобить «модели» в научно-техническом смысле. Философ подчеркивает, что ментальное воспроизведение «схемы» непременно разворачивается во времени, а в ее конструировании всегда участвует память, фиксирующая процедуру¹. В аспекте языковой и когнитивной деятельности это можно объяснить так: когда мы слышим слово, в нашем разуме, вероятно, возникает не образ предмета, а некая схема, соотносящаяся с этим предметом. По мнению итальянского мыслителя, то, что «схема» должна быть конструкцией, вытекает даже не столько из факта ее применения к уже известным объектам: гораздо интереснее вопрос, что происходит, когда мы конструируем умозрительную схему ранее неизвестного объекта? В качестве примера философ описывает длительный процесс конструирования гносеологического образа утконоса, открытого европейцами в конце XVIII века в Новой Зеландии, когда у ученых-биологов ушло более 100 лет, чтобы классифицировать ранее не известное науке животное как яйцекладущее млекопитающее². Таким образом, У. Эко сближает кантовский схематизм с конструктивистскими идеями о природе знания, то есть с эпистемическим конструктивизмом.

Современная энциклопедия по эпистемологии предлагает следующее общее определение: «Конструктивизм (от лат. *constructio* – построение) – направление в эпистемологии и философии науки, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, который использует специальные рефлексивные процедуры при построении (конструировании) образов, понятий и рассуждений... В рамках философии конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная

¹ Eco U. Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition. Mariner Books, 2000. P. 88-89.

² Eco U. Op. cit. P. 107-108.

деятельность является конструированием; это альтернатива любой метафизической онтологии и эпистемологическому реализму»¹. В широком смысле с таким взглядом на познание ассоциируются все философские подходы, признающие активную роль субъекта, но в более точном определении к конструктивизму принадлежат концепции, рассматривающие познание как деятельность, результат которой зависит от того, как эта деятельность осуществлялась, считающие неизбежным опредмечивание характеристик и условий деятельности на уровне результата и трактующие гносеологический образ как конструкт – внутренне структурированный и функционирующий в соответствии с заложенными в него логическими принципами объект. Конструирование гносеологического образа как универсального результата познания в эпистемическом конструктивизме также часто характеризуется как социальное конструирование, поскольку условия, в которых протекает познавательная деятельность, задаются принадлежностью субъекта к определенной эпохе и культуре. Социальные практики, задающие определенный способ видения мира, присущие данной культуре представления о реальности, которые транслируются и подтверждаются в процессах коммуникации, системы научных и других профессиональных взглядов, предлагаемые индивиду на всех уровнях системы образования, идеология и пропаганда, распространяющие определенные социальные стереотипы – все это способы конструирования у человека определенной мировоззренческой и когнитивной позиции. По отношению к такому конструированию отдельный человек является не столько активным деятелем, сколько объектом программирующего воздействия, которому он не может противостоять и которое во многих случаях не осознает. На этом уровне рассмотрения «индивид не является базовой единицей анализа: он просто получает свою долю знания, принадлежащего коллективности»². Вместе с тем, эпистемический конструктивизм, в отличие от социального, рассматривает конструирование

¹ Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. С. 373.

² Кнорр-Цетина К.; цит. по: Коллинз Г. Социальное картезианство и онтологическая асимметрия // Эпистемология и философии науки. 2011. № 3. С. 25.

собственных взглядов самим человеком, на основе его индивидуального опыта и в соответствии с его собственными целями деятельности. Механизмами такого конструирования является отбор информации, поступающей к человеку (например, повышенное внимание к сообщениям определенной тематики и отсутствие интереса к другим), использование различных способов интерпретации, всегда очень сильно зависящих от прежнего опыта, индивидуальные, в том числе физиологически обусловленные особенности восприятия и работы памяти, и т. д. С точки зрения эпистемического конструктивизма, влияние этих факторов на формирующийся в итоге гносеологический образ тоже очень существенно. В качестве иллюстрации данного различия между двумя вариантами конструктивизма можно привести разграничение в педагогическом процессе «*constructivist view of learning*» и «*constructivist view of teaching*»¹. В первом случае речь идет о конструировании собственных знаний учащимся, на основе предшествующего опыта и в процессе получения нового опыта, имеющего форму относительно свободного самовыражения в творческой деятельности; это случай, который рассматривает эпистемический конструктивизм. Во втором варианте конструирующим субъектом является учитель, определяющий цель и ожидаемый результат организуемой им учебной ситуации, учащийся же является тем, на кого это конструирующее воздействие направлено; это некий аналог представления социального конструктивизма о формировании позиции индивида в познании.

Таким образом, представляется возможным выделить две относительно обособленные, хотя и взаимодействующие друг с другом линии развития и реализации конструктивистской исследовательской программы. И здесь мы обнаруживаем, что в обоих рассмотренных вариантах конструктивизма важнейшей составляющей процесса конструирования является *языковое конструирование*. В обоих случаях язык рассматривается как важнейший инструмент, через который и осуществляется конструирование. В концепции П.

¹ Aminem R. J., Ast H. D. Review of Constructivism and Social Constructivism // Journal of Social Sciences, Literature and Languages. 2015. Vol. 1 (1). P. 12.

Бергера и Т. Лукмана показано, что язык обеспечивает конструирование социальной реальности за счет присущей языку способности к типизации: понятие объединяет объекты в категорию и тем самым придает универсальность социальному установлению, порядку, правилу, которые в результате могут быть распространены на любой новый случай. Это необходимый этап описанных процессов объективации и институционализации, без которых невозможно конструирование социального: «Язык предоставляет мне готовую возможность непрерывной объективации моего возрастающего опыта»¹. При этом язык обладает такой же силой социального принуждения, как и сам социальный порядок: «Я сталкиваюсь с языком как с внешней для меня фактичностью, и он оказывает на меня своё принудительное влияние. Язык подчиняет меня своим структурам. Я не могу пользоваться правилами немецкого синтаксиса, когда говорю по-английски; я не могу пользоваться словами, придуманными моим трёхлетним сыном, если мне нужно общаться с кем-то за пределами моей семьи; в разных случаях я должен учитывать преобладающие стандарты правильной речи, даже если предпочитаю свои собственные «неправильные»². Важно, что без языковых средств трансляция опыта за пределы непосредственного взаимодействия, а значит, возможность фиксации его в чем-либо выходящем за рамки осуществляемого здесь и сейчас действия, с точки зрения данной концепции, была бы невозможна. Лишь язык может «не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни»³.

Анализ конструирующей роли языка в рамках социального конструктивизма достаточно часто связывается с негативной оценкой самого процесса. Так, В. Ф. Шаповалов говорит о «диктатуре» или «тирании языка» как одной из особенностей современного общества: стандартизованный и схематичный язык средств массовой коммуникации задает человеку

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 67.

² Там же. Указ. соч. С. 67.

³ Там же. С. 70.

единственный способ высказывания относительно общественных явлений и тем самым внедряет в его мышление готовые оценки этих явлений, для которых нет альтернативы, потому что для нее нет иных способов выражения. «Массовый язык тотален, т. е. охватывает все сферы, все участки жизни человека. Поэтому даже свой протест против различных сторон существующего порядка человек вынужден формулировать на том же массовом языке... Тиранию языка невозможно победить»¹. Сторонники социального конструктивизма отмечают при этом, что «диктаторский потенциал» языка вполне осознается и целенаправленно используется политиками. Например, реформы якобинского Конвента в революционной Франции 1790-х гг. обнаруживали «вполне определенную тенденцию революционного правительства осуществлять систематический контроль за функционированием языка»². Введение новых топонимов и новых обозначений временных периодов выступало одним из сильнейших средств конструирования в массовом сознании нового мира, в котором нет практически ничего от прежнего и в котором отныне предстоит жить гражданам. И это отнюдь не особенность революционной эпохи (которая только делает выражение тенденции к управлению посредством языка более явным); любое государство, поддерживая и регулируя официальный язык, устанавливает и поддерживает тем самым свою власть и свои правила в границах определенной территории. «Узнаваемый и признаваемый (в большей или меньшей степени) на всем пространстве, подчиняющемся определенной политической власти, язык, со своей стороны, помогает укреплению той самой власти, которая его насаждает»³. П. Бурдьё при этом указывает, что «насаждаемый в качестве единственно законного» официальный язык «есть не что иное, как код, т. е., во-первых, шифр, позволяющий устанавливать соответствия между звуками и смыслами, а во-

¹ Шаповалов В. Ф. Основы философии современности: К итогам XX века. М.: Флинта, 1998. С. 48.

² Блинов Е. Н. Политическая философия языка: К новой типологии эвжуальности // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. С. 167.

³ Бурдьё П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // «Отечественные записки». 2005. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-voisproizvodstve-legitimnogo-yazyka>.

вторых, система норм, регулирующих языковую практику»¹. Наиболее примечательна здесь идея конструирования смыслов, которые будут вкладываться людьми в соответствующие социальные реалии, через принятую систему обозначений: будучи контролируемой властными структурами, эта система обеспечивает возможность управления не только социальным поведением, но и взглядами индивидов.

Эпистемический конструктивизм поддерживает, по существу, ту же идею о значимости языка как средства конструирования представлений человека, причем эта закономерность обнаруживается в обоих вариантах: в процессах распространения любых знаний транслируемая система обозначений формирует у аудитории определенные взгляды и способ рассуждения, а в процессе саморазвития индивид, используя родной язык, конструирует собственную гносеологическую сферу с сохранением заданного языком способа мышления. Вместе с тем, эпистемический конструктивизм в большей степени концентрируется на необходимости языкового выражения для того, чтобы акт мышления в его человеческой форме вообще мог осуществиться. Рассматривая природу познания как конвенциональную, Л. А. Микешина и М. Ю. Опенков отмечают, что «конвенциями номер один» в познании являются языки². Слово – необходимый инструмент для перехода от непосредственного чувственного восприятия единичного объекта к понятийной его фиксации, открывающей возможность дальнейшей обработки гносеологического отображения объекта на рациональном уровне. Называя объект, мы тем самым объединяем и выделяем некоторую комбинацию факторов из тотальности эмпирического опыта и подводим ее под определенную категорию, встраивая тем самым в систему отношений. «Слово конструирует объект, интерпретируя чувственные впечатления определенным образом, объективирует его, придавая

¹ Бурдьё П. Указ соч.

² Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 240 с.

ему статус самостоятельного объекта»¹. А. Л. Никифоров указывает в связи с этим на противоположность конструктивистского взгляда обыденной позиции, в соответствии с которой слово используется лишь для обозначения уже существующего объекта: «Конечно, слово что-то обозначает, но это лишь вторичная, производная его функция: оно сначала конструирует, а потом используется для обозначения сконструированного с его помощью объекта»². Мы «распознаем» объект посредством слова; с точки зрения эпистемического конструктивизма, это означает также, что разные слова могут позволить нам (или заставить нас) увидеть в объекте разные его проявления. Эта особенность распространяется на все уровни познания: так, предметом исследования в той или иной области науки является сконструированная, в том числе специальными языковыми средствами, научная реальность, а не физически существующий предмет как таковой. С точки зрения конструктивизма, «предмет науки – это объективированный в ее теоретическом и экспертном языке и представленный в виде особого рода «научной реальности» идеальный момент чувственно-предметной деятельности субъекта»³. Выводом из этого тезиса является общее для конструктивизма представление о том, что мир, в котором мы живем, имеет выраженную языковую размерность, и при смене языка с необходимостью происходит «переключение гештальта», «собирающее» реальность в несколько иную картину.

Таким образом, можно сделать вывод, что во всех вариантах конструктивизма исследования языка занимают достаточно серьезное место, а также наблюдается определенное единство в его трактовке, что позволяет говорить о конструктивизме как одном из тех направлений современной философии, которые разрабатывают самостоятельную концепцию языка. Конструктивизм изучает язык прежде всего с точки зрения его функций, среди которых ведущей признает мыслеформирующую функцию.

¹ Никифоров А. Л. Чувственно-вербальное построение мира // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. С. 49-50.

² Там же. С. 50.

³ Сапунов М. Б. О проблеме реальности в истории и философии науки // Высшее образование в России. 2012. № 2. С. 148.

Насколько нам известно, до настоящего времени в рамках конструктивизма не осуществлялось прицельное систематическое рассмотрение феномена билингвизма, но, как нам кажется, именно на материале билингвизма может быть дополнительно осмыслен процесс языкового конструирования мышления. Билингвизм здесь представляется неким аналогом «близнецового метода» в социологии и психологии, позволяющего изучать влияние социокультурных факторов на формирование личности на базе одного и того же генетического кода: возникает возможность для сравнения способов осмысления одних и тех же реалий одним и тем же человеком при обращении к различным языковым системам. Если с точки зрения философии лингвистического анализа для непротиворечивого высказывания о языковых реалиях необходим метаязык, то в случае с билингвами для такого суждения человек может выйти за пределы языка в другой, также «свой» для него язык, что создает новые познавательные и социальные возможности.

С точки зрения социального конструктивизма билингвизм может быть рассмотрен, во-первых, как объективное явление, формирующееся в условиях усложнения социальной реальности и возрастания ее разнообразия. Возникновение новых социальных явлений, тенденций, форм организации социальной жизни требует языковых средств, завершающих их объективацию. Несводимость друг к другу таких средств в различных языках не только иллюстрирует колоссальное культурное многообразие современного мира, присутствие в каждой культуре самостоятельных форм социальных действий, имеющих собственную ценность, но и поддерживает это многообразие, выступающее в условиях глобализации средством сохранения «культурного генофонда» человечества. А билингвизм является той точкой, в которой наиболее явно обнаруживается диалектика совпадения и различия смыслов социальных явлений в различном языковом выражении и, таким образом, диалектика общего и особенного, необходимого и вариативного в социокультурном бытии современного человечества. С другой стороны,

Билингвизм открывает возможность не только для оценки степени влияния языковых стандартов на формирование мышления, но и для поиска способов освобождения от «тирании языка»: для билингва ситуация существования только одного способа языкового обозначения социального явления и отсутствия возможностей для артикуляции, а следовательно, и формирования иной точки зрения, по определению не может быть столь же фатальной, как для человека, сформировавшегося в мооязычной среде. Другой язык приносит с собой как знакомство с реалиями иной культуры, стоящими за иной лексикой, так и основания для взгляда на тот или иной социальный порядок в ином, поддерживаемом другим языком ракурсе.

С точки зрения эпистемического конструктивизма билингвизм может быть соотнесен с распространением вероятностного стиля мышления, вариативности аспектов рассмотрения и способов познания одного и того же объекта, дополнительности как общей характеристики познания, что отмечается исследователями в качестве одной из ключевых особенностей познания начиная с неклассической эпохи. Традиционное представление о познании базировалось на убеждении в том, что истина, как правило, является в каждом вопросе единственной: на пути к ней возникает разнообразие мнений, но оно устраняется, когда проблема наконец получает правильное решение («Тысячи путей ведут к заблуждению, к истине – только один», по выражению Ж.-Ж. Руссо). Неклассическое и постнеклассическое познание ориентировано прежде всего на более сложные объекты: бытие объектов и предметных областей, на которые обращено исследование, многопланово, объекты обладают разнообразными и противоречивыми свойствами, они труднодоступны, что предполагает принципиальное усложнение инструментария познания и в результате неизбежно делает познание зависимым от инструментария. Поэтому единственно правильная точка зрения на объект во многих случаях становится невозможной: различные и даже противоположные его концептуальные представления не исключают, а дополняют друг друга. П. Фейерабенд, например, рекомендует в качестве

оснований правильной познавательной стратегии следующие: принцип пролиферации, означающей специальную настроенность на поиск позиций, альтернативных принятой на текущий момент; принцип («аванс») доверия, предполагающий поддержку альтернативных теорий даже в том случае, если они выглядят слабее первоначальной; и принцип упорства, требующий сохранения также собственной изначальной позиции; философ считает, что только такой подход может защитить современного человека от догматизма, стереотипизации мышления и социальных манипуляций¹. В этом контексте билингвизм представляет собой возможность и, в каком-то смысле, школу реализации принципа дополнительности в мышлении: параллельное использование разных систем описания в случае билингвизма задано изначально.

Если конструктивистская методология применяется к уровню исследования того, как языковыми средствами конструируются не просто объекты, а реальности и миры, то особый интерес для изучения представляет вариант билингвизма, при котором использование различных языков привязано к определенным сферам деятельности, и при переходе, например, от профессиональной практики к частной жизни человек автоматически переключается на другой язык. Получается, что при наличии такой возможности людям действительно удобнее конструировать разные жизненные миры с использованием различных языковых средств. Расхождения между такими мирами могут заходить достаточно далеко: например, в качестве одной из особенностей индийской науки исследователи называют то обстоятельство, что в университетах и лабораториях ученые говорят по-английски, а дома – на родных языках. Е. Н. Молодцова связывает это с «колониальным» происхождением индийской науки, но, очевидно, имеет значение и необходимость иметь единый язык общения в изначально многоязычной среде².

¹ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125-466.

² Молодцова Е.Н. Ценность науки и традиционные ценности в культуре современной Индии // Ценностные аспекты развития науки. М.: Наука, 1990. С. 259-275.

В результате возникают существенные различия в способах осмысления объектов (в предельном случае – одних и тех же) в профессиональной и домашней ситуации: индийский астроном делает при солнечном затмении знак, призванный защитить от воздействия злых сил, а индийский биолог, прекрасно осведомленный о генетическом единстве человечества, соблюдает кастовые табу. При этом не происходит конфликта между двумя, казалось бы, несовместимыми системами представлений – именно потому, что они относятся к различным жизненным мирам. Мы видим на этом примере, насколько существенным и необходимым фактором конструирования реальности является естественный язык, и насколько далеко может простирается такое конструирование.

Все рассмотренные тенденции дифференциации конструирования, в связи с которым имеет значение параллельное использование разных языковых систем, в современной культуре связаны между собой. По большому счету, речь во всех случаях идет о различных аспектах проявления «некоторой общей тенденции в культуре, сущность которой в устойчивом движении от «моно» к «поли», от примата индивидуального к примату множественного»¹ и в современной социальной практике, и в современном познании. Билингвизм в контексте этой тенденции может быть рассмотрен как опыт бытия человека в новой социокультурной ситуации; риски и перспективы трансформации знания и мышления в такой ситуации могут быть осмыслены в рамках конструктивизма.

2.3. Герменевтическая традиция в осмыслении билингвизма как характеристики человеческого бытия

Будучи существами социальными, люди критически зависят от своей способности воспринимать, понимать и интерпретировать (или толковать) информацию, поступающую в виде знаков языка или текстов. Рассмотрение

¹ Шкода В.В. Оправдание многообразия: Принцип полиморфизма в методологии науки. Харьков: Основа, 1990. С.7.

феномена восприятия и понимания знаковой информации – в особенности, выраженной с помощью естественного языка – в философском плане является ключевым моментом в построении теории познания. В данном разделе работы мы постараемся проследить основные направления философской мысли XIX–XX веков в трактовке феномена понимания, чтобы с их помощью уточнить особенности языковой деятельности билингвов.

Наиболее разработанным подходом к изучению процессов понимания и объяснения в истории философии считается герменевтический подход, развившийся прежде всего на почве немецкой философии и продолженный представителями континентальной философии в других европейских странах. На рубеже XVIII–XIX веков Вильгельм фон Гумбольдт, соединивший в своих исследованиях интерес к теоретическому языкознанию, философской антропологии и философии истории, определил обеспечение понимания как основную функцию языка: язык – «посредник в процессе понимания»¹. В дальнейшем идеи герменевтического направления развивали Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикёр.

Значительная часть научного наследия Фридриха Шлейермахера посвящена методу толкования литературных, в особенности религиозных, произведений, созданных в предыдущие эпохи, постижение смысла которых всегда затруднено для современного читателя. Философ определял герменевтику как искусство понимания, в частности, искусство понимания чужой речи. Он полагал, что все тексты развились из устной речи, а точнее – тексты представляют собой речь, обладающую композицией. Отсюда можно сделать вывод, что универсальным объектом толкования для Шлейермахера является совокупная речевая деятельность. По его мнению, понимание должно возникнуть в результате герменевтического процесса. Для объяснения механизма понимания философ вводит в научный оборот представление о герменевтическом круге, где образ движения по кругу описывает мыслительный процесс вдумчивого читателя, имеющий целью уточнение

¹ Гумбольдт В. Характер языка и характер народа / Гумбольдт В. Язык и философия культуры. С. 378.

смыслов и значений, заключенных в тексте. При первом прочтении незнакомого текста человек понимает только языковое значение отдельных элементов, то есть слов. Поскольку слово в языке может иметь различные значимости, его необходимо понимать через окружающий контекст, но при этом и сам контекст следует понимать через входящие в него слова. Таким образом, мы понимаем смысл частей высказывания через целое, а целое становится понятным через его части. Шлейермахер указывает, что при воплощении замысла автора в языковую оболочку цельность мысли или замысла неизбежно дробится на части, и форма перестает быть тождественной содержанию, то есть происходит «растождествление формы и содержания». В результате правильно понять отдельный фрагмент текста можно только в связи с целым текстом, который связан единым замыслом автора¹.

Следуя этой логике, мы вправе применить герменевтический принцип понимания не только к литературным памятникам, удаленным во времени от читателя, но и к пониманию современного нам звучащего высказывания на другом языке. Понимание целого исходя из части можно проиллюстрировать, например, тем, что устные переводчики могут уловить смысл длинной и сложной тирады по одному ключевому слову. А чтобы правильно истолковать термины или выражения, звучащие в конкретном высказывании, необходимо знать общую тему разговора. Данная идея составляет, на наш взгляд, отправной теоретический принцип, «исследовательскую программу-минимум» герменевтики. Нельзя не заметить, что одной из наиболее очевидных иллюстраций к этому принципу является как раз ситуация билингва. Он способен понимать сообщение и на том, и на другом языке, но для этого прежде всего должен решить задачу распознавания языка, на котором сделано сообщение. Тот или иной язык в данном случае составляет наиболее общий контекст, в рамках которого только и может быть осмыслено сообщение.

Кроме принципа герменевтического круга, Шлейермахер разработал метод дивинации как проникновения или «вчувствования» в психологию

¹ Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004. С. 28.

другого «Я» с целью понять ход его мысли. В связи с этим современники упрекали мыслителя в излишнем психологизме, однако этот подход представляется нам весьма информативным для осмысления процесса коммуникации, когда собеседники «настроены» друг на друга и в определенном смысле способны предугадать речевую реакцию другой стороны, то есть «идти на шаг вперед» в восприятии и понимании предполагаемого ответа. Как мы постараемся показать далее, эта идея Шлейермахера займет свое место среди созданных герменевтикой оснований теоретических исследований билингвизма.

Вильгельм Дильтей как представитель «философии жизни» ввел в герменевтику понятие «медиума сообщества», который хранит и передает от поколения к поколению общепринятые значения или понятия, стиль жизни и общения, обычаи и правила этикета, что в полной мере относится не только к передаче знаний, но и к процессам речевой деятельности вообще. Философ осознал, что понимание себя возможно через понимание Другого, предполагая наличие общей для всех членов сообщества духовной инстанции, понимаемой им как «объективный дух» или «медиум сообщества». По мнению Дильтея, понимание не сводимо к процедуре мысли, оно содержит иррациональное начало и выражается как истолкование, или интерпретация, фиксированных проявлений жизни, языка, культуры. Герменевтика для него – искусство такого истолкования. К высшим формам понимания философ отнес способность поставить себя на место другого (транспозицию), сопереживание и подражание¹. С нашей точки зрения, указанные способности можно считать условиями для успешного усвоения любого нового языка, а значит, подобные качества способствуют формированию билингвизма, особенно когда человек сознательно осваивает новый язык и связанную с ним культурную традицию. Концепт «медиум сообщества» также применим к характеристике социокультурной позиции билингва как человека, бытийствующего на стыке языковых систем и стоящих за ними культур.

¹ Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М., 2002. С. 27.

Мартин Хайдеггер в работе «Бытие и время» рассматривает проблему понимания и истолкования и, в связи с этим, функции речи и значение языка в бытии отдельной личности («здесь-бытии»). Феномен понимания философ определяет как основной модус «бытия присутствия» (или «здесь-бытия»), то есть существования человека в мире. Понимание есть некое набрасывание смыслов, в котором «здесь-бытие» раскрывает, как обстоит дело с окружающим «бытием-вместе с ним». Процесс формирования понимания Хайдеггер называет истолкованием: в истолковании понимание становится самим собою, при этом истолкование основывается на понимании, а не понимание возникает благодаря истолкованию, но два этих процесса связаны неразрывно. Истолкование (или интерпретация) – это детальная проработка возможностей, заложенных в понимании; истолкованию присуща функция раскрывания или развития понимания. Интерпретация всегда основана на том знании, которое мы уже имеем в своем опыте, на «пред-имении»; на том, что мы видим предварительно, на «пред-видении» или «пред-усмотрении»; на том, что мы ухватили (уловили) предварительно – «пред-ухватывании», «пред-мнении». Для Хайдеггера принципиально важно, что понимающий субъект уже имеет какие-то предварительные представления о предмете или ситуации, он что-то предусматривает, предполагает, у него всегда есть какие-то версии или предпосылки для истолкования¹. Истолкование всякий раз выносит решение, окончательное или предварительное, в пользу той или иной возможности, того или иного смысла. Смысл, по Хайдеггеру, есть то, в чем пребывает «понятость» чего-либо; одновременно смысл есть то, что доступно членораздельному выражению. Философ уточняет, что только «здесь-бытие» «имеет» смысл, то есть смысл формируется понимающим человеком. Поскольку высказывание или суждение основано на понимании и является производной формой осуществления истолкования, оно тоже «имеет» или воплощает смысл. Речь есть членораздельное выражение понятности, поэтому она лежит в основе

¹ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 332 с.; Heidegger M. Being and time. Blackwell Publishers Ltd., 2002. 589 p.

истолкования и высказывания. Высказывание как выражение смысла в речи является, по Хайдеггеру, «вторичным модусом истолкования». Высказывание есть «вы-явление» сущего, которое определяет «со-общая»: с помощью высказывания человек указывает на (выявляет) некую ситуацию или факт, высказывает нечто об этом факте (преддицирует, то есть определяет его свойства), а также делает это со-общение известным сообществу. Философ уделяет особое внимание таким экзистенциальным возможностям речи, как возможность слушания и «прислушивания». Речь и слушание основываются на понимании, и человек слушает, потому что понимает. Обращаясь к вопросу о языковой деятельности билингвов, которая включает в себя слушание и понимание как важнейшие компоненты, мы можем вслед за Хайдеггером сказать следующее: только тот, кто уже понимает определенный язык, может вслушиваться в содержание речей на этом языке и может следовать смыслу, выраженному в речи. И реплика в ответ следует из понимания того, о чем было сказано в речи, о разделенном «со-бытии».

Гадамер, вслед за Шлейермахером и Хайдеггером рассуждая о движении понимания «по кругу», указывает на важнейшую роль «пред-понимания», «пред-мнения», без которых невозможно истинное понимание¹. Иными словами, чтобы что-то понять, человек должен иметь предварительное представление об этом. Такое утверждение является верным, в частности, в отношении языковой практики: нельзя воспринять и понять высказывание на языке, не будучи, как минимум, знакомым со способами выражения смыслов в этом языке. Критерием правильности понимания для Гадамера является «взаимное согласие» отдельного и целого, где понимание текста зависит от значения отдельных слов, а понимание значения слова выводится из контекста. В этом понимании целого исходя из части и части исходя из целого, по мнению философа, всегда остается место для догадки или озарения. Здесь мы видим, с одной стороны, отсылку к уже упомянутому герменевтическому кругу, а с другой стороны – идею пролившегося света. В главе «Универсальный аспект

¹ Гадамер Г.- Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.

герменевтики» Гадамер говорит о понимании как озарении или просветлении, приводя в качестве примеров глаголы немецкого и латинского языка, которые обозначают понимание и одновременно несут значение «просветления» или «очевидности»¹. Мы можем также вспомнить характерные для русского языка выражения «мне все ясно» или «ясно, как белый день», которые тоже связывают понимание с метафорой света. По мнению Л. А. Микешиной, зрительная или визуальная метафора понимания, то есть обозначение понимания как ясного видения, характерна для европейской культуры². Мы же в свою очередь добавим, что представление о понимании как о видении при ярком свете существует и в китайском языке. Один из самых употребительных китайских глаголов со значением «понимать» образован из двух смысловых компонентов: первый слог имеет значение «светлый» и записывается иероглифом, в котором одновременно присутствуют символы (пиктограммы) солнца и луны, а второй слог имеет самостоятельное значение «белый» (сравним с русским «белый день», светлое время суток). Таким образом, напрашивается вывод об универсальности этой метафоры или, как минимум, о существовании ее и в западной, и в восточной культуре. Как и Хайдеггер, Гадамер делает акцент на всеобъемлющей языковой природе понимания, ее соотнесенности с разумом вообще. Более того, он утверждает, что «бытие, которое может быть понято, есть язык»³, другими словами, то, что может быть понято, и есть язык. Исходя из языкового характера понимания, философ подчеркивает конечность языкового свершения, в котором каждый раз конкретизируется понимание, и неоднократно отмечает, что процесс понимания происходит в среде естественного языка. Хотя его интересует прежде всего вопрос понимания дела «по существу», для мысленного эксперимента философ берет ситуацию, когда собеседники являются носителями разных языков. При этом иноязычность означает лишь предельный случай общей герменевтической сложности: чуждости и ее преодоления. В

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. С. 559.

² Микешина Л. А. Философия познания. С. 19.

³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 547.

заклучении Гадамер делает вывод, что «герменевтический опыт простирается так далеко, как вообще простирается готовность к разговору разумного существа»¹. Здесь представляется существенным, в дополнение к уже отмеченным направлениям герменевтического исследования билингвизма, разграничение «понимания языка» и «понимания по существу». Предложенная нами в главе 1 на основе философского принципа единства языка и мышления концепция рубежной точки билингвизма как начала мышления на новом языке может быть, с учетом этого разграничения, выражена следующим образом: о подлинном билингвизме можно говорить, когда от «понимания языка» человек переходит к «пониманию по существу».

Герменевтическую линию продолжает французский философ Поль Рикёр, который разделяет термины «понимание» и «интерпретация». С его точки зрения, интерпретация является операцией понимания, специфически направленной на письменные знаки или текст. Кроме того, в очерке «Существование и герменевтика» Рикёр определяет интерпретацию как работу мышления, которая состоит в «расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении»². Интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов. Процедура понимания сопровождается операцией интерпретации смысла текста, а круг выражений с двойным смыслом и образует собственно герменевтическое поле. По мнению философа, текст располагается именно на стыке понимания и объяснения, а не на линии их разграничения³. Н. С. Автономова полагает, что у Гадамера и Рикёра прослеживается не противопоставление «объяснения» и «понимания», но стремление заново обнаружить их взаимодополняемость. Рикёр ставит под вопрос саму эту дихотомию, зафиксированную еще Дильтеем, и пытается

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 632.

² Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2002. С. 21.

³ Рикёр П. Понимание и объяснение / Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000–2001. Т. 3. С. 283–285.

выявить новые формы взаимодействия ее элементов – «уже не взаимоисключающие полюса, а относительные моменты в сложном процессе, называемом интерпретацией». Автономова развивает мысль Рикёра следующим образом: «понимание предшествует объяснению, сопровождает и как бы обволакивает его; напротив, объяснение развертывает понимание диалектически»¹.

Таким образом, мы можем обозначить идеи философии герменевтического направления, которые представляются плодотворными для осмысления феномена билингвизма. Во-первых, это учет исторического или культурного контекста для понимания и истолкования намерения автора. Хотя билингвы, в отличие от исследователей исторических текстов, не отделены временем от авторов текстов-сообщений, важнейшим условием понимания смысла сообщения является учет культурного контекста, ситуации, в которой порождено конкретное сообщение. Вторая важная идея герменевтики – необходимость учитывать психологию автора текста, что включает также предположение о его намерениях или взглядах. Гипотеза о намерениях говорящего (пишущего), которую мы также можем обозначить как пред-понимание, предположение, является необходимым шагом и условием для успешного понимания смысла высказывания или сообщения. Третья ключевая идея герменевтики – это связь части и целого, когда значение слова или фрагмента текста зависит от всего текста, а смысл целого текста определяется благодаря значению его частей. Иными словами, контекст играет определяющую роль в понимании смысла отдельных фрагментов высказывания, в то время как ключевые слова определяют смысл текста целиком. В целом специфика и значение герменевтической исследовательской программы для понимания билингвизма определяется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что герменевтика рассматривает билингвизм как стыковку и взаимодействие даже не двух языков как таковых, а двух культур, двух

¹ Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыт философии языка. М., 2008. С. 570-571.

целостных традиций, каждая из которых образует контекст локального сообщения и участвует в его понимании.

Всесторонне исследуя проблему интерпретации, Л. А. Микешина в главе «Интерпретация в философии» делает вывод, что интерпретативная деятельность человека неотъемлема от его бытия, а объективная потребность в истолковании вызвана не только различными позициями в отношении субъекта к миру, но и бесконечной изменчивостью самого мира. Л. А. Микешина считает герменевтику одной из ведущих когнитивных практик, которая имеет дело не только с текстами, но и пониманием как неотъемлемым моментом бытия субъекта. Человек, взаимодействуя с миром в своей познавательной деятельности, не только отражает воспринимаемые им явления, но и интерпретирует их, поэтому интерпретация должна быть признана фундаментальным феноменом или способом бытия человека, о чем писал Хайдеггер. Термины «интерпретация» и «истолкование» используются Л. А. Микешиной взаимозаменяемо, как полные синонимы (мы же отметим, что в английском языке этим двум русским терминам соответствует только один – «interpretation»). В главе «Интерпретация: философские и эпистемологические смыслы и особенности» она подчеркивает, что для понимания природы интерпретации особенно важно то, что человек выходит к миру через знаковые, в особенности языковые, объективации, своего рода «символические универсумы», требующие истолкования при осуществлении не только познания, но и любого вида деятельности¹. Можно сказать, что в зоне развертывания практики билингвизма контактируют или стыкуются миры культур, знаковые по своей природе.

Вопросы, связанные с сущностью феномена понимания, занимали не только философов герменевтического направления. Например, возможность понимания звучащих высказываний или письменных текстов интересовала и Л. Витгенштейна, особенно в поздний период его творчества, когда он пришел к выводу о необходимости изучать природу обыденного языка. В таких работах,

¹ Микешина Л. А. Философия познания.

как «Коричневая книга», «Голубая книга» и «Философские исследования» («Philosophical Investigations»), мы видим попытки исследовать философскими методами механизм понимания, а также выявить критерии правильности понимания. Понимание и подразумевание Витгенштейн определяет как ментальные процессы, которые могут функционировать лишь при посредстве языка¹. Он также задается вопросом: что действительно возникает у нас в уме, когда мы понимаем слово? Возможно, это картина или некая схема. Когда человек слышит или читает предложение, перед его мысленным взором проносятся образы, которые более или менее точно соотносятся с предложением и в определенном смысле являются переводом этого предложения на язык картин². Философ указывает на существование определенных критериев, выраженных в поведении, по которым можно установить, что человек понимает или не понимает прозвучавшее слово. Например, в «Коричневой книге» рассмотрены различные ситуации, когда понимание устного распоряжения проверяется с помощью ответных действий субъекта, получившего распоряжение. По Витгенштейну, критерий правильного понимания – правильные, то есть ожидаемые, действия или реакции, или же, в аспекте речевой деятельности, правильное употребление слов. В его работах позднего периода последовательно выражена идея обучения или тренировки как необходимого условия последующего понимания: без предварительного обучения, которое формирует соответствующие мысленные ассоциации, осознание смысла услышанной фразы практически невозможно. Узнавание зрительного или звучащего образа слова Витгенштейн трактует как сравнение с некоей формой или образцом, заложенным в нашей памяти³. В связи с языковой практикой он пишет о необходимости для всех людей, использующих конкретный язык, подчиняться правилам или обычаю употребления слов и предложений в этом языке. В наиболее общем виде это выражается в формуле: «понимать язык — значит мастерски овладеть его

¹ Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005. С. 344.

² Там же. С. 387.

³ Там же. С. 318.

приемами». Витгенштейн сравнивает язык с «лабиринтом тропинок», имея в виду, что двигаться по нему, то есть выразить свою мысль понятно для других или самому понять сказанное другими, можно только соблюдая определенные правила, установленные практикой или традицией¹.

По сути дела, и М. Хайдеггер, и Л. Витгенштейн определяют понимание языковых сообщений как сверку поступающей звуковой или зрительной информации с уже имеющимися в памяти моделями и следующий за этим вывод о смысле высказывания или текста. Если необходимая модель отсутствует в памяти субъекта, то ему требуется более длительное время, чтобы принять решение, каким образом следует классифицировать полученную информацию. Витгенштейн, кроме того, делает акцент на необходимости предварительного обучения и формирования устойчивых языковых навыков (правил игры) для успешного использования языка.

С точки зрения сформулированного подхода, билингв – это человек, у которого когнитивная ситуация актуализирует (или может актуализировать) более одной ментальной схемы или имеющейся концептуальной модели. Максимально сближаясь, эти схемы все-таки не являются тождественными. Для определения характера их взаимодействия, на наш взгляд, уместно привлечь идеи русского философа и литературоведа М. М. Бахтина. Говоря о предпосылках и процедурах понимания и размышляя о возможности понимания текста, написанного на другом языке, М. М. Бахтин утверждает, что всякая система знаков, то есть всякий язык, принципиально всегда может быть расшифрована, то есть переведена на другие знаковые системы, другие языки. Следовательно, должна быть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков, который, разумеется, никогда не может стать конкретным языком². Здесь мы можем предположить, что речь должна идти не о форме выражения, а о языке смыслов, о плане содержания, который в принципе является сходным для многих языков. По мнению Бахтина, понимание всегда в

¹ Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. P. 81-82.

² Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986. С. 301.

какой-то мере диалогично. При этом он разделяет понимание языка знаков (или определенной знаковой системы) и понимание произведения или текста на уже известном, то есть уже понятом языке, хотя на практике отсутствует резкая граница или переход от одного вида понимания к другому¹. Можно отметить сходство этих идей с отмеченной выше позицией Г. Гадамера, который тоже различает понимание другого языка и понимание дела по существу. Идею диалога мы также встречали у Гадамера, и именно это определение – диалогичность – является, на наш взгляд, наиболее точной характеристикой способа взаимодействия различных языковых средств, относящихся к одному объекту. В идеальном диалоге М. М. Бахтина одна сторона слышит другую, и смыслы, транслируемые первой стороной, корректируют и расширяют смысловую систему, выстраиваемую второй стороной. Отметим также, что важнейшим условием понимания смысла высказывания Бахтин считает установление четких границ конкретного высказывания². С нашей точки зрения, эти границы являются как раз границами определенной ситуации, они помогают точно установить контекст, который является одним из факторов правильного понимания сути высказывания.

Итак, философы с разных точек зрения объясняют процедуру понимания, но за различием подходов и используемых терминов можно увидеть нечто общее. Во-первых, общим для всех подходов является представление феномена понимания как процесса или деяния, предполагающего соотнесение вновь получаемой информации с ментальной или когнитивной структурой субъекта, с его пред-мнением, пред-видением; понимание подразумевает работу ума и ее результат. Во-вторых, все философы рассматривают языковую среду как важнейшее, хотя и не единственное, средство передачи, обработки и хранения информации.

Применительно к языковой деятельности билингов мы можем заключить, что понимание требует определенных усилий, как минимум в

¹ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 306.

² Там же. С. 307.

период формирования билингвизма. На этапе освоения языка ребенком или при освоении нового языка взрослым тот, кто воспринимает сообщение на новом языке, затрачивает больше усилий, чем тот, кто уже освоил язык до такой степени, что его способность к интерпретации звуков речи близка к автоматизму. Иными словами, чем больше человек упражняется в использовании и понимании языка, тем легче и лучше он способен понимать его. Пожалуй, одной из важнейших характеристик билингвов следует считать именно такую «натренированность» в восприятии и передаче сообщений. Представляется уместным вспомнить идею Хайдеггера о том, что субъект всегда «набрасывает» смысл, у него всегда есть предварительное мнение или гипотеза о том, что он видит или слышит. С нашей точки зрения, это положение легко применимо к определению сущности языковой деятельности билингвов. Представим себе человека, владеющего двумя или несколькими языками: чтобы понять смысл высказывания, прозвучавшего на одном из этих языков, человек должен, как минимум, определить, какой именно язык он слышит, что само по себе подразумевает гипотезу и вывод. Кроме того, слова, относящиеся к разным языкам и применяющиеся к одному и тому же объекту, оказываются разными способами «набрасывания смысла», которые в конечном счете дают не до конца совпадающие результаты. Обосновывая принципиальную возможность понимания между носителями разных языков, В. А. Лекторский замечает, что основные типы объектов и основные типы практической деятельности, с которыми люди имеют дело в обыденной жизни, являются сходными, независимо от языковой или культурной принадлежности и связанных с ними мыслительных схем, присущих тому или иному языку¹. Это еще один аргумент, объясняющий способность билингвов легко переключаться с одного языкового кода на другой.

Ситуацией, наиболее ярко проявляющей необходимость соответствующей языковой среды для осуществления понимания, является понимание суждения, высказанного на языке L2, носителем языка L1. Если

¹ Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. С. 229.

данный человек владеет языком L2 на уровне, сравнимом с владением его собственным языком L1, он понимает сообщение непосредственно на языке L2; в противном случае он вынужден осуществить перевод с языка L2 на язык L1. Так или иначе, необходимым моментом и условием понимания является включение (или переключение) в определенный языковой контекст.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод: в общем русле западной философии XIX-XX веков феномен понимания изучался с разных точек зрения и в различных аспектах, чем вызваны терминологические расхождения и расстановка акцентов на разных моментах процесса понимания и объяснения; однако в целом можно говорить о формировании в достаточной степени определенной и единой линии в трактовке понимания. Идеи философов не противоречат друг другу, а взаимно дополняют целостную картину явления, что дает возможность увидеть в новом свете и применить к самому процессу философского изучения понимания такой популярный у приверженцев герменевтического подхода метод, как понимание целого исходя из части и понимание части исходя из целого. Единство герменевтической исследовательской программы на концептуальном уровне позволяет сделать на ее основе ряд выводов о том, как происходит и выражается в языке мышление в ситуации билингвизма.

2. 4. Структурализм, семиотика и постструктурализм в осмыслении билингвизма как ситуации бытия человека и культуры

К вопросу о функционировании языка и его отношении к миру в рамках структуралистского подхода обращались в течение нескольких десятилетий лингвисты, философы, специалисты по семиотике из разных стран. Наиболее плодотворным проявлением структуралистской традиции в философии многие исследователи считают французский структурализм, применивший для фиксации нового опыта в разных областях гуманитарных исследований

языковые или подобные языку механизмы культуры, поскольку внеиндивидуальная природа языка позволяла использовать его не только для перехода от одного Я к другому Я, но и для перехода от одной культуры к другой¹. Однако сами методы структурного анализа возникли гораздо раньше и за пределами Франции.

Принято считать, что структурализм в философии и гуманитарных науках имеет два истока: идеи швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра и американского философа и логика Чарльза Сандерса Пирса. Хотя в дальнейшем структурный подход сделал акцент на отношениях между элементами языка, на их функционировании и взаимодействии, необходимо было предварительно поставить вопрос о знаках как основных элементах языка и установить природу этих элементов.

Рассуждая о способностях человеческого интеллекта, Ч. С. Пирс подчеркивает, что люди не могут мыслить без помощи знаков, и единственные мысли, которые можно познать, мыслимы в знаках. Знак, по Пирсу, имеет три измерения: во-первых, он есть знак для некоторой мысли, которая интерпретирует его; во-вторых, он есть знак, стоящий *вместо* некоторого объекта, эквивалентом которого он является в этой мысли; в-третьих, он есть знак *в некотором отношении* или качестве, которое приводит его в связь с этим объектом². Изучая разнообразные по характеру и способу существования знаки, Пирс выделил три категории: (1) иконические знаки, имеющие определенное визуальное сходство со своими объектами, например, пиктограммы; (2) индексы, или указательные знаки, например, дорожные указатели, расположенные рядом с объектом, на который они указывают, и таким образом связанные с ним по смежности; (3) символы, или общие знаки, которые не похожи на объект и не находятся непосредственно рядом с ним. Слова, речь и тексты философ отнес к категории символов, отмечая, что знаки этого типа не имеют никакой естественной связи с их значением и ассоциируются с ним

¹ Автономова Н. С. Познание и перевод. С. 36.

² Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. С. 67.

только благодаря привычке или традиции. Будучи логиком, Пирс показал, что в организации естественного языка связь между знаками в составе высказывания – синтаксис – играет не меньшую роль, чем смысл единичных знаков¹. Процесс, в котором субъект интерпретирует знак, то есть делает вывод о его значении, философ называет «семиозисом»; в этот процесс включены три составляющих – знак, обозначаемый им объект и воспринимающий знак субъект, а точнее, воздействие, которое знак оказывает на субъекта. Это воздействие приводит к формированию в уме человека мысленного образа или идеи, которую Пирс называет «интерпретанта», так как она интерпретирует (объясняет) смысл знака. Ему также принадлежит идея «бесконечного» или «безграничного» семиозиса – «unlimited semiosis», что означает возможность неограниченного количества выраженных словами интерпретаций любого высказывания.

Развивая в XX веке идеи Ч. С. Пирса, Чарльз Уильям Моррис выделил в семиотике как науке о знаках три раздела или три ряда бинарных отношений: семантику, синтактику и прагматику. Семантика, или семантическое измерение семиозиса, описывает отношения знаков к объектам, на которые они указывают; синтактика, или синтактическое измерение семиозиса, описывает формальные взаимоотношения знаков между собой в высказывании; прагматика, или прагматическое измерение семиозиса, описывает отношения между знаками и людьми, которые их используют. Определяя семиозис как процесс, в котором нечто функционирует как знак, Моррис выделяет три компонента этого процесса: (1) сам знак или физический носитель знака, (2) десигнат – класс объектов или явлений, к которому относится знак, (3) – интерпретанта, или воздействие, которое знак оказывает на воспринимающего его субъекта². В этой трактовке знака и семиозиса У. Моррис продолжает следовать идеям Ч. Пирса.

Фердинанд де Соссюр, считающийся основоположником семиологии и структуралистского подхода в различных областях гуманитарного знания,

¹ Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3 (7). С. 88-95.

² Моррис Ч. У. Основания теории знаков / Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983. С. 37-70.

первым среди европейцев применил понятие «знак» к описанию естественного языка. Он определил язык как систему знаков, выражающих понятия, и предложил назвать семиологией будущую науку, объясняющую, что такое знаки и какими законами они управляются. Соссюр указывает, что знак языка есть нечто двойственное, образованное соединением двух компонентов, используя для наглядности метафору листа бумаги, обе стороны которого неотделимы от этого объекта. С его точки зрения, языковой знак отражает не связь вещи и ее названия, а связь понятия и акустического образа. Поэтому Соссюр предложил сохранить слово «знак» для обозначения целой сущности и заменить термины «понятие» и «акустический образ» соответственно терминами «означаемое» и «означающее». Кроме того, он обратил внимание на такое важнейшее свойство знака, как произвольность. По Соссюру, ассоциация некоторого означающего с конкретным означаемым ничем не мотивирована, между ними нет никакой естественной связи, поскольку такая ассоциация основана исключительно на коллективной привычке или общественном соглашении. Исходя из этого, Соссюр уподобил язык общественному договору. С другой стороны, каждое поколение людей принимает язык от предыдущих поколений, а это значит, что в любой данный момент времени ни одно поколение не может произвольно изменить его. Таким образом, «значимости» и правила использования языка «навязаны» традицией и являются обязательными для всех говорящих¹. Эти идеи Ф. де Соссюра оказали значительное влияние на развитие структуралистской мысли начиная с середины XX века.

Теоретические положения Ф. де Соссюра развил в собственном ключе лингвист-структуралист Луи Ельмслев, занимавшийся разработкой общей теории языка как структуры, которая представляет собой самодовлеющее целое. С точки зрения Ельмслева, знак языка как таковой является знаком какой-либо субстанции содержания и какой-либо субстанции выражения. Ключевыми в его теории являются понятия «выражение», «содержание», «вычленение» (артикуляция), «знак», «функция», «знаковая функция». В

¹ Соссюр Ф. Труды по языкознанию.

терминологии Ельмслева, любой знак языка является знаковой функцией, в которую в качестве функтивов включены содержание и выражение, и существование самой знаковой функции без одновременного присутствия этих функтивов невозможно¹. При этом автор теории подчеркивает, что план содержания и план выражения можно идентифицировать только по отношению друг к другу, они определяются лишь путем оппозиции и соотнесения, как противоположенные друг другу функтивы одной функции. Такое определение сущности знака оказало значительное влияние на теоретические разработки У. Эко, Ж. Делёза и Ф. Гваттари. В частности, Ж. Делёз и Ф. Гваттари считали Ельмслева единственным лингвистом, который фактически прервал идущую от Соссюра традицию использования понятий «означающее» и «означаемое», образующих неразрывное единство подобно двум сторонам одного листа бумаги².

Осмысливая природу знаков языка, представитель французского структурализма Ролан Барт попытался объединить концепции де Соссюра и Ельмслева: знак состоит из означающего и означаемого, означающие образуют план выражения языка, а означаемые – его план содержания. Он указал, что по Ельмслеву каждый план имеет два уровня («strata») – форму и субстанцию. Применяя этот принцип к языку, мы получаем четыре уровня: (1) субстанция выражения (звуковая, артикуляционная), (2) форма выражения, образуемая комбинированием знаков языка в соответствии с определенными правилами их комбинации (синтаксисом), (3) субстанция содержания, представляющая собой «позитивный» смысл или понятийный аспект означаемого, (4) форма содержания, то есть формальная организация отношений между означаемыми³. Свое понимание природы знаков языка Барт изложил в статье «Воображение знака» (1962). Любой знак (не только знак языка) предполагает наличие трех типов отношений. Во-первых, это внутреннее отношение между означаемым и

¹ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. С. 70-71.

² Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. P. 523.

³ Барт Р. Основы семиологии / Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 130.

означающим, здесь видна отсылка к идее Ф. де Соссюра. Кроме того, существуют два внешних отношения. Одно из этих внешних отношений виртуально, так как относит знак к некоторому определенному множеству других знаков, из которого данный знак извлекается для включения в речь. Здесь Барт имеет в виду существование слов в системе языка и употребление их в речи, отмечая существование подобных отношений и в других искусственных знаковых системах. Третье отношение знака (оно же второе внешнее) актуально, поскольку оно присоединяет знак к другим знакам в составе высказывания или речевой цепи. Здесь мы видим отсылку к понятию синтаксиса (или синтактики) и линейному характеру речи, что было неоднократно описано лингвистами и философами. Первый тип отношений Барт называет символическими, это отношение между знаком и идеей, которую он выражает (например, Красный Крест и Красный Полумесяц как символ гуманитарной миссии); второй тип отношений – парадигматический или системный (отношение между знаком и системой знаков); третий тип – синтагматический (поскольку он реализуется в синтагме или последовательности знаков)¹. Как видим, Барт обобщил и интерпретировал по-своему различные идеи предшественников. Рассматривая дихотомию язык/речь, Барт определяет язык как речевую деятельность минус речь; сам язык является одновременно и социальным установлением, и системой значимостей. Речь и язык диалектически взаимосвязаны: без речи нет языка, помимо языка не существует речи. Речь по своей сути есть индивидуальный акт выбора и актуализации языковых возможностей. Философ подчеркивает, что, как социальный продукт, язык автономен и в качестве социального установления предшествует любому индивидуальному мыслительному процессу; язык подобен игре, имеющей свои правила, и играть в нее человек может только после того, как научится этим правилам.

Мишель Фуко в работе «Слова и вещи» разбирает с исторической точки зрения доминировавшие в разные периоды развития философской мысли идеи

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 246-252.

о природе языка и его способности выражать представления о мире. Он указывает на существование вплоть до XVIII века идеи классической философии о роли языка как «решетки» или «сетки» понятий, которую язык накладывает на мир, позволяя нам мыслить его. Переход между классической и новой эпохой в философской и научной сфере был осуществлен, когда слова перестали четко соответствовать представлениям и «непосредственно распределять по клеткам таблицы познание вещей»¹. Основными приемами анализа языка в XX веке стали формализация и интерпретация (Фуко утверждает, что других форм современная философия вообще не знает): формализаторы отбрасывают конкретное содержание языка и выявляют лишь повсеместно значимые формы дискурсии, а для интерпретаторов «слова становятся текстом, который надо взломать, чтобы обнаружился полностью скрытый за ними смысл»². В XX веке доминируют филологическая модель, если нужно проинтерпретировать или открыть некий скрытый смысл текста, и лингвистическая модель, которая структурирует и выявляет означающую систему. Сам Фуко придерживается структуралистского подхода и указывает на существование жестких структур языка как способов построения высказываний. Философ замечает, что люди наивно полагают, будто их речь им повинуется, на самом же деле сами люди повинуются требованиям речи, не ведая о том. «Грамматические структуры языка оказываются априорными предпосылками всего, что может быть выражено», то есть жестко определяют формы выражения мысли³. Таким образом, еще не начав говорить, люди уже подвластны языку и как бы пронизаны его структурами. Взаимодействие с языком соединяет человека с чем-то отличным от него самого, оно вводит в человеческий опыт возникшие раньше него содержания и формы, над которыми он не властен. Однако структурный подход имеет дело далеко не только с языковыми формами. Все, что окружает человека – объекты, ритуалы, привычки, речь – все это складывается в связный ансамбль, в систему знаков,

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. С. 326.

² Там же.

³ Там же. С. 322.

имеющую свою структуру, которая для каждого индивида является предзаданной. Таким образом, в различных проявлениях культуры и в социальных институтах структурализм изучает прежде всего структурные инварианты, взяв в качестве формальной модели естественный язык. Вместе с тем, Фуко предполагает возможность выбора для конкретного индивида пользоваться теми или иными языковыми средствами. «В каждый данный момент собственная структура индивидуального опыта обнаруживает в системах общества некоторый ряд возможностей (или невозможностей) выбора, а с другой стороны, социальные структуры обнаруживают в каждой своей точке выбор, сделанный (или не сделанный) рядом возможных индивидов, подобно тому, как в языке линейная структура в каждый данный момент дает возможность выбора между возможностью многих (но не всяких) слов или фонем»¹. Схожие идеи о возможности (или невозможности) вариантов были высказаны также У. Эко, Ж. Делезом и Ф. Гваттари, что будет рассмотрено ниже.

В философских и семиотических работах Умберто Эко также проявилось сильное влияние структуралистского подхода. Центральным объектом общей семиотики У. Эко предложил считать любой знак, в том числе знаки языка. В труде «Семиотика и философия языка» он указывает, что уже философы и логики античных времен предпринимали попытки понять природу знака, в том числе языкового. Греческое слово *semeion*, которое стоики использовали для обозначения знака, и дало название сформировавшейся много веков спустя семиотике. Стоики и Аристотель видели двустороннюю сущность знака: это нечто, заменяющее нечто другое. Наряду с термином «знак» У. Эко, как и Л. Ельмслев, использует термин «знаковая функция», имея в виду, что в каждом высказывании языковой знак выполняет определенную функцию, которая может изменяться в зависимости от его конкретного употребления. У. Эко подробно исследует феномен интерпретации знаков, которую он, вслед за Ч. Пирсом, называет процессом бесконечного семиозиса, то есть возможности

¹ Фуко М. Указ. соч. С. 398.

толкования смысла знаков с помощью других знаков¹. Размышляя о природе семиозиса, У. Эко анализирует взгляды Ч. Пирса на процесс концептуализации, то есть формирования представления о воспринимаемом явлении, что происходит только посредством гипотетических заключений, которые делает воспринимающий субъект. Как известно, Ч. Пирс детально рассмотрел феномен получения информации извне: субъекту приходится уже на стадии восприятия первичных чувственных данных выдвигать гипотезу и делать вывод о смысле знаков или явлений. Назвать, даже в обыденной речи, какой-либо объект или явление – всякий раз значит выдвинуть гипотезу о сущности этого явления. С точки зрения Ч. Пирса, имена или слова служат как раз для того, чтобы отличить одни чувственные впечатления от других². У. Эко рассматривает два ключевых способа понимания и объяснения любых внешних воздействий в главе «Ельмслев vs. Пирс» (в составе пока не переведенного на русский язык философского труда «Кант и утконос: Эссе о языке и познании»). У Л. Ельмслева он заимствует идею структурной организации или категоризации континуума, определяемой как категоризация через оппозиции, у Ч. Пирса – идею чувственного восприятия явлений или знаков с последующей их интерпретацией, а также идею о необходимости всякий раз делать вывод о значении или смысле знака, что подразумевает «движение по бесконечной нити семиозиса». Эко объединяет оба подхода: с одной стороны, категоризация и, с другой стороны, восприятие и интерпретация являются двумя взаимодополняющими способами понимания. Структурирующий и интерпретирующий моменты непрерывно сменяют и дополняют друг друга в процессе восприятия и понимания поступающей информации, и только таким способом субъект может прийти к выводу о значении воспринимаемых явлений, в том числе знаков языка³.

¹ Eco U. *The Limits of Interpretation*. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 296 p.; Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington, 1986. 242 p.

² Eco U. *Kant and the Platypus*.

³ *Ibid.* P. 251–252.

Анализируя связь языка и когнитивных процессов, У. Эко использует собственные концепты для объяснения возможности интерпретации воспринимаемых данных: «когнитивный тип» и «ядерный (нуклеарный) контент»¹. Под «когнитивным типом» философ понимает гносеологический образ предмета или явления, который является уникальным для каждого человека хранящимся в его памяти фрагментом личного опыта. Существование «когнитивного типа» можно выявить лишь путем межсубъектного взаимодействия, то есть посредством идентификации объекта с помощью верного его названия, или «удачной референции». «Ядерный контент», напротив, имеет публичную природу, он является феноменом коммуникативного общественного консенсуса, или коллективной интерпретацией объекта, его мы распознаем и обозначаем при помощи слов, рисунков, жестов, диаграмм или других изобразительных средств. Кроме того, «ядерный контент» содержит в себе критерии или инструкции для идентификации любого единичного явления или объекта, представленного им. Здесь У. Эко обращается к идее кантовской «схемы»: когнитивный тип является не ментальной сущностью, а скорее процедурой в том же смысле, в каком процедурой является кантовская «схема». Исходя из общественной природы языка, Эко определяет «когнитивный тип» и «ядерный контент» как зоны общей компетенции. В определенных случаях «когнитивный тип» и «ядерный контент» могут почти полностью совпадать, особенно если передача информации изначально осуществляется в среде культуры, например, с помощью слов или текстов. Таким образом, У. Эко трактует понимание языка как процесс соотнесения визуальных или звуковых данных с хранящейся в памяти человека концептуальной или семантической моделью («когнитивным типом») и последующей интерпретации данных с помощью «ядерного контента», который является объектом культурного консенсуса.

Важной идеей в философии У. Эко является положение о том, что во многих случаях невозможно абсолютно точно передать смысл, выраженный на

¹ Eco U. Kant and the Platypus. P. 123-124.

одном языке, с помощью формальных средств и смысловых структур другого языка. Философ подробно разбирает это явление в работе «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе»¹. Как было показано ранее (в параграфе 1.2), это происходит в результате одновременной двойной артикуляции или двойного членения: разные языки членят смысловую континуум мира разными способами и вместе с этим выбирают различные формы для передачи смыслов. Таким образом, мы получаем дополнительные аргументы для обоснования мыслеформирующей или даже смыслоформирующей функции языка, который позволяет человеку в конкретной языковой среде мыслить только определенным образом.

Жиль Делёз и Феликс Гваттари, творчество которых относят к постструктурализму, определяют язык как «все, сказанное коллективом» или «собрание высказываний коллектива» (в другом переводе – «коллективная сборка»)². Понятие «сказанное коллективом» отражает, с одной стороны, социальный характер языка, а с другой – независимость языка от конкретного пользователя. С точки зрения философов, язык как целое – это косвенная речь, то есть сказанное другими людьми. Сущность речи состоит не в изложении того, что человек видел своими глазами, но передаче того, что он услышал от других. Делёз и Гваттари дают и более образное определение: язык – созвучие голосов, из которого каждый индивидуум извлекает свой собственный голос. Авторы «Тысячи плато» намеренно заостряют эту мысль: нет индивидуальных высказываний, нет даже субъекта высказывания, «моя прямая речь – это свободный поток косвенной речи, текущий сквозь меня»³ (перевод автора). Они подчеркивают социально обусловленную необходимость соблюдать нормы языка, формируя грамматически правильные предложения, поскольку именно это является предварительным условием для встраивания индивидуума в социум. Критически разбирая положения предшествующей и современной им

¹ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

² Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus.; Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

³ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. P. 84.

лингвистики (глава «Постулаты лингвистики»), Делёз и Гваттари выражают мнение, что основная функция языка в обществе – не передавать информацию, а транслировать распоряжения или приказы. Это свойство языка мыслители переносят и на систему образования в целом: всеобщее обязательное образование не просто транслирует информацию, а навязывает ребенку смысловые координаты. Так философы подчеркивают внешний характер языка по отношению к индивиду и его роль в подчинении индивида социальным институтам. «Язык не есть жизнь; язык отдает распоряжения жизни»¹.

С другой стороны, Делёз и Гваттари не считают структуры языка чем-то жестким и неизменным. Они делают акцент на неизбежной вариативности языковых форм: с их точки зрения, все языки подвержены непрерывному варьированию, особенно это относится к звучанию языка, что выражается в манере произношения каждого отдельного говорящего. Вы никогда не найдете гомогенной языковой системы, убеждены они, на которую не оказывал бы воздействия непрерывный имманентный процесс вариации или отклонения от зафиксированной институтами власти нормы². По мнению философов, выделяемые лингвистами в языке с целью научных исследований константы вовсе не противопоставлены переменным, константа – это лишь отношение языкового коллектива к переменным, это выбор и официальное закрепление конкретных вариантов употребления языка в качестве нормы. Фактически, языковые константы, рассматриваемые социумом как языковые нормы, извлекаются из неопределенного количества языковых переменных. Константа, или инвариант, характеризуется не столько степенью ее постоянства или длительности, сколько общественной установкой на ее «центральную» позицию³. Рассуждая об использовании языка отдельными членами общества, философы описывают способность любого человека легко переключаться между разными «стилями» или формами языка, которые могут различаться фонетически (особенности произношения), лексически (употребление слов в

¹ Deleuze G., Guattari F. Op. cit. P. 76.

² Ibid. P. 103.

³ Ibid P. 95.

определенных смыслах), синтаксически (использование тех или иных вариантов построения высказываний). Все эти индивидуальные способы употребления языка очень часто не соответствуют официально установленным нормам. В качестве примера своеобразного многоязычия внутри собственного языка философы описывают типичное языковое поведение индивида, который в течение одного дня способен неоднократно переходить с языка на язык в зависимости от социальной роли, которую он играет в данный момент: отец по отношению к сыну, руководитель по отношению к подчиненному, влюбленный по отношению к предмету своей любви, сотрудник компании в диалоге с клиентом, и т. п.¹ Исходя из этих особенностей обычных людей, как и особенностей стиля разных европейских писателей, философы делают вывод о способности человека быть билингом или мультилингом в пределах одного языка². Для целей нашего исследования крайне важно, что философы фиксируют именно эту внутреннюю склонность и способность любого человека пользоваться разновидностями одного языка, ощущая или осознавая их различный функционал. Отсюда легко сделать следующий шаг к использованию действительно разных языков в различных жизненных ситуациях.

Ю. М. Лотман, представитель семиотического направления в российской гуманитарной мысли, писал о значении языка для мыслительной деятельности человека: «Мы погружены в пространство языка. ... Для мысли человека существует только то, что входит в какой-либо из его языков»³. Важными понятиями в общем русле семиотической концепции для Лотмана являются культура как текст, культура как структура, текст как функция (не как объект), которая позволяет организовать хаотическую по природе мысль. Семиотическое пространство обволакивает и отдельного человека, и общество в целом, этот внешний интеллектуальный мир находится в постоянном взаимодействии с индивидуальным интеллектуальным миром. Кроме того,

¹ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. P. 94.

² Ibid. P. 98.

³ Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. С. 101, 117.

Лотман формулирует представление о различных языках культуры: помимо конвенционального языка, который является словесным и поэтому дискретным, существуют иконические (и потому пространственные или континуальные) языки: архитектура, живопись, язык кинематографа, пантомимы и т. п. При трансформации (переводе) текста с одного языка культуры в другой язык, например, при экранизации литературного произведения, форма текста полностью изменяется, однако остается инвариантным сам смысл. По мнению Лотмана, этот смысл можно представить как дотекстовое сообщение, реализуемое в тексте¹. Таким образом, идеи мыслителя перекликаются с общей идеей структуралистского направления о том, что смысл существует отдельно и независимо от формы, которую он обретает в конкретном языке.

Т. В. Черниговская, по ее собственным высказываниям, неоднократно обсуждавшая с Ю. М. Лотманом тему различных языков человека, развивает эту линию мысли. Она выделяет такие языки, как вербальный, жестовый, математика, музыка, танец, изобразительное искусство. Все эти языки образуют сложный семиотический мир, от содержания и структуры которого зависят индивидуальные и социальные культурные пространства². Сама Т. В. Черниговская в сотрудничестве с нейробиологами, применяющими новейшие технологии функциональной магнитно-резонансной томографии для картирования протекающих в мозге человека биологических процессов, соответствующих определенным мыслительным операциям, углубленно изучает языковую деятельность билингвов при использовании разных языков (например, при синхронном переводе), однако это уже тема естественнонаучного исследования.

Наиболее плодотворными для осмысления феномена билингвизма положениями структуралистского подхода представляются следующие две группы идей. Первая касается отношения человека и языка как среды его

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 157.

² Черниговская Т. В. Языки человека: Мозг и культура / Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации. СПб.: ООО Издательство ВВМ, 2016. С. 11-16.

бытия. Язык – объективно сформировавшаяся структура, к которой с необходимостью обращается индивид уже по факту своего рождения в определенной языковой среде. Поскольку язык является структурой, существующей независимо от своих отдельных носителей, говорящий не владеет языком как своей собственностью: нет и не может быть частного языка, так как структуры не предполагают их присвоения или изменения индивидами. Структура всегда имеет дело со знаками, идет ли речь о естественном языке, определенной культурной практике или социальной норме. Структуры языка жестко определяют поведение тех, кто ими пользуется, неизбежно ограничивая выбор языковых средств в возможных ситуациях использования языка. Вторая группа идей, осмысленных в русле структурализма и постструктурализма, позволяет объяснить возможность выразить смысл (содержание мысли) при помощи форм или субстанций выражения разных языков. Иначе говоря, структурализм постулирует существование смысла независимо от способа его выражения, что дает билингам возможность облекать единицы смысла в разные языковые оболочки, то есть оформлять смысл с помощью различающихся языковых структур. Следует иметь в виду, что в большинстве случаев невозможно идентично выразить исходную мысль (смысл) с помощью разных языков. С точки зрения выбора языка как способа взаимодействия с окружающими и способа мышления следует отметить, что для отдельного человека или целой социальной группы обращение ко второму и последующему языку может быть продиктовано разными объективными и субъективными причинами, включая осознанный выбор конкретного человека изучить новый язык.

Краткие выводы по главе 2.

1. К философским направлениям, проблематика которых в наибольшей степени затрагивает вопросы, связанные с теоретическим осмыслением билингвизма, относятся прежде всего философия

лингвистического анализа, конструктивизм, герменевтика, структурализм и постструктурализм. В рамках этих направлений вырисовываются контуры исследовательских программ, которые представляется возможным сформулировать применительно к билингвизму.

2. Ключевым принципом осмысления языка в аналитической философии является идея многоплановости способов использования языка и многофункциональности речевого акта, поддерживаемая, в частности, концепциями «языка как инструмента» и «языка как игры». Билингвизм с этой точки зрения может быть рассмотрен, прежде всего, как способ расширения когнитивного инструментария; дополнительность языковых систем создает и реализует возможность развития познания в направлении использования различных языковых средств для решения различных задач. Обоснованная в аналитической традиции концепция предложения как единицы языка дает возможность дополнительно уточнить сформулированный критерий билингвизма: внешним проявлением способности к генерации мысли на различных языках является способность человека строить высказывания на этих языках относительно независимо друг от друга, по правилам каждого языка, без акта перевода.

3. Конструктивизм изучает язык прежде всего с точки зрения его функций, среди которых ведущей признает мыслеформирующую функцию. Билингвизм, с одной стороны, может выполнять для конструктивизма роль «экспериментальной площадки», создавая возможность сравнения способов осмысления одних и тех же реалий одним и тем же человеком при обращении к различным языковым системам. С другой стороны, билингвизм может быть рассмотрен с конструктивистских позиций как средство закрепления вариативных результатов конструирования, обеспечения генерации взаимодополняющих описаний объекта как ресурса развития познания и средства преодоления «тирании языка» в мышлении.

4. Предметом изучения герменевтики выступает феномен восприятия и понимания информации, выраженной в знаковых системах, в том числе

посредством естественного языка. Ключевой идеей герменевтики является рассмотрение понимания всегда в контексте, установление зависимости понимания частей от понимания целого. Соответственно, герменевтика дает ключ к изучению билингвизма как стыковки и взаимодействия не только двух языков, но и двух культурных традиций, каждая из которых образует контекст локального сообщения и участвует в его понимании, что и определяет вариативность смысловых систем, формирующихся при использовании различных языков. Концептуальное значение для описания билингвизма имеет также проводимое в герменевтике различие между «пониманием языка» и «пониманием по существу»; граница билингвизма может быть дополнительно определена в связи с переходом от первого ко второму.

5. Структуралистский подход позволяет обосновать возможность выражения одного и того же смысла формальными средствами разных языков, поскольку содержание мысли и форма ее выражения существуют независимо друг от друга. Различные языки представляют собой объективные структуры, существующие до появления конкретного человека, который должен научиться пользоваться ими либо по факту рождения в определенную языковую среду, либо принять решение об использовании нового языка в зависимости от своих жизненных целей. С этой точки зрения языковая деятельность билингвов может быть рассмотрена как подключение к различным языковым структурам для пользования ими путем принятия и подчинения правилам их функционирования.

6. В пространстве идей, формируемых указанными философскими направлениями, обнаруживается не только перекрытие тематических полей, но достаточно много перекликающихся между собой и обнаруживающих смысловое единство выводов и обобщений, что позволяет говорить о формировании относительно единой концептуальной платформы исследований билингвизма в неклассической философии.

Глава 3. БИЛИНГВИЗМ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА И КУЛЬТУРЫ

3.1. Билингвизм в становлении личности

Философы, ставящие в наше время вопросы о сущности человека и его положении в мире, практически единодушно полагают, что сущность человека не дана изначально в его бытии, а постепенно формируется в течение жизни, по мере развертывания индивидуальной жизненной программы. По выражению М. Ландмана, быть человеком означает стать им в бесконечном процессе самопознания и самореализации¹. А. Сервера Эспиноза полагает, что недостаток специализации в человеке от рождения следует понимать как его уникальное преимущество: хотя природа помещает человека в мир беспомощным и несовершенным, она же дает ему творческие силы, чтобы завершить свое создание самому. Определяющую роль в формировании человека на начальном этапе жизни играют окружающие люди, поскольку человек никогда не рождается одиноким, рядом с ним всегда есть другие, находящиеся вне его «я» и составляющие совокупность отношений, без которых «я» не могло бы естественно развиваться как личность. По мере своего развития ребенок учится человеческому, социальному образу жизни, подражая окружающим, усваивая определенные модели поведения, в том числе речевого. Сервера Эспиноза предлагает следующее высказывание в качестве ядра экзистенциального определения человека: «человек есть индивид, который в глубине своего существа чувствует необходимость свободных отношений с другими существами»². Пространство, где реализуется личность, или одушевленное «где», воплощающее человеческое существование — это общество, которое несет на себе динамический след всех людей, входящих или

¹ А. Сервера Эспиноза Кто есть человек? Философская антропология / Это человек: Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 76.

² Там же. С. 94.

входивших в него. По мнению философа, человек не существует, а сосуществует с себе подобными в сплетении связей, из которых соткана любая человеческая жизнь, и без этих связей личность не может достичь своего полного развития.

Э. В. Ильенков, развивая взгляды К. Маркса на природу человека, использует понимание личности как определенного уровня, которого достигает человек в своем развитии, и утверждает: «от начала и до конца личность – это явление социальной природы, социального происхождения»¹. Конкретная человеческая личность формируется в той локальной зоне общественных отношений, в которой существует индивид, увязанный непосредственно, через прямые контакты, с окружающими людьми. Здесь необходимо добавить, что это происходит в определяющей степени через языковые контакты, поскольку каждый человек является членом конкретного языкового сообщества. Все без исключения человеческие способы деятельности, обращенной на другого человека и на любой другой предмет, ребенок усваивает извне в процессе социализации и инкультурации. По мнению Э. В. Ильенкова, личность возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно осуществлять внешнюю деятельность по нормам и законам, заданным ему извне той культурой, в лоне которой он просыпается к человеческой жизни и деятельности.

По определению В. В. Ильина, личность – это «индивид, принадлежащий более обширному целому, осознающий и реализующий свою индивидуальность общественно»². Отношения между индивидами в обществе могут быть только отношениями активного взаимодействия, отношениями деятельности, а индивид становится личностью в ходе встраивания в систему социальных взаимодействий, или социализации. Формы социальных действий заранее заданы, ритуализированы и охраняются всей мощью социальных механизмов.

¹ Ильенков Э. В. Что же такое личность? / С чего начинается личность? М.: Издательство политической литературы, 1984. С. 319-358.

² Ильин В. В. Философия: учебник. В 2 т. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. Т.2. С. 131.

Языковую составляющую процесса формирования личности в процессе инкультурации и последующей взаимосвязи личности и общества особо акцентирует, в частности, Э. Сепир. Он разделяет философский и социологический подходы к понятию личности, имея в виду также существование физиологического, психофизического и психиатрического подходов. По его мнению, с философской точки зрения личность определяется как субъективное осознание себя как некой сущности, отличной от других объектов наблюдения; с точки зрения социологической личность – это целостность тех аспектов поведения, которые придают индивиду значение в обществе и отличают его от других членов данного сообщества, причем каждый из аспектов поведения конкретной личности является уникальным сочетанием множества культурных стереотипов, распространенных в данном социуме. При философском понимании личность рассматривается как инвариант опыта, при социологическом – как постепенно пополняющаяся сущность¹. По мнению Сепира, культура и личность тесно связаны между собой; характер этой связи конкретизируется в его гипотезе о том, что социализация личностных черт в различных культурах мира формирует у носителей этих культур предрасположенность к характерным психологическим свойствам, в том числе и посредством языка.

Научные исследования последних десятилетий поддерживают идею о формировании субъективного опыта в конкретной культуре, причем зависящими от языка культуры оказываются не только формирование у индивида сложных концепций, но и особенности восприятия и интерпретации явлений окружающей среды. Например, восприятие и распознавание цвета во многом обусловлено существующими для этого в конкретном языке названиями². Л. Бородитски показывает, что язык в сочетании с традициями культуры формирует способ ориентации человека в пространстве и восприятие

¹ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. С. 582.

² Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Институт психологии РАН, 2009. 320 с.

им течения времени, что в значительной степени определяет общий строй мышления¹.

Язык, возникший на заре примитивного общества как средство координации действий группы людей, на всем протяжении человеческой истории является важнейшим инструментом социального взаимодействия. Обосновывая мнение о происхождении языка в процессе коллективной деятельности, Б. Малиновский подчеркивает такую особенность языка примитивных племен, как соединенность речи с действием, или использование речи в процессе социального взаимодействия². В течение XX века идею о неразрывной связи речи и действия разделяют как российские психологи, например А. Р. Лурия, В. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Ю. И. Александров, так и многие представители зарубежной психологической науки³. В лингвистической философии этот взгляд также получил широкое распространение, достаточно вспомнить «языковые игры» Витгенштейна или теорию речевых актов Остина. По мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, не только у примитивных племен, но и в современном развитом обществе важнейшей характеристикой языка является вовсе не его способность передавать информацию, а имманентная связь с взаимодействием между людьми: в каждом высказывании осуществляется действие, и каждое действие выражено в высказывании, причем высказывание имеет избыточный характер по отношению к действию⁴.

По мнению Э. Кассирера, основным отличием человека от других живых существ является то, что он живет не только в физическом, но и в символическом универсуме, частями которого являются язык, миф, искусство, религия, культура в целом. Человеческий язык является посредником между человеком и окружающим его миром, той символической системой, которая позволяет мыслить и формирует сложную ткань человеческого опыта. При этом

¹ Бородитски Лера. Как язык формирует мышление // В мире науки. 2011. №5. С.15-18.

² Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages. In C. K. Ogden et al. The Meaning of Meaning. Bucharest: Contemporary Literature Press, 2013. P. 266-306.

³ Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Указ. соч.

⁴ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. P. 79.

человек постоянно обращен на самого себя, поскольку взаимодействует с миром через язык. Философ предлагает переосмыслить традиционное философское определение человека как «animal rationale» – «разумное животное», и вместо этого определять его как «animal symbolicum» – «знаковое животное»¹. Это определение, признающее особую роль языка в жизни человеческого общества и в формировании отдельной личности, было поддержано философами, связавшими себя с семиотикой как наукой о знаках. Например, У. Эко в работе «Семиотика и философия языка» пишет, что языки – это то, что составляет сущность людей как таковых, то есть как «семиотических (знаковых) животных»². Рассуждая о роли языка в познании человеком самого себя, философ отмечает, что знаки – это инструмент, с помощью которого на конкретном этапе исторического развития определяется само понятие субъекта: мы как субъекты лишь при помощи знаков понимаем, кто мы такие, что и как мы думаем³. Значение языка как системы знаков для формирования мыслительной способности человека задолго до оформления семиотики в самостоятельную научную дисциплину образно определил философ Чарльз С. Пирс: поскольку человек может мыслить только при помощи слов или других внешних символов, слова могли бы сказать человеку: «Ты не значишь ничего, помимо того, чему мы тебя научили, и то лишь постольку, поскольку ты выбираешь какое-то слово в качестве интерпретанты своей мысли»⁴. По мнению Пирса, то, что всякая мысль является знаком, в сочетании с тем фактом, что жизнь есть поток мысли, доказывает, что «человек есть знак». Философ приходит к выводу: «Мой язык есть всеобъемлющая сумма меня самого»⁵. В процессе социализации и погружения в культуру «человек-знак» приобретает информацию и становится более значимым, чем он был прежде.

¹ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры / Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3-30.

² Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. P. [12].

³ Ibid. P. [45].

⁴ Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. С. 92.

⁵ Там же. С. 93.

Как установила современная наука, человек приходит в этот мир с врожденными способностями к восприятию человеческой речи и усвоению любого языка. Говорят, что ребенок рождается в определенный язык, которым он должен будет овладеть в течение первых лет жизни. Представитель философской антропологии Г. Э. Хенгстенберг в работе «К ревизии понятия человеческой природы» называет «фондами бытия» все физические и психические способности человека, данные ему от рождения. Различие между природой человека и человеческой личностью, по Г. Э. Хенгстенбергу, состоит в том, что личность есть та инстанция, которая распоряжается природой, а природа есть то, чем располагает личность. Одним из фондов бытия как раз и является способность усвоить естественный язык. Г. Э. Хенгстенберг полагает, что по мере своего взросления и развития человек оказывается перед необходимостью выбора и принятия решения: каким образом распорядиться отведенными ему природой способностями. Философ ставит вопрос о свободном решении каждого человека формировать и развивать изначально заложенные в нем «фонды бытия». Например, личность может активизировать и использовать имеющиеся у нее фонды таким образом, чтобы они были направлены на окружающее в духе «любовного сочувствия», в результате чего возникает «объективное», или доброжелательное по отношению к окружающему миру, поведение¹. Однако любой фонд бытия одинаково пригоден как для использования его в направлении сочувствия к тому, что существует рядом с человеком, так и в противоположном направлении – такое недоброжелательное отношение к окружающему Г. Э. Хенгстенберг называет «необъективностью». Из позитивного предрешения конкретного человека следует объективность и исполнение смысла человеческого бытия. Именно в сознательном предрешении и заключается распоряжение фондами бытия, а личность есть инстанция, которая принимает такое решение. Следовательно, культура как явление, противопоставленное природе, присуща человеку лишь в той мере, в какой он приобретает ее в результате соответствующей

¹ Хенгстенберг Г. Э. К ревизии понятия человеческой природы / Это человек: Антология. С. 211-250.

деятельности, она не является естественным свойством, присущим индивидууму от рождения. Иными словами, культура осуществляется только в результате личного решения. Здесь можно уточнить, что такое решение человек будет принимать под влиянием окружающего его сообщества или социума, для которого характерна определенная культура.

По мнению Г. Э. Хенгстенберга, основной способ поведения, который отличает человека от других живых существ, состоит в том, что человек «способен обратиться к другому существу во имя этого сущего вне мотивации, продиктованной выгодой»¹. Такое поведение часто встречается в жизни, когда мы способны бескорыстно радоваться успешному развитию или красоте растения, животного и особенно человека. Это чувство вызвано желанием, чтобы созерцаемый объект полностью развился и достиг того, что заложено в его биологическом или духовном проекте, а это и есть доброжелательность в самом широком смысле слова как сочувствие жизни другого, именно в ней лежат корни всех самых значительных моральных ценностей. Философ называет такое поведение «сочувствующей объективностью». Важно, что человек должен принять решение в пользу объективности, и только после этого он приобретает личную объективную позицию. Как пишет В. В. Ильин, «среди всех определений человека самое точное: человек – существо сочувствующее. Перестать сочувствовать означает перестать быть человеком»². Если применить это положение к вопросам речевой деятельности, то сочувствие будет выражаться в стремлении человека понять своего собеседника. Размышляя о предпосылках эффективной коммуникации, Умберто Эко в сочинении «Кант и утконос» формулирует «принцип благожелательности», состоящий в следующем: как существа социальные, мы склонны наделять говорящего теми же мнениями, которых сами придерживались бы в сходной ситуации; более того, по «принципу благожелательности» мы как будто даем другому человеку взаимы те выражения, которые он хотя и не произнес, но мог бы произнести в

¹ Хенгстенберг Г. Э. Указ соч. С. 216.

² Ильин В. В. Философия: учебник. Т. 2. С. 369.

данном случае. Мы поступаем так, потому что эти выражения, с их конвенциональным значением, уже присутствуют в нашем лексиконе, отражая приобретенный нами опыт общения в социуме. Важно, что применение принципа благожелательности к чьему-либо высказыванию основано на относительно небольшом количестве собственно лексической информации, содержащемся в данном высказывании, и, главным образом, на огромном количестве уже известной нам информации о том, что было сказано на данном языке ранее¹. Можно сказать, что описанная Г. Э. Хенгстенбергом склонность к объективности как константе человеческой природы в целом близка к принципу благожелательности У. Эко.

Итак, с точки зрения философской традиции язык является одной из важнейших составляющих человеческой личности, обеспечивающей саму возможность мышления и существования в социуме. В рамках нашего исследования мы задаемся вопросом, каким образом меняются описанные когнитивные процессы и взаимодействие с окружающими, если к процессу формирования личности на ранних или последующих этапах подключается второй язык? Каким образом данные таких наук о человеке, как психология, нейропсихология, нейробиология, нейролингвистика, социоллингвистика, могут подтвердить или опровергнуть идеи, высказанные философами? В отечественных и зарубежных исследованиях за последние десятилетия накоплено большое количество эмпирических данных, позволяющих понять особенности функционирования мозга билингвов, специфическое развитие их языковой способности, в том числе предрасположенность легче усваивать третий и последующие языки по сравнению с монолингвами. Специалисты указанных научных направлений рассматривают билингвизм под различными углами зрения. В качестве метафоры, описывающей такое разностороннее изучение предмета, нам видится процесс обработки огромного массива мрамора или гранита, где каждый каменотес или резчик по камню обрабатывает с высокой степенью точности свою ограниченную площадку,

¹ Eco U. Kant and the Platypus. P. 277.

однако в силу близкого расстояния общая картина или весь массив не видны отдельным участникам. Мы предполагаем, что подход философской антропологии призван объединить и обобщить разнообразные сведения, полученные другими научными дисциплинами.

Одним из важнейших вопросов, рассматриваемых психологией, психолингвистикой и нейролингвистикой, является функционирование мозга билингвов, в частности, системы и способы хранения и использования языковой информации. Исследователи в этой области указывают на различные физические характеристики мозга билингвов и монолингвов. Научные данные позволяют утверждать, что такие объективные физические характеристики, как нейропластичность, плотность серого вещества и целостность белого вещества, обеспечивающего передачу сигналов и взаимодействие полушарий мозга, выше у билингвов¹. Исследования также выявили изменения функций мозга, связанные с изучением второго языка. Доказано, что для мозга билингвов характерна связанная или совместная активация двух языков, что предполагает постоянные усилия по выбору языковых средств с целью избежать вмешательства нежелательного в данный момент языка; иными словами, для успешного осуществления коммуникации разум билингва должен адаптироваться к совместной активации языков². Понятие нейропластичности, обозначающее функциональные и физические изменения мозга, вызванные регулярно выполняемой деятельностью, например, освоением и использованием языка, подразумевает, что любой приобретенный опыт изменяет наш мозг и разум. Согласно данным американских и канадских исследователей, полученным с применением компьютерной томографии, из всех видов ментальной активности именно языковая деятельность вовлекает наибольшее количество функциональных центров мозга. Как говорит канадский психолог Эллен Бялысток (Ellen Bialystok), если вы человек, то

¹ Ping Li, Legault J., Litcofsky K. A. Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain // *Cortex*. 2014. Vol. 58. P.301-324.

² Bialystok E. The Bilingual Adaptation: How Minds Accommodate Experience // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143. No. 3. P.233-262.

используете язык каждую секунду, когда бодрствуете, при этом в процесс использования языка вовлечен весь мозг. Здесь работает принцип натренированности, характерный для всей живой природы: чем чаще активируются когнитивные механизмы, тем прочнее становятся соответствующие им связи групп нервных клеток или пути передачи сигналов в нейронных сетях, что в конечном итоге физически изменяет мозг, увеличивая плотность серого вещества в соответствующих отделах коры головного мозга. Чтобы популярно объяснить это явление, Бялысток использует метафору лыжни: чем больше лыжников по ней проехало, тем более гладкой и быстрой она становится. Когнитивная психология и когнитивная лингвистика изучают три составляющих умственной деятельности: внимание, память и способность к категоризации. В нашем разуме и в долгосрочной памяти язык представлен в виде абстрактной системы смысловых категорий и правил, у билингвов же сформированы две таких системы, и обе они всегда активны в определенной мере. В связи с этим психологи задаются вопросом: почему не возникает путаницы, каким образом в конкретной ситуации билингвы выбирают нужный язык? Объяснение этому ученые видят в особой функции человеческого разума, которая выполняется специальной системой нейронной сети, локализованной в коре головного мозга. Английское название этой системы – «executive control system», что можно по смыслу перевести как «система принятия решений». Именно она отвечает за переключение нашего внимания с объекта на объект или с задачи на задачу, а также за выбор необходимого в данный момент языка. Поскольку мозгу билингвов, имеющих дело с двумя языковыми системами, требуется больше усилий для активации нужного языка и подавления неуместного, их «система принятия решений» функционально и физически улучшается благодаря постоянной тренировке. По мнению исследователей, из всех когнитивных систем человека эта система самая важная и самая «дорогостоящая» в энергетическом смысле, а значит, она дольше всего развивается, вплоть до позднего подросткового периода, и первая начинает угасать в старости. Группа психологов во главе с Бялыстком провела

долгосрочное исследование когнитивных способностей билингвов в различных возрастных группах, начиная с детского возраста 4-5 лет и заканчивая пожилыми людьми 70-80 лет. Основной задачей этой программы исследований было выявление воздействия билингвизма на языковые и когнитивные функции на протяжении всей жизни. Анализ полученных данных показал, что во время выполнения заданий, в которых необходимо подавлять отвлекающую информацию, переключаться между разными задачами или удерживать информацию в памяти, билингвы всех возрастных групп были более успешны, чем соответствующие им по возрасту монолингвы. Наиболее достоверным объяснением исследователи считают то, что в процессе языковой деятельности билингвы постоянно тренируют свою способность контроля и принятия решений. Такая особенность позволяет им эффективно использовать ту же функцию и в других видах когнитивной деятельности, непосредственно не связанных с языком. В результате сбора и анализа информации о пожилых пациентах клиник, у которых зафиксировано развитие болезни Альцгеймера, ученые получили статистически значимые свидетельства в пользу того, что более тренированная система контроля и принятия решений билингвов позволяет отсрочить начало угасания когнитивных функций в старческом возрасте. В частности, появление первых признаков деменции у билингвов зафиксировано на 4-4,5 года позднее, чем у монолингвов того же возраста со сходными проблемами¹. Ученые сделали вывод о значительном влиянии постоянного использования двух языков на развитие и сохранение когнитивных способностей на всем протяжении жизни.

Любой вид деятельности, как и приобретенный в результате этой деятельности опыт, изменяют мозг и поведение человека. Российский психолог Ю. И. Александров, обобщая результаты исследований российских и зарубежных ученых, отмечает, что группы нейронов специализируются относительно самых разнообразных видов опыта, например, актов

¹Bialystok E., Craik, F.I.M., et. al. Bilingual Minds // Psychological Science in the Public Interest, 10 (3). P. 89-129 ; Bialystok E., Craik F.I.M. Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind // Current Directions in Psychological Science. 2010. Vol. 19. Issue 1. P. 19-23.

использования определенных слов или идей¹. Решение любой задачи, направленной на достижение результата коллективного или индивидуального поведенческого акта, включает использование языка. При этом исследователи имеют в виду даже не слово само по себе, а то знание, которое обозначено словом. Здесь мы отметим явное совпадение с идеями философии языка, различающей слова-знаки и те смыслы, которые они обозначают. Как полагает Ю. И. Александров, индивид усваивает и хранит в памяти элементы субъективного опыта, приобретенного в культуре. Выводы о функциональной специализации нервных клеток и формировании ими соответствующих групп или сетей разделяют многие отечественные ученые. Например, российский нейрофизиолог и руководитель проекта изучения мозга и разума К. В. Анохин развивает теорию о том, что информация о любом опыте сохраняется в памяти человека благодаря одновременному включению в процесс запоминания специализированных групп нервных клеток, которые становятся носителями информации о конкретной единице опыта. Когнитивный опыт, в том числе языковой, закрепляется путем образования сложных связей между различными группами нейронов и последующего формирования многоуровневых сетей, отражающих взаимодействие как между нейронами на физиологическом уровне, так и между элементами опыта и познания на более высоком информационном уровне. Эту чрезвычайно сложную и многоуровневую структуру индивидуального опыта Анохин называет термином «когнитом». При рождении «когнитом» человека содержит уже сформированный ограниченный набор видовых функциональных систем, но по мере развития и накопления информации он обростает сетью новых, специфических для каждого человека когнитивных элементов, а значит «когнитом» – постоянно изменяющаяся и растущая структура. С возрастом, по мере старения организма, процессы установления новых связей начинают перекрываться процессами распада связей между когнитивными группами, что в итоге приводит к

¹ Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и ... представления. С. 17-18.

ухудшению и даже потере памяти¹. Выводы российских ученых подчеркивают актуальность исследований группы Э. Бялысток о влиянии билингвизма на функционирование мозга в течение всей жизни.

Психологи и нейролингвисты изучают языковую деятельность не только естественных билингвов, чей навык использования как минимум двух языков формируется в детстве в семье и не является результатом их свободного выбора, но и школьников или студентов, начинающих изучать новый язык по своему выбору². В дополнение к этому, нам представляется важным обратить внимание на этапы развития языковой способности так называемых «профессиональных билингвов» – людей, чья работа связана с активным и регулярным использованием нескольких языков. Ведь именно на примере их жизненной стратегии наглядно проявляется описанное Г. Э. Хенгстенбергом решение личности о том, как распорядиться данными ей от природы «фондами бытия». К такому типу билингвов относятся устные и письменные переводчики, преподаватели иностранных языков и вузовские преподаватели других предметов, читающие лекции в зарубежных университетах, сотрудники компаний, работающих на международном рынке товаров и услуг. Эти люди должны постоянно обрабатывать информацию на разных языках, чтобы быть успешными в своей профессиональной деятельности. Для освоения языковых средств и навыков, позволяющих эффективно работать с информацией, необходимо достаточное время обучения и практической работы в языковой среде, а также накопление соответствующего культурного опыта.

На основании научных данных, полученных психологами и другими исследователями языковой способности, нам представляется возможным определить периоды в жизни человека, наиболее благоприятные для формирования билингвизма. Длительное время в научной литературе существует гипотеза «критического возраста» усвоения языка, согласно

¹ Анохин К. В. Когнитом: разум как физическая и математическая структура. URL: <https://docplayer.ru/69266483-Kognitom-razum-kak-fizicheskaya-i-matematicheskaya-struktura.html>.

² Bialystok E., Craik F. I. M., Luk G. Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals // *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. 2008. Vol. 34. No. 4. P. 859-873.

которой возраст от нуля до трех лет является наиболее оптимальным для развития языковой способности и позволяет ребенку, растущему в семье, где ежедневно используются разные языки, усваивать их одновременно и максимально эффективно. Считается, что способность различать звучание разных языков и формировать правильные произносительные навыки лучше всего формируются именно в этом возрасте¹. Вместе с этим, по мере усвоения ребенком выраженной в языке информации о мире, происходит формирование двух языковых систем или кодов по принципу взаимодополнения. Однако исследования последних лет показывают, что развитие языковых навыков у детей и подростков успешно происходит вплоть до возраста 17 лет. Поэтому следующий благоприятный этап формирования второй языковой системы – это обучение в школе. Здесь возможны различные стратегии. В одних случаях ребенок продолжает использовать в семье свой первый язык, а формальное обучение происходит на втором языке, таким образом, картина мира продолжает формироваться уже на языке школьного обучения. В других ситуациях обучение в школе происходит на первом языке ребенка, а второй язык изучается как отдельный предмет. При наличии хорошо поставленной методики преподавания можно получить результаты владения вторым языком, сопоставимые с усвоением языка в естественной среде. Согласно результатам масштабного исследования, проведенного в США группой ученых из Массачусетского технологического института и Гарвардского университета, до возраста примерно 17-18 лет человек находится в наилучшей форме для того, чтобы выучить иностранный язык, что почти на 10 лет дольше, чем считалось прежде². Один из авторов исследования Джошуа Хартсхорн отмечает, что по уровню освоения английского языка нет большой разницы между людьми, которые начинают учиться ему с рождения, и теми, кто начинают обучаться с возраста 10 лет. Кроме того, в соответствии с последними научными данными

¹ Hamers J. F., Blanc M. H. A. Bilingualism and Bilingualism. P.74

² Hartshorne J. K., Tenenbaum J. B., Pinker S. A critical period for second language acquisition: Evidence from 2/3 million English speakers // *Cognition*. 2018. Vol. 177. P. 263-277. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027718300994> (дата обращения: 15.10.2018).

способность человека к эффективному изучению нового языка сохраняется и в более позднем возрасте. Как установлено нейробиологами, кора лобных отделов головного мозга, отвечающая за сложные мыслительные функции, формируется у человека вплоть до достижения 25 лет. Результаты недавних исследований голландских нейропсихологов показывают, что лучшим временем для любого формального обучения является возраст 17-20 лет, что связано с особой активностью определенных отделов коры головного мозга в этот период жизни. Отсюда следует, что первые курсы обучения в вузе также являются благоприятным временем для успешного усвоения нового языкового кода¹. При этом важно иметь в виду, что, согласно данным исследований американских нейролингвистов и психологов, взрослые билингвы изучают свой третий язык лучше, чем монолингвы, которые осваивают второй язык. Это когнитивное преимущество можно объяснить способностью билингвов сосредоточиться на информации о новом языке, исключая вмешательство тех языков, которые они уже знают.

Рассматривая специфику межличностной и межкультурной коммуникации многоязычных людей, ученые и философы выделяют проблему определения культурной идентичности билингвов, что связано с вопросом о соотношении языка и культуры в целом. По утверждению Е. С. Кубряковой, «нет и не может быть таких языковых явлений, которые не носили бы прямых или косвенных отпечатков той культуры, в которой они были некогда созданы»². Язык не существует сам по себе, а используется в общем поведении человека, которое имеет свое значение в рамках конкретной культуры. С одной стороны, языковое поведение является продуктом культуры, передаваемым от одного поколения к другому в процессе социализации индивида, но происходит и обратный процесс – языковое поведение формирует культуру. В связи с этим исследователи полагают, что носители нескольких языков имеют более

¹ Peters S., Crone E. A. Increased striatal activity in adolescence benefits learning// Nature Communications. 2017. Vol. 8. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-017-02174-z>.

² Кубрякова Е. С. Лингвокультурологический статус драмы. // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. С. 129.

разнообразный опыт коммуникации и могут лучше преодолевать коммуникативные трудности, увереннее чувствуют себя в общении с представителями различных культур. Когнитивные преимущества билингов традиционно связываются с индивидуальным знанием двух языковых систем, однако некоторые исследователи утверждают, что не сам билингвизм, а скорее открытость двум культурам дает билингам когнитивные преимущества, так как они менее ограничены конвенциональными рамками одной культуры. Например, мультикультурные личности с большей охотой привлекают незнакомые идеи для выполнения творческих заданий, учитывают конфликтующие альтернативы и устанавливают удаленные ассоциации между идеями, то есть мультикультурный опыт улучшает творческие способности в целом¹. К преимуществам билингвизма относят также способность думать разными способами, что является одним из основных компонентов креативности. А. В. Хархурин отмечает, что многоязычный и мультикультурный опыт позволяет индивидуумам видеть мир преломленным сквозь две различные концептуальные призмы и воспринимать события в соответствии со своим более богатым культурным опытом². Авторы книги о многоязычии в России К. Замятин, А. Пасанен и Я. Саарикиви подчеркивают, что двуязычные индивиды обычно легче приспосабливаются к иному культурному окружению и более терпимы, чем одноязычные, к разным видам «инакости»³. Американские психологи Жан-Марк Дювалье и Ли Вей поставили себе задачу определить, отличается ли по количественным параметрам такая личностная характеристика, как эмпатия, у людей, погруженных в более чем один язык и одну культуру. Эмпатия, понимаемая как способность настроиться на то, что чувствует другой человек или что он может думать, играет критическую роль в социальном взаимодействии, поскольку позволяет понять намерения других людей, предсказать их поведение или пережить эмоцию в

¹ Leung A., Maddux W., Galinsky A., Chiu C. Toward a More Complete Understanding of the Link Between Multicultural Experience and Creativity // *American Psychologist*. 2009. 64 (2). P.156-158.

² Kharkhurin A. V. The role of cross-linguistic and cross-cultural experiences in bilinguals' divergent thinking // *Cognitive aspects of bilingualism*. 2007. С. 175-210.

³ Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? С.15.

ответ на их эмоцию. В социальной психологии выделяют два вида эмпатии: когнитивную, как способность понять или представить себе ментальное состояние другого, и эмоциональную, проявляющуюся как эмоциональный отклик на эмоциональные проявления других. Психологи, исследующие феномен многоязычия, полагают, что эмпатия важна для успешного изучения второго языка: чтобы заговорить на втором языке так же естественно, как его носители, нужно обрести новую идентичность, а для этого нужно поставить себя на место другого, что в принципе является новым и непривычным опытом. Исследования показали, что среди всех изучающих второй язык люди с более высоким уровнем эмпатии лучше имитируют произношение носителей языка. По мнению ученых, на способность усваивать произношение, как и на эмпатию, оказывает влияние проницаемость границ так называемого «языкового эго». Проницаемость границ эго, или ментальная гибкость, означает легкость, с которой новый опыт или восприятие культурных особенностей других людей могут преодолеть защитные рубежи конкретной личности. Люди с низким уровнем проницаемости границ эго больше сопротивляются и хуже воспринимают внешние влияния, и, наоборот, высокие уровни проницаемости границ эго означают меньшую степень сопротивления и большую восприимчивость. Считается, что маленькие дети усваивают свой первый язык в состоянии проницаемого эго, но эта проницаемость непрерывно уменьшается по мере взросления. Помимо данной личностной особенности, большое влияние на уровень когнитивной эмпатии оказывает практическое использование нескольких языков. Анализ показал, что частое употребление нескольких языков имеет более сильное воздействие на уровень когнитивной эмпатии, чем само по себе хорошее знание этих языков: мультилингвы, часто использующие все свои языки, демонстрируют более высокие уровни когнитивной эмпатии и более развитую мультикультурную компетентность. В равной степени возможна и обратная зависимость: люди с повышенной

когнитивной эмпатией проявляют большую склонность к усвоению иностранных языков¹.

Психолог Ф. Грожан, углубленно изучающий проблему билингвизма, полагает, что бикультурных людей в целом меньше, чем двуязычных. По его мнению, всем бикультурным людям свойственны следующие черты: они живут в двух или более культурах и адаптируются, хотя бы частично, к этим культурам с точки зрения своих взглядов, ценностей, манеры поведения, они также смешивают некоторые аспекты этих культур. Существенное отличие между многоязычием и поликультурностью заключается в том, что билингвы обычно могут деактивировать один из своих языков и пользоваться только другим в определенных ситуациях, в то время как носители двух культур, находясь в монокультурном окружении, не всегда могут деактивировать черты другой культуры². По нашему мнению, описанный ранее принцип благожелательности (У. Эко, Г. Э. Хенгстенберг) по отношению к другим людям, в том числе к представителям другой культуры, наиболее определенно проявляется как раз у билингвов, для которых либо обе культуры являются своими с детства, либо вторая культура становится близкой и понятной в результате осознанного выбора личности в пользу ее усвоения. Таким образом, в этом плане билингвы – своеобразный живой символ того, что языковые различия и детерминируемые ими различия в мышлении имеют свои границы, а возможности преодоления возникающих в межкультурном взаимодействии барьеров по крайней мере отчасти зависят от нас самих. Билингвизм сам по себе не формирует те или иные личностные качества, но он создает фундаментальное расширение «фондов бытия» личности, дающее возможность для ее развития в определенных направлениях.

¹ Dewaele J.- M., Li W.: Multilingualism, empathy and multicompetence // International Journal of Multilingualism. 2012. DOI:10. 1080/14790712.2012.714380. P.1-15.

² Grosjean F. Bilingual: Life and Reality.

3.2. Билингвизм в развитии культуры и межкультурной коммуникации

Итак, мы рассмотрели влияние билингвизма на развитие личности. Представляется, что билингвизм или многоязычие в процессе их формирования прежде всего позволяют человеку осознать, что информация, мнения, смыслы могут быть выражены различными способами в зависимости от используемого языка, и постепенно овладеть альтернативными способами выражения смыслов с помощью известных им языков. При этом в процессе устного или письменного взаимодействия с носителями различных языковых и культурных традиций билингвальная личность, осознанно или неосознанно, воспроизводит модели поведения и способы коммуникации, иными словами – культурные коды, характерные для той культуры и социума, язык которых используется в данный момент. Степень осознания этого факта, безусловно, зависит от уровня образованности отдельного человека и его склонности к саморефлексии. На всем протяжении развития философской и научной мысли, особенно в сфере гуманитарных наук и литературного творчества, многие ученые и философы высказывали мысль о том, что любая культура лучше всего осознает свою самобытность и свои характерные черты в сравнении с другими культурами. Поскольку в принципе сложно представить себе функционирование естественного языка вне социума, вне определенной культурной среды, мы постараемся определить, какие факторы оказывают влияние на формирование и развитие культурной специфики билингвов, а также рассмотреть преимущества, которыми обладают многоязычные личности в современных условиях глобализации и мультикультурализма.

Для описания характера взаимосвязи языка и культуры необходимо выбрать тот из многочисленных философских подходов, который, с нашей точки зрения, может максимально способствовать раскрытию заявленной темы. В контексте изучения языковой деятельности представляется крайне важной мысль М. К. Петрова о том, что коммуникация предполагает высокую степень подобия сторон общения, знание ими должных программ поведения и

деятельности как условие осмысленности общения. Сравнивая различные типы культур, М. К. Петров поставил себе задачу выявить возможные средства формализации проблем культуры, сделав приоритетом общение как таковое, а также способы хранения и передачи значимых для социума программ деятельности, норм и моделей поведения. Для всей совокупности массивов знания и механизмов его трансляции философ использует термин «социокод», понимая под ним основную знаковую реалию культуры, без которой невозможна обработка, передача или хранение социально значимой информации. М. К. Петров отмечает особенность европейской культурной традиции, которая со времен Аристотеля и стоиков имеет тенденцию к отождествлению знания и средства его оформления и перемещения, то есть социокода и языка. По мнению исследователя, изучавшего также неевропейские виды социального кодирования, вряд ли можно говорить о существовании непосредственной и однозначной связи между социокодом и языком как средством и инструментом общения. С другой стороны, «все разновидности общения входят в плоть и ткань культуры, несут в латентном или явном виде социальные по своему характеру функции»¹. В данном высказывании мы встречаем одну из ключевых метафор, описывающих культуру в контексте знакового подхода – «ткань культуры». Мы попытаемся в своем исследовании оттолкнуться не только от содержания, но и от формы выражения данной идеи, используя для выделения различных аспектов позиции билингов в межкультурной коммуникации анализ ключевых метафор, посредством которых описываются процессы взаимодействия культур в философских концепциях.

Метафоры используются в философском познании на всем протяжении исторического развития философии. В соответствии с характером философского познания, объектами которого зачастую являются неэмпирические понятия, для их определения требуются соответствующие гносеологические инструменты. Размышляя о полемике между Жаком Деррида

¹ Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 38-40.

и Полем Рикёром, касавшейся сущности философской метафоры, Н. С. Автономова замечает, что метафора лежит в основе образования концептов и понятий¹. Исследователь творчества Деррида М. Гольдшмит подчеркивает, что философия не смогла бы самоопределиться без метафоры, так что ее история неизбежно выступает как история смены метафор². Вероятно, оптимальное объяснение природы философской метафоры было предложено Рикёром, для которого метафора сосредоточена не в словах и не во фразах, а в глаголе «быть», когда он составляет ядро операций предикации. Философ полагает, что метафорическое «есть (является)» одновременно означает «не есть (не является)». Таким образом, метафорическая истина существует в модусе постоянной напряженности, а метафора представляет собой «механизм предикативного напряжения между «есть» и «не есть», специфическую референцию без каких-либо конкретных референтов»³.

Н. И. Мартишина и Е. О. Акишина полагают, что «гносеологическая сущность метафоры состоит в установлении непосредственной связи между внешне отдаленными понятиями в целях обогащения (уточнения) смыслового поля ключевого понятия через подключение к нему системы смыслов другого понятия»⁴. Метафора служит инструментом познания, поскольку без нее зачастую невозможно словесно определить интересующий исследователя фрагмент реальности. Применение метафоры бывает неизбежным, например, когда в привычном языке нет слов для прояснения новых смыслов, открывшихся философу. «Метафора способна выразить как рациональное положение, так и неявное ощущение, как четкую определенность, так и ветвящуюся и едва угадываемую игру смыслов»⁵. В строении метафоры изначально заложена необходимость интерпретации, которая предполагает переход от очевидного смысла к скрытому. Философы и представители

¹ Автономова Н. С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011. С. 357.

² Автономова Н. С. Указ. соч. С. 359.

³ Там же. С. 361.

⁴ Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Метафоры в философских текстах // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 110.

⁵ Там же. С. 112.

гуманитарных наук неоднократно обращались к метафоре, чтобы объяснить природу таких объектов высокой степени абстракции, как культура и языковая деятельность. Мы рассмотрим далее наиболее распространенные метафоры, с помощью которых российские и зарубежные мыслители XX века пытались определить сущность взаимодействия языков и культур, с тем чтобы использовать их для осмысления природы билингвизма или многоязычия, а также его проекции на сферу межкультурного взаимодействия.

Ю. М. Лотман, как представитель семиотического направления, в своих важнейших работах по семиотике придерживается подхода, представляющего культуру в виде текста в широком смысле; диалектика взаимодействия языка и культуры является для него одним из наиболее значимых вопросов. Обратимся к определению культуры, предложенному Ю. М. Лотманом с опорой на взгляды Э. Б. Тейлора, понимавшего культуру как совокупность инструментария, технического оборудования, социальных институтов, веры, обычаев и языка. Развивая эту мысль, Ю. М. Лотман предлагает рассматривать культуру как совокупность всей ненаследственной информации, которую организует и хранит человеческое общество. При этом культура представляет собой механизм, постоянно вырабатывающий оптимальные способы хранения информации, а значит – это еще и гибкий, сложно организованный механизм познания¹. Исходя из такого определения, Ю. М. Лотман ставит вопрос об отношении культуры к основным способам ее передачи и хранения, а именно, к понятиям языка и текста. Он подчеркивает, что возможность накопления информации в человеческом обществе приобретает принципиально иной характер именно в результате возникновения знаков и знаковых систем – языков, вследствие чего возникает специфически человеческая форма накопления информации, и культура человечества с неизбежностью строится как знаковая и языковая. По мнению Ю. М. Лотмана, культуру можно рассматривать как вторичную систему, которая надстроена над принятым в данном социуме естественным языком и по своей внутренней организации

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 395.

воспроизводит структурную схему языка¹. Культура одновременно является коммуникационной системой и обслуживает коммуникативные функции – в этом тезисе явно просматривается сходство с идеями М. К. Петрова о передаче информации от старших поколений младшим. Перечисленные характеристики культуры позволяют Ю. М. Лотману рассматривать ее как язык в общесемиотическом значении этого термина. Мыслитель использует понятие «семиосфера», которую он определяет как все присущее конкретной культуре семиотическое, или знаковое, пространство; центр семиосферы образуют наиболее развитые и структурно организованные языки, в первую очередь – естественный язык данной культуры². Ю. М. Лотман обращает внимание на этимологию слова «текст», которое в латинском языке означало «переплетение нитей ткани», саму ткань. Здесь уместно напомнить выражение «ткань культуры», которое мы нашли у М. К. Петрова. Отметим предварительно, что идею переплетения нитей или линий в качестве метафоры, описывающей культуру и языковые процессы, можно встретить и у таких европейских философов, как У. Эко, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, о чем будет сказано далее.

По мнению И. Т. Касавина, в своей концепции семиосферы Ю. М. Лотман стремится объединить в нечто целое не только текст и культуру, но и стоящую за ними реальность: «внутри семиотического пространства вовлекается реальность социальной коммуникации»³. Сам И. Т. Касавин рассматривает актуальные для философии языка и культуры явления сквозь призму трех понятий – текста, дискурса и контекста. По его определению, текст является собственно языковой реальностью, но существует как смысловая единица только в определенном внеязыковом окружении – контексте. Дискурс же представляет собой «живую знаково-эпистемическую деятельность», посредством которой контекст находит выражение в тексте. Все эти три фактора обеспечивают протекание таких процессов, как взаимодействие между языком и социумом, смена лингвистических кодов, переводы с одного языка на

¹ Там же. С. 396.

² Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 254.

³ Касавин И. Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. С. 86-87.

другой¹. В повседневной речи, в обыденном языке значения слов и целых высказываний всегда определяются конкретной ситуацией, и, следовательно, условием подлинного владения любым языком является знание большого набора разнообразных языковых ситуаций, погруженных в специфический культурный контекст. И. Т. Касавин подчеркивает, что, если бы люди не типизировали свое языковое поведение, они не были бы в состоянии справиться с многообразием языковых ситуаций. Не менее важно, что эти ситуации зачастую окружены «полисемическим облаком коннотаций и эвфемизмов, метафор и аналогий, создающих живой контекст»². Все это усложняет процесс понимания и побуждает человека искать объяснение смысла высказывания на основе имеющихся у него культурных компетенций, включая весь предыдущим опыт коммуникации в рамках данной культуры. Развивая мысль о невозможности правильно истолковать текст вне контекста, И. Т. Касавин рассматривает культуру как «универсальный контекст», которому свойственны некие «культурные универсалии», представляющие собой закрепленные в языке и моделях поведения схемы опыта определенной культуры³. Обобщая идеи своих предшественников о многообразии обществ и культур, о полиморфизме наличного бытия, о принципе культурной относительности, который предполагает определенное видение мира и закрепление его в естественном языке в качестве языковой картины мира, И. Т. Касавин приходит к выводу о том, что все это не отменяют способности людей к «кросс-культурному путешествию, к прокладыванию путей между разными человеческими мирами»⁴. Хотя философ в данном случае имеет в виду путешествие во времени, то есть взаимодействие культур в историческом аспекте, мы вправе применить этот принцип к описанию контакта культур, существующих одновременно, здесь и сейчас. Подчеркнем, что важнейшим условием, обеспечивающим успех такого кросс-культурного путешествия,

¹ Касавин И. Т. Указ. соч. С. 23-24.

² Там же. С. 57.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 241.

является владение как минимум двумя естественными языками, подкрепленное знанием соответствующих культурных кодов. Билингв в кросс-культурном путешествии предстает как «проводник», человек, ориентирующийся в мире одной культуры с использованием опыта пребывания в другой, что позволяет ему отчетливо видеть и – в перспективе – представлять обитателям одного культурного мира другой. По словам О. Б. Истоминой: «Язык, выполняя роль посредника, проводника в «иную» реальность, способен стать гарантом стабильности и формирования транскультурных ценностей»¹.

Размышляя о взаимодействии различных языков и культур, Ю. М. Лотман многократно использует метафору «граница». Самописание культуры делает границу фактом ее самосознания, а момент самосознания придает границам культур определенность². Самоопределение любой культуры начинается с деления мира на внутреннее пространство («свое») и внешнее («чужое»), при этом граница принадлежит обоим соседствующим культурам, которые она одновременно разделяет и соединяет. Следует уточнить, что граница в метафорическом смысле не совпадает с территориальными границами государства. Лишь в тех случаях, когда распространение конкретной культуры заключено в рамки определенной государственной территории, граница обретает физический и административный смысл. Ю. М. Лотман указывает, что каждая культура характеризуется не только своим типом внутренней организации, но и предполагает определенный тип внешней «дезорганизации»: фактически, такая «дезорганизация» представляет собой конструкт, созданный данной культурой как ее собственное искаженное отражение. Периферия любой семиосферы – это область соприкосновения с другими семиосферами, где происходит постоянный диалог или обмен, поэтому граница всегда би- и полилингвистична, ее можно назвать «областью конституированной билингвальности»³. В живой природе любая граница или

¹ Истомина О. Б. Репрезентация и интерпретация языка в условиях глобализации // Евразийство и мир. 2013. № 2. С. 143.

² Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 147.

³ Там же. С. 265-267.

мембрана должна ограничивать проникновение, фильтровать и адаптировать элементы внешнего во внутреннее. Так и граница семиосферы означает отделение своего от чужого, фильтрацию внешнего текста на чужом языке и перевод этого текста на свой язык. Граница между культурами, в отличие от границ между странами и территориями, не является единственной в своем роде линией или плоскостью: как полагает Ю. М. Лотман, все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, и даже граница отдельной личности есть граница семиотическая¹. Эта мысль представляется крайне важной, когда мы говорим о культурной идентичности билингвов. Можно сказать, что языковая и культурная «граница» проходит внутри самой личности билингва, для которого обе культуры являются в определенной степени своими. Признание одной из культур более близкой или родной зависит от того, каким образом происходило формирование билингвизма в развитии конкретной личности. Если оба языка были усвоены естественным образом в раннем детстве, в семье, то человек будет считать оба языка и обе культуры своими. Если же билингвизм был сформирован в более поздний период жизни в процессе сознательного обучения, то одна из культур имеет для билингва статус родной, а другая воспринимается как близкая и понятная.

Диалог культур – еще одна важная метафора, которую мы встречаем у Ю. М. Лотмана. Рассматривая механизмы диалога, мыслитель подчеркивает, что для возможности диалога необходима взаимная заинтересованность участников ситуации в общении и способность преодолевать неизбежные семантические барьеры. Как и в любом диалоге, в случае диалога культур ситуация взаимного влечения к контакту должна предшествовать самому контакту². Комментируя эту метафору, В. А. Лекторский отмечает, что культуры в целом не могут вступать в диалог, но его участниками могут быть отдельные люди, группы или сообщества. Культуры существуют на разных уровнях: есть национальные, этнические, региональные и локальные культуры. Плодотворный диалог

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 263-264.

² Там же. С. 272.

возможен лишь с учетом тех ценностей и точек зрения, которыми обладает каждая культура, вовлеченная в диалог, и здесь критически важным является понятие толерантности. В качестве трех потенциальных последствий такого диалога Лекторский называет: (1) синтез некоторых черт разных культур, (2) развитие (изменение) одного или обоих участников диалога, (3) при неблагоприятных обстоятельствах – отказ одного из участников продолжать диалог вследствие возникновения враждебности к другой культуре¹. Следует отметить, что в случае взаимодействия языков и культур внутри билингвальной личности вариант отказа от продолжения диалога вряд ли возможен, поскольку билингв, как никто другой, способен толерантно и с пониманием относиться к ценностям тех культур, носителем которых он является. Билингвы являются, таким образом, основанием устойчивости, фактором возобновления диалога между культурами, «определенным приглашением» культур к диалогу.

Понятия «текст» и «диалог» стали ключевыми в философском анализе М. М. Бахтина, по мнению которого объектом гуманитарных дисциплин является социальный человек, говорящий или выражающий себя другими средствами. Подход к мышлению человека можно найти только через создаваемые им знаковые тексты². По М. М. Бахтину, в сфере культуры, понимаемой как совокупность знаковых текстов, диалог происходит не только между отдельными людьми в определенный момент времени (диалогическая речь), но и между разными текстами в масштабе «большого времени» (диалогические отношения). Под диалогическими отношениями философ понимает особый вид смысловых отношений, членами которых могут быть только обладающие собственным смыслом целые высказывания или тексты, за которыми стоят их авторы³. Таким образом, понятие диалогических отношений по М. М. Бахтину гораздо шире, чем понятие диалогической речи, а диалогические рубежи пересекают все поле живого человеческого мышления. Для осуществления диалога необходимо доверие к «чужому» слову. Кроме того, механизм диалога

¹ Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: «Канон+», 2012. С. 199-200.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 309.

³ Там же. С. 320.

является важнейшим фактором в процессе усвоения естественного языка. На ранних этапах языкового развития ребенка «чужие» слова перерабатываются в «свои-чужие слова» с помощью других «чужих слов» (ранее услышанных в диалоге), а затем в «свои» слова, из которых ребенок уже способен создавать собственные высказывания. То есть, если вначале ребенок учится использовать «чужие» слова в звучащем или молчаливом диалоге с окружающими людьми или текстами, то затем «чужие» слова присваиваются ребенком, и его сознание «монологизируется»¹. Заметим, что М. М. Бахтин рассуждает об усвоении ребенком своего родного языка. Однако это же можно в полной мере отнести к усвоению или изучению второго или последующего языка. В процессе диалога, основанного как раз на доверии к «чужому» слову, происходит постепенное «присвоение» слов и высказываний другого языка, которые превращаются в «свои». Аналогичным способом М. М. Бахтин определяет процесс понимания незнакомого текста: понимание как превращение «чужого» в «свое-чужое». Понятие «граница» также присутствует в философии М. М. Бахтина. Его высказывание «культура существует на границе» В. А. Лекторский предлагает понимать в том смысле, что любая культура всегда соотносит себя с другими культурами и осознает себя лишь через отличие от других культур².

Формулируя свое понимание культуры XX века и делая попытку заглянуть в век XXI, В. С. Библер во многом опирается на идею М. М. Бахтина о диалоге культур в «большом времени». Размышления В. С. Библера в основном относятся к диалогу между культурами прошлого – настоящего – будущего: по его мнению, культура есть там, где есть две культуры, культура – это грань культур. Можно было бы сказать, что такое понимание культуры вполне обоснованно в контексте реального общения культур. Однако диалог настоящего с прошлым возможен только в форме обращения современных читателей к произведениям авторов прошлого, таким образом понятие «диалог во времени» представляет собой еще одну метафору. В. С. Библер

¹ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 385-386.

² Лекторский В. А. Указ. соч. С. 195.

подчеркивает, что его определение культуры относится преимущественно к культуре XX века, которая смещается в «эпицентр человеческого бытия» в различных сферах жизни, включая производство, социальные феномены, общение различных культур; при этом развивается новый всеобщий социум – социум культуры. Как полагает мыслитель, в процессе общения культур снимается временная стрела прошлое – настоящее – будущее, и формируется некая континуальность настоящего, когда «все культуры одновременны, могут слышать друг друга и отвечать друг другу». Таким образом Библер приходит к своему определению культуры XX века: «культура есть форма одновременного общения и со-бытия культур, их взаимонасущности на грани, в точках перехода»¹. Представляется, что этот спектр идей, относящийся к общению культур разных эпох, с легкостью может быть перенесен на взаимодействие одновременно существующих локальных культур, и таким образом диалог во времени превращается в диалог в пространстве. Важнейшая составляющая этого диалога фиксируется метафорой «зеркало»: «Билингвальное выражение дискурса есть результат диалога культур, обеспечивающего роль «культурного зеркала» или наиболее эффективного способа узнавания этими культурами самих себя»². Те же метафоры – грань культур, точки перехода, зеркало – могут быть использованы для описания массового или точечного взаимодействия носителей различных языков и культур, живущих в одном историческом времени. В частности, выражение «точка перехода» очень подходит для определения многоязычной и поликультурной личности, в которой соединяются различные культурные потоки.

Процесс диалога как важнейшего способа понимания и продуктивного контакта между людьми, в том числе принадлежащими разным культурам, детально рассмотрен в философских трудах Г. Гадамера. В частности, он пишет о высшем типе герменевтического опыта – открытости навстречу другому:

¹ Библер В. С. Культура XX века и диалог культур / Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 167-168.

² Истомина О. Б. Языковые контакты как фактор этнической идентификации // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 3. Т. 4. С. 4.

узнать другое «Ты» как именно «Ты», позволить ему сказать нам что-либо и суметь услышать то, что оно говорит. Идея открытости навстречу диалогу принципиально важна в герменевтической концепции: «Без открытости друг для друга не существует никаких подлинных человеческих связей»¹. Открытость для Г. Гадамера – это не только готовность к диалогу на своем родном языке, она также предполагает активное изучение других языков, а изучение иностранного языка, в свою очередь, есть расширение сферы всего того, что мы вообще можем изучить. Рассматривая возможные последствия усвоения других языков, Г. Гадамер опирается на идеи В. Гумбольдта, определившего видение языка как видение мира, поскольку именно на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир. По утверждению В. Гумбольдта, люди, воспитанные в традициях определенного языка и культуры, видят мир иначе, чем люди, принадлежащие другим традициям. Тем не менее, в любой культурной традиции выражается человеческий мир, то есть мир, имеющий языковую природу. Любой «мир», будь то мир конкретной культуры или мир отдельной личности, способен к познанию иного, а значит, и к расширению своего собственного «образа мира». Гадамер высоко ценит человеческую способность к расширению кругозора: «Если мы благодаря взаимодействию с иными языковыми мирами преодолеваем предрассудки и границы нашего прежнего опыта мира, то это не означает, что мы отрицаем и покидаем наш собственный мир. Путешествуя, мы возвращаемся домой, обогащенные новым опытом»². Таким образом, изучивший иностранный язык не изменяет своего отношения к миру, но расширяет и обогащает его за счет другого языкового мира. Представляется, что именно такой подход может наилучшим образом описать культурную идентичность билингвов, для которых оба языка и обе культуры являются гранями их единой личности.

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 424.

² Там же. С. 517.

Умберто Эко в труде «Semiotics and the Philosophy of Language» («Семиотика и философия языка») проводит детальный анализ природы метафоры с точки зрения ее функций и способов образования, дает обзор истории изучения метафоры философами, предлагает уточнения к уже существующей классификации метафор. Подчеркивая, что еще Аристотель считал метафору не просто украшением речи, но и инструментом познания, У. Эко делает вывод, что метафора является семиотическим феноменом, который существует практически во всех семиотических системах. Он утверждает, что создание и интерпретация метафор обусловлены предыдущим существованием сети культуры, состоящей из многочисленных семантических полей. По мысли философа, динамика культурных процессов отчетливо проявляется в метафорах, которые являются смысловыми конструкциями, существующими в рамках определенной культуры¹. В контексте нашего исследования особый интерес представляют опорные метафоры, которые сам У. Эко использует для описания процесса интерпретации знаков, высказываний и текстов, существующих в языке и на языке: «сеть (культуры)», «лабиринт», «энциклопедия».

Для понимания или интерпретации не только метафор, но и любых знаков языка, необходима «энциклопедическая компетенция». Сама идея энциклопедии, включающей все человеческие знания, по мысли У. Эко, может быть выражена метафорой «лабиринта». Сравнивая модели словаря и энциклопедии как двух отличающихся способов организации знания, философ описывает три разных вида лабиринтов и останавливает выбор на том, который по своему устройству напоминает «сеть». Важнейшей характеристикой сети для него является то, что любая точка сети может быть связана с любой другой ее точкой. Сеть – это «территория без границ» или «безграничная территория», абстрактная модель сети не имеет ни центра, ни внешнего контура². Здесь У. Эко ссылается на метафору «ризомы», созданную французскими философами

¹ Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. P. 107-108.

² Eco U. Op. cit. P. 81-82.

Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, считая ее самым лучшим образом сети культуры. Характеристики ризоматической структуры, согласно авторам этой идеи, следующие: каждая точка ризомы может и должна быть связана с любой другой точкой; в ризоме нет точек или позиций, только линии (по мнению У. Эко, эта характеристика сомнительна, поскольку пересекающиеся линии образуют точки или узлы); никто не может дать глобальное описание всей ризомы целиком, не только потому, что она многомерно сложная, но и потому, что ее структура изменяется с течением времени; это структура, которая не может быть описана глобально, но лишь представлена как потенциальная сумма локальных описаний¹. Интересно отметить, что сами Ж. Делёз и Ф. Гваттари, формулируя свойства ризомы в книге «Тысяча плато», нигде не используют слово «культура». Возможно, это связано с тем, что они рассматривают не только социальные и культурные, но и различные природные, биологические явления; таким образом, круг их рассуждений в данном случае шире, чем развитие и распространение цивилизации и культуры. По нашему мнению, сам образ «тысячи плато» тоже можно рассматривать как образ глобальной культуры, состоящей из многих локальных культур, любая из которых в современном мире может быть связана с любой другой, в том числе благодаря языковому взаимодействию, в котором немаловажную роль играют билингвы и мультилингвы.

Опираясь на понятие безграничного семиозиса, предложенное Ч. Пирсом, Умберто Эко развивает идею интерпретации знаков, высказываний и текстов как бесконечного движения по «лабиринту» культуры. По его мнению, весь универсум человеческой культуры должен восприниматься в виде лабиринта, структурированного как сеть или ризома. Такой лабиринт практически бесконечен, поскольку учитывает все множественные интерпретации, реализованные различными культурами: конкретное выражение может быть интерпретировано столько раз и столькоими способами, как оно было фактически интерпретировано в рамках конкретной культуры. Подобная

¹ Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language* ; Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus*.

семантическая энциклопедия никогда не может быть завершена и существует только как регулятивная идея. И лишь на основе этой регулятивной идеи можно выделить определенную порцию социальной энциклопедии в той мере, в какой это окажется полезным, чтобы интерпретировать определенные порции фактического дискурса или текстов. С точки зрения У. Эко, вышеописанное понятие энциклопедии не отрицает существования структурированного знания – оно лишь предполагает, что такое знание не может быть определено и организовано как глобальная система; это понятие предусматривает существование только «локальных» или переходных систем знания, которым можно противопоставить альтернативные, в равной мере «локальные», культурные структуры; любая попытка обозначить такие местные структуры как уникальные и «глобальные», игнорируя их неполноту или существование в качестве части культурной сети, ведет к идеологической предвзятости¹.

С этими утверждениями итальянского философа перекликаются идеи В. А. Лекторского, который фиксирует возникновение новой ситуации в межкультурных взаимоотношениях, связанной с новым этапом глобализации культуры – переходом к «обществу знания». Поскольку научное знание и телекоммуникационные технологии универсальны, их широкое распространение ведет к всеобщей культурной гомогенизации. Однако из объективного процесса развития «общества знания» автоматически не следует необходимость подавления или замещения локальных культур глобальной. Адаптация современного общества к процессам глобализации выражается в том, что оно становится все более индивидуализированным, а индивид может одновременно принадлежать к разным культурным идентичностям (быть полиидентичным)². Можно с уверенностью сказать, что именно билингвы или люди, владеющие несколькими языками, легче всего способны адаптироваться в подобной среде и ассоциировать себя с разными культурами. В этом смысле

¹ Eco U. *Semiotics and the Philosophy* P. 83-84.

² Лекторский В. А. *Философия, познание, культура*. С. 201-202.

культурная позиция билингвов – это прообраз вероятного будущего состояния культуры, своеобразная наглядная демонстрация ее новых возможностей.

Рассмотрев варианты метафор, описывающих языковую деятельность и межкультурное взаимодействие, мы можем предположить, что различные философские метафоры отражают культурную специфику и менталитет тех социумов, где сформировались взгляды мыслителей. Так, для Ю. М. Лотмана и М. М. Бахтина характерной метафорой является «граница», что вполне органично для жителей Советского Союза, продолжительное время находившегося в определенной самоизоляции. Понятие сети или ризомы, которая предполагает связь всего со всем, разработано западноевропейскими философами У. Эко и Ж. Делёзом, которые в принципе могли бы считать себя гражданами мира. Подчеркнем, что в концепциях М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и Г. Гадамера доминирующим является понятие диалога, будь то диалог между текстом и читателем или диалог между культурами.

Если мы вслед за У. Эко и Ж. Делёзом будем воспринимать глобальную культуру как сеть или ризому, каждая точка которой может быть связана с любой другой, то своеобразными точками пересечения различных культурных потоков можно считать носителей нескольких языков – билингвов. Идею Ю. М. Лотмана о том, что все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, и даже граница отдельной личности есть граница семиотическая, можно было бы истолковать аналогичным образом. При этом в современном мире с его телекоммуникационными технологиями билингвизм не обязательно формируется в полосе непосредственного контакта двух сопредельных культур, что было характерно для предыдущих столетий или тысячелетий. Индивидуальная культурная идентичность билингвов может включать в себя соотнесенность с различными культурами на основе комбинации таких факторов, как рождение в многоязычной семье, социализация в мультикультурной среде, а также сознательное изучение другого языка и культуры в процессе образования или профессиональной деятельности, с сопутствующим приобретением культурных компетенций. При

любом варианте формирования билингвизма контакт культур происходит в рамках одной личности, следовательно билингв является неким связующим звеном, точкой контакта, узлом, в котором сплетаются линии культурной сети.

В заключение хотелось бы предложить собственную метафору для определения человека, который способен свободно общаться на двух и более языках. Эта новая метафора перекликается с уже широко известным в мире выражением «язык как мост», придуманным китайскими деятелями образования и культуры с целью популяризации изучения китайского языка во всем мире. Начиная с 2002 года международный конкурс «Мост китайского языка» проводится в разных странах мира по инициативе Института Конфуция и при поддержке правительства КНР, считающего распространение китайского языка и культуры одним из важных аспектов формирования «мягкой силы». Почему в Китае считают язык похожим на мост? Какие скрытые смыслы есть в этом выражении? Как известно, способность метафоры аккумулировать аналитическую оценку и суждение, давать рациональное и эмоциональное описание явления позволяет этой языковой форме выражать мировоззренческие принципы. Ключевые метафоры и их специфическая интерпретация в конкретной культуре помогают понять ее важные черты. Как указывал Аристотель, связь между объектами в метафоре не всегда очевидна, поэтому тот, кто ее интерпретирует, должен разглядеть сходство, даже если два объекта очень далеки друг от друга. Предположим, что мост и язык способны выполнять сходные функции, например – позволить идущему по мосту совершить переход из мира своей культуры в другой культурный мир. Кроме того, мост традиционно служит местом встречи людей, которых разделяет река или горная пропасть. В Китае существует красивая легенда о разделенных Серебряной рекой (Млечным путем) небесных Пастухе и Ткачихе (звезды Альтаир и Вега), которые лишь раз в году в седьмую ночь седьмого лунного месяца могут встретиться на небесном мосту, построенном сороками из собственных хвостов. Такой воздушный эфемерный мост вполне может служить метафорой языка, особенно языка звучащего. В условиях развития

культурных и образовательных связей в наше время язык, как мост, выполняет функцию объединения людей, принадлежащих к различным языковым и культурным сообществам. Следует добавить, что в европейской философской традиции сама конструкция моста предполагает надежность и стабильность конструкции. Как писал Георг Зиммель в статье «Дверь и мост», чем устойчивее и крепче мост в представлении людей, тем более важной становится идея связи, объединения и постоянного взаимодействия в сравнении со смысловым компонентом разделенных берегов в метафоре моста¹. Продолжая эту мысль, мы можем сказать: чем лучше человек усвоит другой язык и другую культуру, тем крепче его межкультурные связи и лучше понимание различных проявлений другой культуры. Безусловно, масштаб отдельной личности невелик по сравнению с масштабом языка, поэтому если язык – это мост, то билингвальную личность можно сравнить с мостиком, пусть даже перекинутым через ручей. При этом диалог культур во внутреннем мире отдельного человека способен внести вклад в диалог культур в целом.

Краткие выводы по главе 3

1. Поскольку язык является фундаментальным фактором формирования личности, билингвизм не может не накладываться на этот процесс определенного отпечатка. По определению Г. Э. Хенгстенберга, способность усвоить естественный язык выступает составной частью «фондов бытия» человека. Билингвизм, не формируя непосредственно те или иные личностные качества, создает расширение «фондов бытия», дающее возможность для развития личности в определенных направлениях. Эта оценка значения билингвизма позволяет адекватно оценить ряд экспериментально обнаруженных фактов: например, наиболее вероятным объяснением некоторых когнитивных преимуществ билингвов в сравнении с монолингвами, в частности, при выполнении действий, связанных с многозадачностью и переключением внимания, является то обстоятельство, что сам характер

¹ Simmel G. Bridge and Door // Theory, Culture & Society. 1994. Vol.11 (1). P. 5–10.

языковой деятельности требует от билингвов постоянного выбора языковой системы и принятия соответствующих решений, что обеспечивает упражнение соответствующих навыков.

2. Философское понимание связи языка и мышления, языка и культуры позволяет утверждать, что расширение «фондов бытия» билингвов связано не только со знанием двух языковых систем, но и с открытостью двум культурам или, во всяком случае, снижением жесткости ограничений конвенциональными рамками одной культуры. Например, мультикультурные личности с большей охотой привлекают незнакомые идеи для выполнения творческих заданий, учитывают конфликтующие альтернативы и устанавливают удаленные ассоциации между идеями, то есть мультикультурный опыт улучшает творческие способности в целом.

3. Позиция билингвов в межкультурной коммуникации может быть определена через три ключевые роли, выполняемые ими. В кросс-культурном путешествии билингв выступает как «проводник», человек, ориентирующийся в мире одной культуры с использованием опыта пребывания в другой, что позволяет ему отчетливо видеть и, в перспективе, представлять обитателям одного культурного мира другой. В межкультурной коммуникации билингвы являются опредмеченным «приглашением» к диалогу, основанием устойчивости и объективным фактором необходимости возобновления, невозможности избегания диалога между культурами. В устойчивом межкультурном взаимодействии билингвы – это «мост» как материальный носитель и духовный символ соединенности различных культурных пространств, стабилизированный переход, построенный людьми и ставший объективным фактором формирования единого культурного мира.

Заключение

Билингвизм выступает в настоящее время частным, но тем не менее выражающим значимые тенденции и быстро растущим явлением современной культуры. К процессам взаимодействия между культурами во всех сферах социального бытия, традиционно составлявшим основание формирования естественного многоязычия, сегодня добавились такие активизирующие факторы, как глобализация, принципиальное увеличение миграционной активности, реализация стратегий мультикультурализма и др., превращающие ситуацию пребывания или проживания людей в зонах распространения иного языка в типичную. В постсоветских национальных государствах, в Евросоюзе, в Китае, в Индии и других регионах к формированию естественного многоязычия привели различные процессы, но во всех случаях оно оказалось необходимым фактором развития указанных культур. В настоящее время уже более половины населения Земли постоянно или периодически используют в повседневной жизни два, три и более языков. Можно предположить, что с расширением и углублением межкультурного взаимодействия распространенность билингвизма и его роль в функционировании и развитии культуры, а также в сфере индивидуального бытия человека будут только возрастать.

Становясь фактором развития личности и общества, всякое явление культуры начинает требовать философского осмысления. Опыт философской рефлексии над феноменом билингвизма был реализован в нашем исследовании. На наш взгляд, представленные в исследовании материалы позволяют говорить об эффективности обращения философии к изучению билингвизма и о необходимости продолжения его философского осмысления.

Во-первых, именно философский подход позволяет определить сущность и очертить границы феномена билингвизма. Философия рассматривает язык в контексте его связи с мышлением, полагая, что язык является не только средством выражения и передачи мысли, но и единственно возможной формой

возникновения самой мысли; момент выражения определенными языковыми средствами признается необходимой стадией формирования мысли. На основе этого философского принципа оказывается возможным выделение сущностного признака билингвизма: его критерием является не сама по себе способность человека использовать другой язык в том или ином объеме (с вопросом о мере которой связано большинство дискуссий относительно определения билингвизма), а именно способность человека к генерации мысли более чем на одном языке. Это и позволяет более точно определить границу билингвизма: моментом перехода человека в это состояние служит ситуация, в которой он впервые формирует мысль непосредственно на другом языке, в противоположность переводу мысли, ранее сформированной средствами одного языка, на другой. Отметим также, что философское определение сущности билингвизма позволяет уйти от распространенного в литературе неявного соотнесения этого явления исключительно с ранней стадией становления человека и его обучения; возникает теоретическое основание, объясняющее, почему билингвизм может успешно формироваться и на более поздних развития человека, если они предполагают активное развитие мышления, решение познавательных и практических задач. Эта идея хорошо коррелирует, в частности, с педагогическими данными о том, что эффективным периодом для формирования реального билингвизма является время получения высшего и дополнительного образования.

В-вторых, некоторые специальные философские направления могут быть рассмотрены как исследовательские программы, позволяющие выявлять различные аспекты билингвизма как фактора развития человека и культуры. В лингвистической философии язык описывается как инструмент деятельности (включая дифференциацию локусов его применения) и как игра или совокупность игр, ориентированных на определенные правила. С этой точки зрения различные языки представляются инструментами, выбираемыми в зависимости от решаемых задач (по аналогии с тем, как на практике выбираются инструменты, наиболее подходящие для выполнения

определенных операций), что позволяет выявить такой глубинный фактор детерминации билингвизма, как факт неполной сводимости друг к другу практик различных культур. С точки зрения социального конструктивизма билингвизм получает объяснение в качестве объективного явления, формирующегося в условиях усложнения социокультурной реальности и возрастания ее разнообразия: взаимопроникновение культурных явлений, тенденций и форм организации социальной жизни в межкультурном взаимодействии и вариативность социокультурного бытия современного человечества требует языковых средств, завершающих объективацию новых для данной культуры феноменов в ее практическом бытии. С точки зрения эпистемического конструктивизма билингвизм может быть соотнесен также с распространением вероятностного стиля мышления, вариативности ракурсов и способов познания одного и того же объекта, дополнительности как общей характеристики познания в современной культуре. Герменевтика дает ключ к изучению билингвизма как стыковки и взаимодействия не только двух языков, но и двух культурных традиций, и определяет процесс понимания как диалог между культурами. Герменевтика подчеркивает погруженность билингвов в контекст различных культур, что позволяет им органично воспринимать сообщения на разных языках с учетом соответствующего культурного контекста. Структурализм постулирует существование смысла независимо от способа его выражения, что создает возможность облекать единицы смысла в разные языковые оболочки, то есть оформлять смысл с помощью различающихся языковых структур; при этом во многих случаях невозможно идентично передать оттенки исходного смысла с помощью разных языков; таким образом, с точки зрения структурализма билингвизм предстает как конечное проявление объективной смысловой полноты бытия, вариант языковой деятельности, направленной на максимальное выражение смыслов, всегда не укладывающихся в границы единственной лингвистической системы.

В-третьих, для некоторых философских идей билингвизм может служить не только объектом приложения, но и своего рода «испытательным

полигоном», на котором философские тезисы получают эмпирическую проверку в сфере реального бытия. Так, билингвизм позволяет «тестировать» концепцию языкового конструирования мышления, позволяя сопоставлять конструирующее воздействие различных языков при осмыслении одних и тех же реалий человеком, применяющим различные языковые коды: то обстоятельство, что в эмпирических исследованиях билингвы обнаруживают большую открытость по отношению к новым идеям, способность к установлению отдаленных ассоциаций и учету альтернативных позиций, говорит об их как минимум частичном освобождении от «тирании языка» и, таким образом, подтверждает конструктивистскую его интерпретацию. Также билингвизм является наглядным воплощением герменевтического круга, поскольку билингв при понимании сообщения должен прежде всего решить задачу распознавания языка, на котором сделано сообщение, то есть у него понимание конкретного сообщения всегда очевидным образом апеллирует к контексту и в принципе невозможно без соотнесения с контекстом.

И в-четвертых, при изучении билингвизма оказываются востребованными аксиологическая и ценностно-ориентирующая функции философии. В сфере рационально-теоретического познания лишь философия может занимать не только описательную и объяснительную концептуальную позицию по отношению к объекту исследования, но и давать его оценку, соотнося его сущность с фундаментальными человеческими ценностями. Именно в таком ракурсе, на наш взгляд, должен быть осмыслен феномен билингвизма. Билингвизм представляет собой важный ресурс личностного развития, способствующий, как показывают приведенные в работе данные эмпирических исследований, гибкости и поддержанию высокой работоспособности мышления, расширению творческих возможностей, углублению эмпатии и т. д. Билингвизм является действенным фактором межкультурного взаимодействия, наполнения его значимым содержанием, его углубления по сравнению с формальным уровнем осуществления. Поэтому билингвизм заслуживает мировоззренческой поддержки в качестве рекомендуемого ориентира

личностного роста и культурной деятельности сообществ, что и становится обоснованным в его философском рассмотрении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Автономова, Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / Н. С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 504 с.
3. Автономова, Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н. С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 704 с.
4. Автономова, Н. С. Философский язык Жака Деррида / Н. С. Автономова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 510 с.
5. Акишина, Е. О., Мартишина, Н. И. Метафоры в философских текстах / Е. О. Акишина, Н. И. Мартишина // Омский научный вестник. – 2009. – № 5 (81). – С. 110-113.
6. Александров, Ю. И., Александрова, Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления / Ю. И. Александров, Н. Л. Александрова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 320 с.
7. Александрова, Н. Ш. Билингвизм – адаптация в языковой сфере? / Н. Ш. Александрова // Шестая междунар. конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. – Межрегиональная обществ. организация "Ассоциация когнитивных исследований", Центр развития межличностных коммуникаций, Балтийский гос. ун-т им. И. Канта. – 2014. – С. 114-115.
8. Алексеева, М. Л. Проблема непереводимости в философских исследованиях начала XXI века [Электронный ресурс] / М. Л. Алексеева // Вопросы философии. – 2016. – №3. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1357&Itemid=52 (дата обращения 01.02.2018).
9. Анохин, К. В. Когнитом: разум как физическая и математическая структура [Электронный ресурс] / К. В. Анохин. – Режим доступа:

<https://docplayer.ru/69266483-Kognitom-razum-kak-fizicheskaya-i-matematicheskaya-struktura.html> (дата обращения: 03.09.2018).

10. Апухтина, Н. Г., Карачканов, А. А. Феномен организационной культуры в современном философском дискурсе / Н. Г. Апухтина, А. А. Карачканов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 5 (387). Философские науки. Вып. 40. – С. 75-81.
11. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.
12. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова. – Теория метафоры: сборник; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
13. Балданов, Б. Б., Балханов, И. Г. Билингвизм в процессе межэтнической интеграции / Б. Б. Балданов, И. Г. Балханов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 97-100.
14. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
15. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт. – Структурализм: «за» и «против»: сборник статей; под. ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 114-163.
16. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
17. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
18. Бейкер, Л. Онтологическая значимость артефактов / Л. Бейкер // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 2. – С. 55-63.
19. Беляева, Л. А., Новикова, О. Н. «Человек играющий» в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т.2. – С. 82-95. – DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-82-95.

20. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: МЕДИУМ, 1995. – 217 с.
21. Библер, В. С. Культура XX века и диалог культур / В. С. Библер. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
22. Блинов, Е. Н. Политическая философия языка: К новой типологии визикулярности / Е. Н. Блинов // Эпистемология и философии науки. – 2011. – № 3. – С. 165-175.
23. Блох, М. Я. Концепт и картина мира в философии языка / М. Я. Блох // Пространство и время. – 2010. – № 1. – С. 37-40.
24. Богуславская, С. М. Диалог в трудах М. М. Бахтина / С. М. Богуславская // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 7 (126). – С. 17-23.
25. Бородитски, Л. Как язык формирует мышление / Л. Бородитски // В мире науки. – 2011. – № 5. – С.15-18.
26. Бурдьё, П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] / П. Бурдьё // «Отечественные записки». – 2005. – № 2. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyuka> (дата обращения 01.02.2019).
27. Бурлак, С. А. Происхождение языка. Новые материалы и исследования / С. А. Бурлак. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 80 с.
28. Ваганова, Е. Г. Языковая картина мира как предмет философско-лингвистического анализа / Е. Г. Ваганова // Идеи и идеалы. – 2012. – №3 (13). Т.2. – С. 3-10.
29. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 265 с.
30. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицкая. – Теория метафоры: сборник; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133-152.

31. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
32. Вигель, Н. Л. К вопросу о психолингвистике и нейролингвистике билингвизма и особенностях билингвальной психологии / Н. Л. Вигель // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XXXVII междунар. науч.-практ. конф. № 6 (37). – Новосибирск: СибАК, 2014. – С. 11-15.
33. Витгенштейн, Л. Избранные работы. Перевод с нем и англ. / Л. Витгенштейн. – М.: Территория будущего, 2005. – 439 с.
34. Владимирова, С. Г. Взаимодействие языковых структур при билингвизме / С. Г. Владимирова// Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – С. 156-160.
35. Воротова, А. В. Концепт перевода в философской герменевтике / А. В. Воротова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 351. – С. 43-45.
36. Гадамер, Г. Г. Актуальность прекрасного / Г. Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.
37. Гадамер, Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
38. Гафиятова, Э. В. Билингвальная профессиональная компетенция как условие успешной межкультурной коммуникации / Э. В. Гафиятова // Интеграция образования. – 2014. – № 2 (75). – С. 82-88.
39. Горбачева, А. Г. Особенности письменных жанров в эпоху сетевых технологий (языковые идентичности и их метаморфозы) / А. Г. Горбачева // Идеи и идеалы. – 2014. – № 3 (21). Т. 2. – С. 46 - 54.
40. Гумбольдт, В. Об изучении языков, или План систематической энциклопедии всех языков / В. Гумбольдт / Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 346-349.
41. Гумбольдт, В. Характер языка и характер народа / В. Гумбольдт / Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 370-381.

42. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
43. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
44. Донских, О. А. Иерархическая оптика языка: греческий прорыв / О. А. Донских // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3 (37), т. 1. – С. 144-170.
45. Донских, О. А. Происхождение языка как философская проблема / О. А. Донских. – Новосибирск: Наука, 1984. – 130 с.
46. Дрофа, С. Ю. К проблеме классификации функций языка / С. Ю. Дрофа // Омский научный вестник. 2015. № 3 (139). С. 73-77.
47. Дрофа, С. Ю. Экология языка в информационном обществе / С. Ю. Дрофа // Перспективы развития современного гуманитарного знания: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Стерлитамак: БашГУ, 2018. С. 53 – 56.
48. Дрофа, С. Ю. Функции языка в культуре транзитивного периода: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Дрофа Светлана Юрьевна. – Омский гос. пед. университет, 2016. – 24 с.
49. Думнова, Э. М. Механизмы формирования идентичности в транзитивном обществе / Э. М. Думнова // Идеи и идеалы. – 2015. – № 2 (24). Т. 2. – С. 104-111.
50. Евдокимова, Н. В. Преподавание основ многоязычия в неязыковом вузе / Н. В. Евдокимова // Высшее образование в России. – 2007. – № 10. – С.144-147.
51. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.
52. Емельянова, Я. Б. Характеристика переключения кода в коммуникации с переводом / Я. Б. Емельянова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 105-109.

53. Ерохина, Е. А. Этническое многообразие в динамике развития российской цивилизации / Е. А. Ерохина, // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1 (31). Т. 2. – С. 25-34. – DOI: 10.17212/2075-0862-2017-1.2-25-34.
54. Закирьянов, Г. З. Два феномена: билингвизм и билингвальная личность / Г. З. Закирьянов // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. № 1 (1). – С. 498-502.
55. Замятин, К. Как и зачем сохранять языки народов России? / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви. – Хельсинки: Vammalan Kirjapaino Oy, 2012. – 179 с.
56. Иванова, С. В. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: монография / С. В. Иванова, З. З. Чанышева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
57. Ильенков, Э. В. Что же такое личность? / Э. В. Ильенков / С чего начинается личность: сборник – М.: 1984. – С. 319-358.
58. Ильин, В. В. Философия: учебник. В 2 т. / В. В. Ильин. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 832 с.
59. Истомина, О. Б. Билингвизм: социальная типология языковых контактов / О. Б. Истомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 70-74.
60. Истомина, О. Б. Репрезентация и интерпретация языка в условиях глобализации / О. Б. Истомина // Евразийство и мир. – 2013. – № 2. – С. 133 - 144.
61. Истомина, О. Б. Языковые контакты как фактор этнической идентификации / О. Б. Истомина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2018. – № 3. – Т. 4. – С. 3-9.
62. Истомина, О. Б., Томских Е. О. Ното loquens и процессы этнической идентификации / О. Б. Истомина, Е. О. Томских // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2019. – Вып. 2.– С. 12-19.

63. Источникова, А. В. М. Хайдеггер. Метод герменевтического анализа текста / А. В. Источникова // Вестник МГТУ. – 2010. – Т. 13, № 2. – С. 316-320.
64. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – СПб.: ИКА Тайм-аут, 1993. – 477 с.
65. Карпушкина, Е. А. Становление двуязычной системы детей с билингвизмом / Е. А. Карпушкина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 223-230.
66. Касавин, И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И. Т. Касавин. – М.: Альфа-М, 2013. – 557 с.
67. Касавин, И. Т. Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.
68. Кассирер, Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер / Проблема человека в западной философии: сборник; под общ. ред. Ю. Н. Попова – М.: Прогресс, 1988. – С. 3-30.
69. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер / Теория метафоры: сборник; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой – М.: Прогресс, 1990. – С. 33-43.
70. Кислов А. Г. От опережающего к транспрофессиональному образованию / А. Г. Кислов // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. № 1. С. 54-74. – DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-54-74.
71. Ковалева Т. В. Билингвизм в русской культуре XVIII – середины XIX вв.: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Ковалева Татьяна Викторовна. – Санкт-Петербург, 2007. – 189 с.
72. Коваль, О. А., Крюкова, Е. Б. Пути герменевтики Хайдеггера и Гадамера / О. А. Коваль, Е. Б. Крюкова // Философский журнал | Philosophy Journal. – 2015. – Т. 8. № 4. – С. 99–108.
73. Козлова, М. С. Идея «языковых игр» / М. С. Козлова / Философские идеи Людвиг Витгенштейна – М.: ИФРАН, 1996. – С. 5-24.

74. Козырева, О. А. Билингвизм как междисциплинарная проблема / О. А. Козырева // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 13 (141). – С. 150-153.
75. Коллинз, Г. Социальное картезианство и онтологическая асимметрия / Коллинз Г. // Эпистемология и философии науки. – 2011. – № 3. – С. 17-34.
76. Колыхалова, О. А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Колыхалова Ольга Алексеевна. – М.: 1999. – 275 с.
77. Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки – М.: Канон+, 2009. – С. 373.
78. Кормочи, Е. А. Язык как предмет философской рефлексии / Е. А. Кормочи // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2010. – № 2 (16). – С. 12-29.
79. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка / Е. С. Кубрякова / В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН – М.: Знак, 2012. – С. 63-78.
80. Кубрякова Е. С. Лингвокультурологический статус драмы. // Е. С. Кубрякова / В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН – М.: Знак, 2012. – С. 128-146.
81. Кубрякова, Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира / Е. С. Кубрякова / В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН – М.: Знак, 2012. – С. 35-42.
82. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. – 537 с.
83. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 358 с.

84. Лекторский, В. А. Философия и исследование когнитивных процессов / В. А. Лекторский // Когнитивный подход: монография; отв. ред. В.А. Лекторский – М.: Канон+, 2008. – С. 5-19.
85. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. – М.: Канон+, РООИ Реабилитация, 2012. – 384 с.
86. Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
87. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
88. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
89. Мамардашвили, М. К., Пятигорский, А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 224 с.
90. Мартишина, Н. И. Аргументационные практики в «Пире» Платона / Н. И. Мартишина // Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2 (15). – С. 27-31.
91. Мартишина, Н. И. Дискурсивные практики образования и смена парадигмы / Н. И. Мартишина // Высшее образование в России. – 2017. – № 3. – С. 37-42.
92. Мартишина, Н. И. Категория конструирования: за пределами технической интерпретации / Н.И. Мартишина // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2011. – Вып. 25. – С. 25–31.
93. Мартишина, Н. И. Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании / Н. И. Мартишина // Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. – 2015. – № 2 (6). – С. 19-23.

94. Мартишина, Н. И. Концепция многообразия видов познания: о некоторых следствиях парадигмы / Н.И. Мартишина // Вестник ОмГПУ: Гуманитарные исследования. – 2016. – № 1 (10). – С. 21-24.
95. Матвеева, Д. Г. Психолингвистические основы обучения иностранным языкам в условиях двуязычия / Д. Г. Матвеева // Ученые записки ЗабГГПУ. – 2012. – С. 107-112.
96. Меняева, М. П., Невелева, В. С. Социокультурная парадигма согласия как основа стратегии будущего [Электронный ресурс] / М.П. Меняева, В.С. Невелева // Горизонты гуманитарного знания. – 2017. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-paradigma-soglasiya-kak-osnova-strategii-buduschego> (дата обращения 10.03.2019).
97. Микешина, Л. А. Философия познания: Полемические главы / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
98. Микешина, Л. А., Опенков, М. Ю. Новые образы познания и реальности / Л. А. Микешина, М. Ю. Опенков. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 240 с.
99. Реальность. Деятельность. Техника: Введение в философию инженерного дела: монография / Ю. Д. Мишин, В. Д. Верескун, П. М. Постников, Н. И. Мартишина; ред. Ю. Д. Мишин. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2011. – 297 с.
100. Многоязычие в России: региональные аспекты: сборник статей – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 136 с.
101. Молодцова Е. Н. Ценность науки и традиционные ценности в культуре современной Индии / Е. Н. Молодцова // Ценностные аспекты развития науки. – М.: Наука, 1990. – С.259-275.
102. Моррис Ч. У. Основания теории знаков / Семиотика: сборник / под общ. ред. Ю. С. Степанова – М.: Радуга, 1983. – 636 с. С. 37-70.
103. Нестерова, Н. М. Наука о переводе: герменевтика vs деконструктивизм / Н. М. Нестерова // Вестник Томского государственного университета. – 2006. – № 291. – С. 235-238.

104. Нефедова, Л. К. Экзистенциальный конфликт в трагедии В. Шекспира «Гамлет» и его интерпретация в переводе / Л. К. Нефедова // Вестник Омского государственного педагогического университета: Гуманитарные исследования. – 2019. – № 4 (25). – С. 34 – 37.
105. Никифоров, А. Л. Чувственно-вербальное построение мира / А. Л. Никифоров // Эпистемология и философия науки. – 2011. – № 1. – С. 34-54.
106. Новая философская энциклопедия. В 4-х т. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1-4. – 2816 с.
107. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет – М.: Весь мир, 1997. – 704 с.
108. Оршанская, Е. Г. Лингвистический и социолингвистический подходы к изучению проблемы билингвизма / Е. Г. Оршанская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – С. 120-128.
109. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Джон Лангшо Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов – М., 1986. – С. 22-130.
110. Песина, С. А. Когнитивный подход к взаимодействию языка и мышления / С. А. Песина // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – №7 (101). – С. 178-180.
111. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
112. Пирс, Ч. С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
113. Пирс, Ч. С. Что такое знак? / Ч. С. Пирс // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 3 (7) – С. 88-95.
114. Проценко, Е. А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике / Е. А. Проценко // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 1. – С. 123-127.

115. Пружинин, Б. И., Щедрина, Т. Г. Конструктивизм: умонастроение и эпистемологическая доктрина / Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина // Социальная философия науки: Российская перспектива. Материалы Международной конференции – М.: Альфа-М, 2014. – Т. 8. – С. 17.
116. Райл, Г. Понятие сознания. Перевод с англ.; общ. ред. В. П. Филатова / Г. Райл. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 408 с.
117. Рассел, Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. Перевод с англ. / Б. Рассел. – Киев: Ника-Центр, 1997. – 560 с.
118. Риехакайнен, Е. И. Роль семантического контекста в процессе распознавания вербальных паттернов / Е. И. Риехакайнен // Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации. – СПб.: "Издательство ВВМ", 2016. – С. 84-98.
119. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / П. Рикёр. – М.: «Канон-Пресс-Ц»: «Кучково поле», 2002. – 642 с.
120. Рикёр, П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикёр / Теория метафоры: сборник; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой – М.: Прогресс, 1990. – С. 416-434.
121. Рикёр, П. Понимание и объяснение / П. Рикёр / Новая философская энциклопедия: в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 2000–2001. – С. 283–285.
122. Розин, В. М. Что такое мышление? / В. М. Розин // Идеи и идеалы. – 2012. – №1 (11), т.1. – С. 37-58.
123. Ружицкий, И. В., Потемкина, Е. В. Проблема формирования билингвальной личности в лингводидактике / И. В. Ружицкий, Е. В. Потемкина // Мир русского слова. – 2013. – № 2. – С. 81-90.
124. Рябцева, О. М. Билингвизм в современном мире / О. М. Рябцева // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2011. – С. 116-123.
125. Савостьянов, А. Н., Пальчунов, Д. Е. Когнитивные исследования и нейролингвистика: современное состояние и перспективы дальнейших

- исследований / А. Н. Савостьянов, Д. Е. Пальчунов // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 133-140.
126. Седов, К. Ф. Нейропсихоллингвистика / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – 224 с.
127. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 656 с.
128. Серль, Дж. Метафора / Джон Серль / Теория метафоры: сборник; под общ. ред. Н. Д. Арутюновой – М., Прогресс, 1990. – С. 307-341.
129. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
130. Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы IV Междунар. научно-практической конф. – Ижевск: Изд-во ИЖГУ, 2012. – 371 с.
131. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 362 с.
132. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
133. Суханова, Н. П. Языковые репертуары в научном пространстве / Н. П. Суханова // Диалог культур в глобализирующемся мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Махачкала, 2018. – С. 29-32.
134. Таскаева, Е. Б. Билингвизм сквозь призму философской рефлексии / Е. Б. Таскаева // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3 (37). Т. 1. – С. 171-181.
135. Таскаева, Е. Б. Многоязычие в современном мире: культурные традиции и направления исследования / Е. Б. Таскаева // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. – 2017. – № 2. – С. 50-57.
136. Таскаева, Е. Б. Роль философской метафоры в осмыслении взаимодействия языков и культур / Е. Б. Таскаева // Вестник Омского

- государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 2 (23). – С. 49-53.
137. Таскаева, Е. Б. Феномен понимания в аспекте языковой деятельности: основные философские подходы / Е. Б. Таскаева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (21). – С. 43-46.
138. Таскаева, Е. Б. Фатическая функция языка в кросс-культурной коммуникации / Е. Б. Таскаева // Материалы XXX Международной научно-метод. конференции «Актуальные проблемы модернизации высшей школы». – Новосибирск, Изд-во СГУПС, 2019. – С. 271-275.
139. Тер-Минасова, С. Г. Языки и межкультурная коммуникация: Учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
140. Уланович, О. И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия / О. И. Уланович // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 1 (9). – С. 44-51.
141. Уорф, Б. Л. Язык, сознание и реальность / Б. Л. Уорф // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 50. № 4. – С. 220-243.
142. Фейерабенд, П. Против методологического принуждения / П. Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 125-466.
143. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сad, 1994. – 407 с.
144. Хабарова, Л. П. Билингвальное образование в высшей школе: отечественный и зарубежный опыт / Л. П. Хабарова // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2011. – № 24. – С. 846-852.
145. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет: пер. с нем. – М.: Гнозис, 1993. – 332 с.
146. Хенгстенберг, Г. Э. К ревизии понятия человеческой природы / Г. Э. Хенгстенберг / Это человек: Антология / Сост. П. С. Гуревич. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 211-250.

147. Херманн, Ф. В. Фундаментальная онтология языка / Ф. В. Херманн. – Минск: Изд-во ЕГУ, «Пропилеи», 2001. – 168 с.
148. Хлебникова, О. В. Философия в «Галактике Гутенберга» / О. В. Хлебникова. – Омск: Омский гос. университет путей сообщения, 2010. – 130 с.
149. Хомский, Н. Избранное / Н. Хомский. – М.: Энциклопедия-ру, 2016. – 720 с.
150. Черниговская, Т. В. Языки человека: Мозг и культура / Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации: колл. монография; под ред. Т. В. Черниговской, Ю. Е. Шелепина, О. В. Заширинской – СПб.: "Издательство ВВМ", 2016. – С. 11-16.
151. Черниговская, Т. В. Мозг билингва / Т. В. Черниговская // Шестая междунар. конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. – Межрегиональная обществ. организация "Ассоциация когнитивных исследований", Центр развития межличностных коммуникаций, Балтийский гос. ун-т им. И. Канта – Калининград. – 2014. – С. 696.
152. Чиршева, Г. И. Детский билингвизм и развитие бикультуральности / Г. И. Чиршева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 54-57.
153. Чуркина, Н. А., Микиденко, Н. Л. Ментальные основания межкультурного диалога в аспекте глобализации / Н. А. Чуркина, Н. Л. Микиденко // Идеи и идеалы. – 2016. – №1 (27), т.1. – С. 70-76.
154. Шаповалов, В. Ф. Основы философии современности: К итогам XX века / В. Ф. Шаповалов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 1998. – 271 с.
155. Шелер, М. Положение человека в космосе / М. Шелер. Избранные произведения – М.: «Гнозис», 1994. – С. 129-193.
156. Шкода, В. В. Оправдание многообразия: Принцип полиморфизма в методологии науки / В. В. Шкода. – Харьков: "Основа", 1990. – 175 с.

157. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер. Перевод с нем. – СПб.: «Европейский дом», 2004. – 242 с.
158. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко. – СПб.: Александрия, 2007. – 423 с.
159. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
160. Эспиноза, А. Сервера. Кто есть человек? Философская антропология / А. Сервера Эспиноза / Это человек: Антология / Сост. П.С. Гуревич – М.: Высшая школа, 1995. – С. 75-100.
161. Юдина, Т. А. Идентичность сквозь призму языка / Т. А. Юдина // Идеи и идеалы. – 2011. – №3 (9), т.2. – С. 79-87.
162. Юзефович, Н. Г. Актуализация субстрата инолингвокультуры: от внутреннего кодового переключения и внутреннего перевода к вербализации / Н. Г. Юзефович // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 4 (037). – С. 129-143.
163. Юзефович, Н. Г. Интерлингвокультурная языковая личность билингва – посредника межкультурного общения / Н. Г. Юзефович // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 3. – С. 159-165.
164. Якобсон, Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М.: «Прогресс», 1985. – 460 с.
165. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон / Структурализм: «за» и «против»: сборник статей; под. ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
166. Agnihotri, R. K. Multilinguality and the teaching of English in India / R. K. Agnihotri // English and Foreign Languages Journal. – 2010. –1(1). – P.1-14.
167. Amineh R. J., Ast H. D. Review of Constructivism and Social Constructivism / R. J. Amineh, H. D. Ast // Journal of Social Sciences, Literature and Languages. – 2015. – Vol. 1 (1). – P. 10-16.
168. Austin, J. L. How to do things with words / J. L. Austin. – London: Oxford University Press, 1962. – 166 p.

169. Bloomfield, L. *Language* / L. Bloomfield. – London: George Allen & Unwin LTD, 1935. – 566 p.
170. Bialystok, E. *The Bilingual Adaptation: How Minds Accommodate Experience* / E. Bialystok // *Psychological Bulletin*. – 2017. – Vol. 143. – No. 3. – P. 233-262.
171. Bialystok, E. *Bilingual Minds* / E. Bialystok, F. I. M. Craik, D. W. Green, T. H. Gollan // *Psychological Science in the Public Interest*. – 2009. – 10 (3). – P. 89-129.
172. Bialystok, E. *Cognitive and Linguistic Processing in the Bilingual Mind* / E. Bialystok, F. I. M. Craik // *Current Directions in Psychological Science*. – 2010. – Vol. 19, Issue 1. – P. 19-23.
173. Bialystok, E. *Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals* / E. Bialystok, F. I. M. Craik, G. Luk // *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. – 2008. – Vol. 34. No. 4 – P. 859-873.
174. Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia* / G. Deleuze, F. Guattari. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 629 p.
175. Dewaele, J. M., Wei, L. *Multilingualism, empathy and multicompetence* / J. M. Dewaele, Li Wei // *International Journal of Multilingualism*; DOI:10.1080/14790718.2012.714380.
176. Drofa S. Yu. *The ecology of language in the multilingual society* / S. Yu. Drofa // *Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Междунар. научно-метод. конф. «Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи»*. – Донецк: ДНТУ, 2018. – С. 110-113.
177. Eco, U. *Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition* / U. Eco. – Mariner Books, 2000. – 480 p.

178. Eco, U. *The Limits of Interpretation* / U. Eco. – Bloomington: Indiana University Press, 1994. – 296 p.
179. Eco, U. *Semiotics and the Philosophy of Language* / U. Eco. – Bloomington: Indiana University Press, 1986. – 242 p.
180. García, O. Translanguaging in bilingual education / O. García, A. M. Y. Lin (Eds.) // *Bilingual and Multilingual Education. Encyclopedia of Language and Education*. Vol. 5. – Dordrecht: Springer, 2016. – P. 117-130. DOI: 10.1007/978-3-319-02324-3_9-1.
181. Gooch, D. The development of executive function and language skills in the early school years / D. Gooch, P. Thompson, H. M. Nash, M. J. Snowling, C. Hulme // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2016. – No. 57 (2) – P. 180-187. – DOI: 10.1111/jcpp.12458.
182. Grosjean, F. *Bilingual: Life and Reality* / F. Grosjean. – Harvard University Press, 2010. – 276 p.
183. Hamers, J. F., Blanc, M. H. A. *Bilinguality and Bilingualism* / J. F. Hamers, M. H. A. Blanc. – Cambridge University Press, 2000. – 458 p.
184. Hartshorne, J. K. A critical period for second language acquisition: Evidence from 2/3 million English speakers / J. K. Hartshorne, J. B. Tenenbaum, S. Pinker // *Cognition*. – 2018. – Vol. 177. – P. 263-277. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027718300994> (дата обращения: 15.10.2018).
185. Kharkhurin, A. V. The role of cross-linguistic and cross-cultural experiences in bilinguals' divergent thinking / Anatoliy V. Kharkhurin // *Cognitive aspects of bilingualism*. – 2007. – P. 175-210.
186. Krashen, S. D. *Second Language Acquisition and Second Language Learning* / Stephen D. Krashen. – Prentice-Hall International, 1988. – 150 p.
187. *Language education in multilingual India [Электронный ресурс]* / C. J. Daswani et al. / UNESCO Office New Delhi and Regional Bureau for Communication and Information in Asia and the Pacific. – New Delhi, 2001. –

- 383 p. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000125246> (дата обращения 10.02.2018).
188. Leung, A. K.-y., Maddux, W. W., Chiu, C.-y., Galinsky, A. D. Toward a more complete understanding of the link between multicultural experience and creativity [Электронный ресурс] / A. K.-y. Leung, W. W. Maddux, A. D. Galinsky, C.-y. Chiu // *American Psychologist*. 2009. 64(2). P. 156-158 URL: <https://doi.org/10.1037/a0014941> (дата обращения: 15.07.2017).
189. Li, P. Neuroplasticity as a function of second language learning: Anatomical changes in the human brain [Электронный ресурс] / Ping Li, J. Legault, K. A. Litcofsky // *Cortex*. – 2014. – Vol. 58. – P.301-324. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/24996640> (дата обращения 30.03.2019).
190. Luk, G. Bilingualism is not a categorical variable: interaction between language proficiency and usage [Электронный ресурс] / Gigi Luk, E. Bialystok // *Journal of cognitive psychology (Hove)*. 2013. 25(5). P.605–621. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3780436/> (дата обращения: 12.07.2018).
191. Macnamara, J. The Bilingual's Linguistic Performance – A Psychological Overview / J. Macnamara // *Journal of Social Issues*. – 1967. – № 23. – P. 58-77.
192. Malinowski, B. The Problem of Meaning in Primitive Languages / B. Malinowski / С. К. Ogden et al. *The Meaning of Meaning*. – Bucharest: Contemporary Literature Press, 2013. – P. 266-306.
193. Marian, V. The Cognitive Benefits of Being Bilingual [Электронный ресурс] / V. Marian, A. Shook // *Cerebrum*. – 2012. – Vol. 13. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3583091/> / (дата обращения 30.03.2018).
194. Milans, M. P. Bilingual Education in Hong Kong / M. P. Milans // *Encyclopedia of Language and Education. Bilingual Education*. – Springer, 2017. – DOI: 10.1007/978-3-319-02324-3_17-1.

195. Morris C. W. Signification and significance: a study of the relations of signs and values / C. W. Morris. – M. I. T. Press, Massachusetts Institute of Technology, 1964. – 99 p.
196. Peters, S., Crone, E. A. Increased striatal activity in adolescence benefits learning / S. Peters, E. A. Crone // Nature Communications. – 2017. – Vol. 8. – DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-017-02174-z>.
197. Quine, W. Word and Object / W. Quine. – Cambridge: The M. I. T. Press, 1960. – 314 p.
198. Russell, B. Human Knowledge. Its Scope and Limits / B. Russell. – London: George Allen and Unwin Ltd., 1948. – 538 p.
199. Ryle, G. The Concept of Mind / G. Ryle. – Abingdon: Routledge, 2009. – 377 p.
200. Searle, J. Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts / J. Searle. – Cambridge University Press, 1979. – 187 p.
201. Simmel, G. Bridge and Door / Georg Simmel // Theory, Culture & Society. – 1994. – Vol.11 (1). – P. 5-10.
202. Special Eurobarometer 386: Europeans and their languages [Электронный ресурс] / European Union Open Data Portal, 2012. – URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb_special_399_380_en.htm#386 (дата обращения: 15.08.2017).
203. Subhush, N. Three language education formula in multilingual India: Problems and Prospects / N. Subhush // International J. Educational Research. – 2013. – Vol. 1. Issue 4. – P. 150-158.
204. Vaughn, K. A. Becoming a balanced, proficient bilingual: Predictions from age of acquisition & genetic background / K. A. Vaughn, A. E. Hernandez // Journal of neurolinguistics. – 2018. – DOI: 10.1016/j.jneuroling.2017.12.012.
205. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein. – Blackwell Publishing, 2009. – 322 p.